РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ
ИНСТИТУТ АФРИКИ

АЗИЯ сегодня и АФРИКА

№ 7 (756) 2020

Ежемесячный научный журнал
Выходит с июля 1957 года
Журнал издается под руководством Отделения историко-филологических наук РАН
ISSN 0321-5075

Главный редактор
академик РАН А.М. ВАСИЛЬЕВ

Редакционная коллегия:

И.О. АБРАМОВА
В.Я. БЕЛОКРЕНИЦКИЙ
Л.В. ГЕВЕЛИНГ
А.Б. ДАВИДСОН
А.В. ДЕНИСОВ
Р.Г. ЛАНДА
В.А. МЕЛЬЯНЦЕВ
Д.В. МОСЯКОВ
С.В. ПРОЖОГИНА
О.И. ТЕТЕРИН
Л.Л. ФИТУНИ
Т.Л. ШАУМЯН
В.Г. ШУБИН

Международный редакционный совет:

Б.А. АКИНТЕРИНВА (Нигерия)
Х.Х.С. ВИШВАНАТАН (Индия)
М. НАСР АЛЬ-ГИБАЛИ (Египет)
ЯН ГУАН (КНР)
Я.М. ИБН ДЖУНЕЙД (Саудовская Аравия)
С.С. КУНАНБАЕВА (Казахстан)
Ф.С. МУФАМАДИ (ЮАР)
У. РЕНО (США)

Над номером работали:

А.В. ДЕНИСОВ, ответственный секретарь
Т.С. ДЕНИСОВА
В.С. ОКУЛОВ
М.Е. ПЕТРОВА
О.И. ТЕТЕРИН, первый зам. главного редактора
Н.В. ЕСЕНКИНА, зав. редакцией

Оформление и верстка
Г.М. АБИШЕВА

Подписано в печать 24.06.2020. Формат 60x88 1/8. Уч.-изд. л. 10,0.
Тираж 230 экз. Цифровая печать. Заказ 1/6а. Цена свободная.
Оригинал-макет подготовлен в редакции.
Издатель: Российская академия наук.
Исполнитель по контракту № 4У-ЭА-040-19 ООО «Интеграция: Образование и Наука».
105082, Москва, Рубцовская наб., д. 3, стр. 1, пом. 1314.
Отпечатано в ООО «Институт информационных технологий»

CONTENTS
№ 7 (756) 2020

POLITICS, ECONOMICS

Dmitry B. Grafov. Lobbying of the internal Libyan conflict actors in the United States (comparative analysis) **4**

Islam, Islamism and extremism

Natalia A. Zherlitsyna. Prospects for the spread of ISIS after the defeat of the caliphate **13**

Victoria V. Perskaya, Nikolay S. Revenko. «Made in China 2025»: Chinese experience in achieving national development goals **19**

Olga L. Fituni. Chinese diaspora in Africa: structure, identity, influence. Part 2 **26**

Igor V. Britov. Vietnam's stand-off with COVID-19: success factors **33**

Tatyana S. Denisova, Sergey V. Kostelyanets. Togo: The Gnassingbé dynasty and the 2020 presidential election **41**

Lyudmila V. Shkvarya. Integration processes in the GCC in the XXI century **48**

FOREIGN EXPERT'S VIEW

Somga Bitchoga N.F. (Cameroon). Cameroon: structural analysis of economy on the basis of a sector approach **55**

POST-GRADUATE TRIBUNE

Dmitry V. Vasiliev, Ellina P. Shavlay. South China Sea in confrontation between China and the United States in Asia **61**

Daria N. Kamyshnikova. Forming of human capital in Malaysia **67**

SCIENTIFIC LIFE

Sergei N. Volkov, Tatiana L. Deych. Africa in the emerging model of the World order **73**

BOOK REVIEW

Larisa A. Chereshneva. Ambedkar - the great untouchable of India **78**

«Asia and Africa today» is a scientific monthly journal (in Russian) of the Russian Academy of Sciences. Published since July 1957.

The journal articles do not necessarily reflect the view of the Editorial Board.

Included in **Russian Science Citation Index on WoS platform, and EBSCO Publishing.**
ISSN 0321-5075

Postal Address:
30/1 Spiridonovka Str.
123001, Moscow, Russian Federation
Тел.: **+7 495 697 94 50**
Tel./Fax: **+7 495 691 02 70**
E-mail: **asaf-today@mail.ru**
Website: **www.asaf-today.ru**

On the cover: A girl in the image of Shiva, Pushkar, India (*photo by Igor Akmulin*).

СОДЕРЖАНИЕ
№ 7 (756) 2020

ПОЛИТИКА, ЭКОНОМИКА

Графов Д.Б. Лоббирование в США интересов сторон внутреннего ливийского конфликта (сравнительный анализ) **4**

Ислам, исламизм и экстремизм

Жерлицына Н.А. Перспективы распространения ИГИЛ после разгрома халифата **13**

Перская В.В., Ревенко Н.С. «Сделано в Китае 2025»: китайский опыт обеспечения задач национального развития **19**

Фитуни О.Л. Китайская диаспора Африки: структура, идентичность, влияние. Статья 2 **26**

Бритов И.В. Вьетнам в противостоянии COVID-19: факторы успеха **33**

Денисова Т.С., Костелянец С.В. Того: «Династия Гнассингбе» и президентские выборы 2020 г. **41**

Шкваря Л.В. Интеграционные процессы в ССАГПЗ в XXI веке **48**

ВЗГЛЯД ЗАРУБЕЖНОГО ЭКСПЕРТА

Сомга Бичога Н.Ф. (Камерун). Камерун: структурный анализ экономики на основе секторного подхода **55**

ТРИБУНА СОИСКАТЕЛЯ

Васильев Д.В., Шавлай Э.П. Южно-Китайское море в противостоянии КНР и США в Азии **61**

Камышникова Д.Н. Формирование человеческого капитала в Малайзии **67**

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Волков С.Н., Дейч Т.Л. Африка в формирующейся модели мироустройства **73**

РЕЦЕНЗИИ

Черешнева Л.А. (Липецк). Амбедкар - великий неприкасаемый Индии **78**

© Российская академия наук, 2020
© Редколлегия журнала «Азия и Африка сегодня» (составитель), 2020

Точка зрения авторов может не совпадать с точкой зрения редакции.

Журнал включен в список ВАК.
Входит в Russian Science Citation Index на платформе Web of Science и EBSCO Publishing.

Адрес редакции:
123001, Москва, ул. Спиридоновка, д. 30/1
Тел.: **+7 495 697 94 50**
Тел./факс: **+7 495 6910270**
E-mail: **asaf-today@mail.ru**
Интернет: **www.asaf-today.ru**

На первой полосе обложки: Девочка в образе индуистского божества Шивы, Пушкар, Индия (*фото И.А. Акмулина*).

ПОЛИТИКА, ЭКОНОМИКА

DOI:10.31857/S032150750010109-1

ЛОББИРОВАНИЕ В США ИНТЕРЕСОВ СТОРОН ВНУТРЕННЕГО ЛИВИЙСКОГО КОНФЛИКТА (сравнительный анализ)

© 2020 Д. ГРАФОВ

ГРАФОВ Дмитрий Борисович, кандидат политических наук, ст.н.с. Центра исследования общих проблем современного Востока, Институт востоковедения РАН. ORCID ID: https://orcid.org/0000-0002-7334-5398 (graftvc@mail.ru)

Резюме. *Поддержка США одной из сторон конфликта в Ливии может оказать решающее значение на итог противостояния. Отношение Вашингтона к правительству Ф.М.Сараджа становится все более неочевидным с тех пор, как год назад командующий Ливийской народной армии начал наступление на Триполи. В то же время президент США не может не считаться с тем фактом, что Сарадж возглавляет признанное ООН правительство. В условиях неопределенности политики президента Д.Трампа и его противостояния с Конгрессом стороны конфликта пытаются влиять на позицию Вашингтона в отношении ливийского конфликта с помощью лоббистов.*

Ключевые слова: *Ливия, США, лоббирование, FARA, Правительство национального согласия, Сарадж, Ливийская народная армия, Хафтар*

LOBBYING OF THE INTERNAL LIBYAN CONFLICT ACTORS IN THE UNITED STATES (comparative analysis)

Dmitry B. GRAFOV, PhD (Political Science), Senior Research Fellow, Center for Study of Common Problems of Contemporary East, Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences (graftvc@mail.ru)

Abstract. *The purpose of this study is to compare lobbying of the internal Libyan conflict actors in the United States. The author focuses on informational materials submitted by lobbyists in accordance with Foreign Agent Registration Act (FARA). The methodology of the study is comparative analysis of different cases of different lobbyists hired by the commander of Libyan national army (LNA) H.Hafter, on the one hand, and prime minister of the Government of National Accord (GNA) of Libya Al-Sarraj, on the other hand.*

Al-Sarraj's government has struggled to exert its authority across Libya, not only in the eastern region where it fights against the Libyan National Army. President Donald Trump has spoken by phone with Libya's Field Marshal Khalifa Hafter, who is leading an offensive to take over the capital of Tripoli - the seat of the U.N. supported government. There are a lot of other signs that D.Trump backs H.Hafter despite the State Department and Congress recognize Al-Sarraj's government. Concerns of GNA have raised about Hifter's advance on Tripoli and strengthening support warlord by important outside backers, among such are Russia, the UAE, Egypt.

According to FARA filing the lobbyists of GNA interests provided strategic consulting and management services to identify interest groups allied with client in different bodies of American Government. At the same time lobbyists of LNA tried to counter attempts Hafter's adversaries and advocate Marshall Hafter through communication letters and Congressional hearings. But the results of lobbying the legislation in the Senate and Congress on behalf of Al-Sarraj were more substantial, media and public relations work was successful and powerful too. The goal of GNA was achieved partly. Trump's Administration could neither support openly Marshall Hafter nor betray Al-Saraj's Government.

Keywords: *Libya, USA, lobbying, FARA, GNA, Al-Sarraj, LNA, Haftar*

Текущее развитие внутриливийского конфликта, который перешел в вооруженное противостояние, во многом зависит от внешних акторов, особенно в условиях, когда ни одна из сторон не имеет уверенного перевеса сил, чтобы одержать победу на поле боя.

Пожалуй, всех внешних акторов, вовлеченных в конфликт, можно разделить на тех, кто признает только Правительство национального согласия Ливии (ПНС), признанное ООН, и остальных, кто считает, что будущее страны должно решаться в переговорах ПНС с Ливийской национальной армией (ЛНА), основывающей свою легитимность на воле Палаты представителей Ливии.

В 2018-2019 гг. в администрации Д.Трампа появились признаки не столь однозначной поддержки ПНС под руководством Фаиза Мустафы Сараджа. США отказались поддержать британскую резолюцию Совета Безопасности ООН, которая обвиняла в росте насилия ЛНА, а её командующий Халифа Хафтар получил поддержку от Д.Трампа по телефону. Очевидно, американская внешняя политика столкнулась с непростым вопросом, почему Правительство национального согласия Сараджа в Триполи важнее для США, чем маршал Х.Хафтар во главе Ливийской национальной армии в Тобруке. В 2017 г. в ответ на озабоченность Италии сотрудничеством маршала Хафтара с Россией Д.Трамп заявил, что США не

играют какой-то роли во внутриливийской борьбе за власть [1].

Наступление Х.Хафтара на Триполи началось после разговора командующего ЛНА с советником президента США по национальной безопасности Дж.Болтоном и продолжилось после телефонного разговора с Д.Трампом [2]. Звонок командующему ЛНА президента США последовал на следующий день после его встречи в Белом доме с президентом Египта ас-Сиси. О поддержке Хафтара со стороны ОАЭ и Саудовской Аравии, как внешнем вмешательстве, заявил сенатор Л.Грэм [3]. С другой стороны - на стороне Сараджа и ПНС были глава Госдепартамента США М.Помпео и исполняющий обязанности министра обороны П.Шанахан, они призывали маршала Х.Хафтара остановить наступление на позиции ПНС [4].

ЛОББИРОВАНИЕ ИНТЕРЕСОВ ПНА И ПРЕМЬЕРА Ф.М.САРАДЖА

В США лоббирование является легальной услугой. В соответствии с Законом о регистрации лоббистской деятельности[1] отчеты лоббистов подаются в сенат и палату представителей Конгресса, а в случае лоббирования интересов иностранных клиентов - в Министерство юстиции в соответствии с требованиями Закона 1938 г. о регистрации иностранных агентов (*FARA*)[2].

Можно выделить три направления работы лоббистов ПНС:

а) законодательные инициативы (*influencing via legislation*), которые должны были затруднить поддержку Х.Хафтара президентом США;

б) компрометация Хафтара и ЛНА в глазах американского политического класса, чтобы облегчить прохождение законодательных инициатив в интересах Сараджа и ПНС;

в) влияние через экспертные центры (*influencing via think tanks*) на мнение законодателей и администрацию президента.

Главная работа шла через Конгресс и в публичном пространстве (*influencing public opinion*)[3] с целью дискредитировать «самозваного маршала», лишить Белый дом возможности поддерживать его. Основным проводником интересов ПНС стала лоббистская компания *Mercury Public affairs LLC*. Катар и Турция, которые поддерживают правительство Сараджа, также нанимают её для лоббирования своих интересов в Вашингтоне. Договор был подписан в апреле 2019 г. на $2 млн в год. Сама фирма наняла еще около 20 лоббистов вне штата [6].

Поскольку президент Трамп не склонен делиться с конгрессменами планами относительно Х.Хафтара, «*Mercury*» в мае 2019 г. пролоббировала в Конгрессе инициативу - обязать администрацию сформулировать стратегию в отношении Ливии и утвердить её в виде закона. Под стратегией в отношении Ливии законопроект подразумевает: описание целей, путей и средств для их достижения; описание отношений с партнерами по борьбе с терроризмом и как они продвигают или подрывают стабильность в Ливии, а также стратегические интересы США в Ливии [7]. Далее следует требование подробно описать, как другие страны способствуют или препятствуют законным ливийским властям и ООН в политическом урегулировании конфликта. Администрация президента должна дать оценку военной деятельности внешних субъектов конфликта, включая Россию, Египет, Катар, Саудовскую Аравию, Объединенные Арабские Эмираты (ОАЭ), Турцию и Францию. Конгресс также желает знать: использовали эти страны, или нет вооружение американского происхождения; нарушали, или пытались нарушить эмбарго ООН на поставки оружия в Ливию[4].

Работа «*Mercury*» активизировалась в середине 2019 г., когда войска Хафтара приступили к осаде Триполи. Лоббисты разработали план «побуждения» Белого дома к поддержке ПНС [8]. Он предусматривал: позитивный, поддерживающий телефонный звонок от президента Трампа премьер-министру Сараджу; четкое публичное заявление президента или администрации, подтверждающее поддержку ПНС, с четкой позицией против наступления ЛНА; рекомендацию администрации воздержаться от встреч с Хафтаром или с кем-либо из его представителей; подготовку знакового письма послу США в ООН с призывом поддержать дипломатическое лидерство США в прекращении огня и отвода войск Хафтара.

Идеи, которые не давали бы возможности Трампу вести двойную политику в отношении ливийского конфликта, предлагались в качестве поправок в Закон о бюджете Минобороны США (*National Defense Authorization Act - NDAA*): признание ПНС в качестве единственного правитель-

---

[1] LDA - The Lobbying Disclosure Act of 1995.

[2] Foreign Agents Registration Act of 1938 (FARA), Section 4 of the Act, 22 U.S.C. §§ 614(a) и (b).

[3] Улучшение имиджа в публичном пространстве и политическом классе становится важным элементом в лоббировании иностранных интересов, когда требуется «поддержать» голосование законодателей мнением общества и политического класса [5, с. 93].

[4] Эмбарго введено в соответствии с резолюцией № 1970 СБ ООН от 2011 г. (*прим. авт.*).

ства Ливии; поддержка в рамках ООН мирных переговоров и переговоров в рамках ООН о проведении демократических выборов. Среди других идей: подключить к лоббистской кампании сенаторов Л.Грэма и П.Лихи, высказывающихся в поддержку ПНС; организовать выступление в Конгрессе командующего Африканскими силами США (*AFRICOM*) генерала С.Таунсенда.

Основной лоббистский актив «*Mercury*» находился в Конгрессе и действовал близко к плану. Лоббисты организовали телефонный разговор премьер-министра Ливии Ф.Сараджа с сенатором Л.Грэмом [9]. После него сенатор призвал Белый дом остановить наступление ЛНА на законное правительство в Триполи, подчеркнул заслуги ПНС в борьбе с «Исламским государством» (ИГИЛ) и призвал администрацию способствовать мирному процессу в Ливии [3].

Член палаты представителей Т.Малиновски, бывший помощник госсекретаря США при президенте Б.Обаме, особенно критиковал политику Д.Трампа в отношении Ливии за то, что его администрация «объединяется с диктатором, которого поддерживает Россия», чтобы помочь ему свергнуть правительство, признанное США и международным сообществом. Член сенатского комитета по международным отношениям сенатор Б.Менендес, сенаторы Л.Грэм, К.Мерфи и Дж.Баррассо направили письмо президенту США с призывом публично выразить поддержку законному ливийскому правительству [10].

В условиях неопределенности планов Д.Трампа относительно Ливии лоббисты *Mercury Public affairs* старалась подчеркнуть близость американских интересов к ПНС и Сараджу, закрепить эту связь, а контакты с противоположной стороной сделать «токсичными». Бывший командующий *AFRICOM* генерал Т.Вальдхаузер рассказал, выступая в Конгрессе, о встрече с Сараджем и помощи ПНС в американской операции против ИГИЛ. Он назвал ПНС союзником США, указал на вклад ас-Сараджа в урегулирование конфликта.

Отрицательное отношение к Хафтару и его армии в коммуникационном пространстве выстраивалось с помощью безусловной негативной референции таких понятий, как терроризм, преступления против человечности и торговля людьми. Эта практика выстраивания цепочки утверждений или фактов с целью нужной референции и предложения «правильных» выводов известна в лоббизме как «фрейминг» и «рефрейминг» [11, pp. 166-171].

Хафтар был обвинен в распространении дезинформации о своей борьбе с ИГИЛ, и, наоборот, - в доказанных военных преступлениях его армии [12]. Что касается обвинений ПНС и Сараджа в политическом исламе, связях с движением «Братья-мусульмане» и салафитской идеологией, в статье, организованной лоббистами в «Вашингтон пост», утверждалось, что «умеренный политический ислам, обладающий некоторой властью в богатой североафриканской стране, выступает символом популистской политики, которую ОАЭ, Саудовская Аравия и Египет хотели бы полностью искоренить...» [13].

Особенный акцент делался на обвинении Хафтара в жертвах среди мирного населения. Для большей убедительности в Конгресс приглашался специальный представитель Генерального секретаря ООН по Ливии Г.Саламе, который свидетельствовал о десятках ударов армии Хафтара по больницам, полевым госпиталям, гражданским и военным машинам скорой помощи [14]. Отобраны и опубликованы высказывания различных руководителей ЛНА и самого маршала Хафтара о «беспощадности к врагам и перебежчикам, укрывающимся за словами о демократии» [15]. Нанятая ПНС лоббистская фирма *Gotham Government Relations* не просто продвигала обвинения Х.Хафтара в «массовых зверствах» и построении «репрессивного полицейского государства», но и перекидывала мостик к Тегерану. А Иран - это КСИР, «Хезболла», а значит, и Хафтара можно подозревать в поддержке терроризма, с которым сражаются США. Вывод: Хафтар - это современный Муаммар Каддафи, который хочет присоединиться к Ирану, угрожающему миру и региону [16].

Частью плана лоббистской компании *Mercury Public affairs* стала подача иска к Хафтару в интересах родственников убитых ливийцев в окружной суд Вашингтона.

Халифа Хафтар прожил в США 20 лет и до сих пор остается американским гражданином, сохраняя прежнее место жительства. Иск подан адвокатской компанией *Martin F.McMahon* & *Associates* от имени 6 семей, чьи родственники были ранены или убиты в Ливии [17]. «*Mercury*» организовала запрос Генеральному прокурору США и директору ФБР от ряда конгрессменов о мерах в отношении Х.Хафтара, обвиняемого в гибели 12 тыс. ливийцев и ранениях еще 10 тыс., а также в других военных преступлениях, преследуемых американскими законами. Запрос подписали конгрессмены Т.Малиновски, Д.Конолли, Т.Лейт, А.Вагнер, Дж.Уилсон, К.Алред, Д.Тронн [18].

Важным элементом стратегии «*Mercury*» по выстраиванию мотивирующих рычагов на Капитолии было представление Хафтара не как силы политической, а как силы криминальной. Он выборочно освобождает от налогов, создает монополии на экспорт; принуждает должностных лиц государственного и частного секторов действовать в своих интересах. Якобы бригада

ЛНА под командованием сына Х.Хафтара взяла под контроль отделение Центрального банка Ливии в Бенгази и вывезла наличность в неизвестном направлении[5]. Из отчетов в Минюст США видно, что «*Mercury*» организовала освещение «преступлений» маршала через газеты «Гардиан», «Уолл Стрит Джорнэл», агентства Рейтер и Ассошиэйтед Пресс, Би-би-си и другие СМИ [см.: 19-22].

Можно сказать, что *Mercury Public affairs* работала подобно посольству ПНС в Вашингтоне, обеспечив клиенту не только «ухо», но и «голос» - официальный информационный канал. Это имело большое значение, как доказательство присутствия Сараджа в политическом поле, его силы и уверенности в праве и шансах на успех, особенно во время наступления на Триполи армии Х.Хафтара. В мае 2019 г. «*Mercury*» организовала круглый стол для прессы по результатам визита заместителя премьер-министра ПНС А.Майтека, который встречался с лидерами Конгресса и внешнеполитическими экспертами [23].

«*Mercury*» занималась организацией встречи Сараджа с американскими конгрессменами на 73-й Генеральной ассамблеи ООН в сентябре 2019 г. [24]. Среди нанятых лоббистов оказались бывший конгрессмен Дж.Таннер, долгие годы служивший в Комитете по иностранным делам палаты представителей, а также Эд.Кокс, бывший старший советник по вопросам политики отставного сенатора О.Хэтча [25].

После выступления Сараджа на Генассамблее делегация ПНС отправилась в Вашингтон [26]. *PR*-задача лоббистов состояла в представлении итогов визита под нужным углом зрения: ключевые должностные лица ПНС приняты в Белом доме; США признают роль ПНС в обеспечении безопасности в Ливии и вклад в совместную борьбу с ИГИЛ. Точно так же, когда осада Триполи силами ЛНА стала затягиваться, важно было подать это как перелом в пользу ПНС. В публикациях, организованных «*Mercury*», говорится, что в ответ на улучшение условий безопасности Штаб *AFRICOM* вернулся в Ливию через три месяца после того, как США объявили о временной передислокации в связи с «усилением беспорядков» [27].

С точки зрения *realpolitik*, мало найдется желающих поддерживать правительство, которое контролирует лишь несколько кварталов и скоро будет свергнуто. Информационная компания подчеркивала для «уха» американского политического класса: победы у ПНС есть; враг отброшен, и это только первые шаги к победе; ПНС, отбросив Хафтара, продолжила борьбу с ИГИЛ; правительство Сараджа является союзником США в борьбе с ИГИЛ, а ЛНА мешает этой борьбе [28].

Одним из ключевых пунктов лоббистской стратегии стало разжигание алармистских настроений по поводу вмешательства внешних игроков на стороне Х.Хафтара. Бывший сенатор Д.Виттер сделал заявление о том, что четыре ракеты «*Javelin*» американского производства, найденные в захваченном штабе сил Хафтара, оказались из Франции, хотя Франция официально выражает поддержку ПНС. Из этого делался вывод, что Франция находится на стороне ОАЭ и Египта, которые нанимают боевиков из Судана и других африканских стран и поставляют их в отряды ЛНА, что, конечно, противоречит политике США и ООН [29]. Второе лицо в Комитете палаты представителей по международным делам конгрессмен Р.Мемендес обратился с открытым письмом к госсекретарю М.Помпео с призывом провести расследование, каким образом американские вооружения, проданные ОАЭ, оказались в армии Х.Хафтара. И на этом основании прекратить любые продажи американских вооружений Эмиратам [30].

С появлением Турции в качестве союзника Сараджа в конце 2019 г. возникла необходимость объяснить, почему вмешательство Анкары хорошо, а вмешательство ОАЭ, Каира или Москвы - плохо. «*Mercury*» предлагает такую аргументацию: «К концу ноября, когда международное сообщество не предприняло никаких действий против российского вмешательства, ПНС обратилась к своему главному благодетелю - Турции, которая поставила ей боевые беспилотники, бронетехнику и военных советников» [31].

Учитывая постоянные обвинения и подозрения в Конгрессе Д.Трампа в сотрудничестве с Москвой, лоббисты Сараджа продвигали связь «руки Москвы» и маршала Хафтара. Издание «*New America*» совместно с Центром по изучению войны будущего (*Center on the Future of War*) из Аризонского государственного университета опубликовали объемный материал - «Разоблаче-

[5] В тот момент, когда ПНС утратило контроль над финансовыми авуарами, в сейфах Центробанка Ливии находилось 640 млн ливийских динаров, 159 млн евро, $1,9 млн, 5,9 тыс. серебряных монет (*прим. авт.*).

[6] Программа, в свою очередь, объявлена частью совместного проекта «Новой международной безопасности Америки» при участии указанного выше Центра по изучению будущих войн. Заявлено, что «инициатива» должна дать ответ на вопрос, каким образом роль прокси-войн в современных конфликтах, а также способы, которыми глобализация, технический прогресс, распространение оружия массового уничтожения и рост транснациональных негосударственных интересов требуют обновления подходов и методов изучения прокси-войн, в частности, в их нынешнем проявлении в Сирии, Ливии, Йемене, Ираке, Афганистане и Украине (*прим. авт.*).

ние группы Вагнера: анализ роли частных военных охранных компаний в Российской прокси-войне» [32].

Исследование появилось при поддержке *Mercury Public Affairs* и претендует на серьезный научный подход в рамках более широкой научной программы - *The Future of Proxy Warfare Initiative*[6]. Авторы рассматривают российскую политику на Ближнем Востоке как технологию прокси-войн, которая восходит к переосмысленной президентом В.Путиным доктрины Е.Примакова, что нашло отражение еще в ряде статей, подготовленных «*Mercury*» в интересах клиента [33; 34].

Далее «рука Москвы» сменяется концептом «плацдарма России». Наступление на ПНС представляется как расширение российских интересов. Нападение «русских наемников» на признаваемое США правительство - это прямой вызов США. Администрация США должна быть обеспокоена тем, что, в случае успеха Х.Хафтара, Россия получит доступ к двум глубоководным портам в Ливии и овладеет плацдармом для атаки на Европу с Юга.

Лоббистская фирма *Gotham Government Relations* (гонорар - $1,5 млн в 2019 г.) [35] сделала акцент на том, что российские наемники составляют элитное ядро сухопутных войск Х.Хафтара, и Москва открыла свой собственный дипломатический канал, который не санкционирован Советом Безопасности ООН. И, если «ОАЭ интересуют коммерческие возможности ливийских портов», то «Россия хочет контролировать как нефтяные запасы Ливии, так и получить морскую базу в Южном Средиземноморье». Далее утверждалось, что самого Х.Хафтара Москва в любой момент может заменить на Саифа аль-Ислам, сына М.Каддафи, если не получит то, что ей нужно [36]. А это должно поставить знак равенства между режимом М.Каддафи и режимом Х.Хафтара.

Все это подкреплялось призывом члена комитета по международным отношениям сенатора Л.Грэма к президенту Трампу «дать понять всем, что прокси-война в Ливии неприемлема» [3]. В начале 2020 г., когда переговоры о перемирии между Хафтаром и Сараджем окончились неудачей, *Gotham Government Relations* сочла момент подходящим, чтобы обвинить Москву (заодно с европейскими столицами) в лицемерии. Якобы заигрывающие с Х.Хафтаром русские и европейцы лишь на словах «проповедуют прекращение огня и переговоры» [37].

Отдельным направлением лоббистской стратегии *Mercury Public Affairs* была мобилизация целого отряда «*think tanks*» [38]. В мае 2019 г. Американский институт Мира (*Unites States Institute of Peace*) выступил на слушаниях в подкомитете по Ближнему Востоку и Северной Африке Комитета по иностранным делам палаты представителей Конгресса. Эксперты, привлеченные лоббистами, заявили, что глубоко заблуждаются те, кто воспринимают Хафтара «как оплот против исламского экстремизма и террористических организаций». Еще один мозговой центр - *Heritage Foundation* - указывал, что желание США оставаться в стороне от ливийских событий только навредит американским интересам в будущем [39].

Вашингтонский институт ближневосточной политики (*The Washington institute for Near East Policy*) призвал госсекретаря М.Помпео предупредить Хафтара, что, если тот не отведет свои войска, то попадет под американские санкции как проводник российской агрессии. Фонд Карнеги (*Carnegie Endowment for International Peace*) и *The Brookings Institution* пришли к выводу, что продолжающаяся американская амбивалентность в отношении Ливии даже хуже, чем открытая поддержка Х.Хафтара. Эта неопределенность провоцирует всех участников увеличивать ставки в борьбе, что ведет к хаосу, и может усилить «исламское государство».

Использование «*think tanks*» в лоббировании представляет собой распространенную технологию. Есть экспертные центры, которые позиционируют себя не просто как аналитические, а как участники политического процесса, и обещают изменения «политического ландшафта» через представление выводов по своим каналам политическим акторам[7]. Но, как правило, в работе с «*think tanks*» принята не контрактная работа, а поддержка через спонсорские пожертвования, которые формально не означают найм или продажу влияния [40]. Лоббисту же важно распространить информацию в определенных кругах, она должна вызывать доверие, и источник должен указывать своим статусом на то, что транслируемую точку зрения разделяют другие влиятельные акторы.

ЛОББИРОВАНИЕ В ИНТЕРЕСАХ ХАФТАРА И ПАЛАТЫ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ ЛИВИИ

Если лоббистская поддержка Сараджа базировалась в Конгрессе, то у маршала Хафтара были лучше позиции в администрации Д.Трампа. В апреле 2019 г. командующий ЛНА получил телефонный звонок от президента США, благожелательный разговор означал несомненную поддерж-

[7] Demos (UK), Heritage Foundation (USA), Center for American Progress (USA) [40, pp. 35-41].

ку Д.Трампом Х.Хафтара. В заявлении Белого дома указано, что в телефонном разговоре президент «признал значительную роль маршала Хафтара в борьбе с терроризмом, обеспечении безопасности нефтяных ресурсов Ливии. Стороны обсудили общее видение перехода Ливии к стабильной, демократической политической системе» [41].

Также США отказались поддержать британский проект резолюции СБ ООН с призывом к прекращению огня в Ливии и осуждением Х.Хафтара. Одним из основных лоббистов командующего ЛНА была фирма *Dickens* & *Madson Canada Inc*. Она обещала «лоббистские услуги в поддержании контактов с исполнительной и законодательной ветвями власти США, другими американскими организациями, которые заказчик сочтет целесообразными в интересах политики, благоприятной для него и народа Ливии». Оговаривается и контрлоббирование: «Устранение или предотвращение политики и дезинформации СМИ, неблагоприятных для заказчика» [42].

В договоре даже содержится обещание лоббировать интересы маршала Хафтара в России: «Мы будем стремиться, среди прочих целей, вести лоббирование в России, чтобы получить для заказчика грант или гранты на оборудование для обеспечения безопасности и техническую поддержку в размере $500 млн. Мы также будем стремиться поощрять и обеспечивать благоприятное внимание и поддержку в западных СМИ, чтобы достичь целей заказчика». За все это заказчик должен заплатить $6 млн в год - сумму рекордную, по сравнению с другими счетами ливийского кейса.

Dickens & *Madson Canada* привлекала в качестве лоббистов отдельных юристов и юридические фирмы (*Patrick B.Hughes, Adams Jones Law Firm, P.A.*) для лоббирования от имени Палаты представителей Ливии. В отчетах, направленных в Минюст США, говорится о «лоббировании через контакт с законодательной и исполнительной ветвями власти США».

Стратегия еще одной лоббистской фирмы, по контракту с Центром поддержки принятия решений ЛНА, состояла в том, чтобы перевести вопрос об американской поддержке ЛНА в вопрос о поддержке Вашингтоном борьбы Х.Хафтара с террористами-исламистами и движением «Братья-мусульмане». Это - *Linden Government Solutions*, возглавляемая С.Пейном, бывшим чиновником администрации Дж.Буша, работала в Ливии еще в 2011 г. с режимом М.Каддафи. Тогда заказчиком выступали американские нефтетрейдеры, желавшие сохранить бизнес с Ливией. А в 2019 г. лоббисты предложили свои услуги Центру принятия решений ЛНА. За $2 млн они обязались преодолеть разрыв между ЛНА и теми американскими политиками, СМИ, которые становятся жертвами пропаганды Правительства национального согласия.

После появления слухов об ухудшении самочувствия маршала Хафтара лоббистская компания *Grassroots Political Consulting LLC* (гонорар - $520 тыс. за 2017-2018 гг.) разоблачала «ложную информацию» в СМИ, политических кругах по всему миру, аналитических центрах, на слушаниях в Конгрессе США, распространяемую элементами, враждебными маршалу Х.Хафтару и Ливийской национальной армии.

Этому противопоставлялся зеркальный нарратив: Х.Хафтар жив, здоров и жертвует собственным здоровьем в борьбе за свой народ. *Grassroots Political Consulting* бралась обеспечить «ограниченный объем» политической и стратегической пропагандистской деятельности в Конгрессе США, а также предоставить стратегический консалтинг, ситуационный анализ, решить *PR*-задачи. Цель - заручиться поддержкой США и донести истинные цели и методы политики Х.Хафтара и ЛНА. Также лоббисты отчитались об организации брифинга в Конгрессе, подготовке пресс-релизов, размещении статей в западных и арабских СМИ, работе с Комитетом по иностранным делам палаты представителей и Комитетом сената по международным отношениям, «установлении дискуссионных точек».

Исполнитель подчеркивает, что в США предпринимаются согласованные усилия, направленные на то, чтобы сорвать поддержку маршала Хафтара и обеспечить поддержку ПНС со стороны Госдепартамента, Пентагона и Конгресса.

Grassroots Political Consulting обещала убедить американских политиков в поддержке Х.Хафтара ливийцами и показать перспективу политического развития Ливии. Американский политический класс должен был поверить, что командующий ЛНА не диктатор и не собирается узурпировать власть.

Еще одна фирма - *Keystone Strategic Advisers, LLC* лоббировала в интересах некоего «Аль-Маджра», который более известен как начальник штаба ЛНА, генерал Абдул Разик Аль-Надори. За консультации по вопросам стратегии и коммуникации лоббисты получили в 2017-2018 гг. $450 тыс. [43].

Можно говорить о сопутствующем лоббировании в интересах Хафтара со стороны ОАЭ. Из отчета, поданного в Минюст США лоббистской компанией *American Defense International, Inc.*, нанятой посольством ОАЭ в США [44], видно, что в интересах клиента, среди прочего, требовалось отклонить запрос американских законодателей, которые настаивали на докладе

Конгрессу с подробным описанием военной активности в Ливии России, Египта, Катара, Саудовской Аравии, ОАЭ, Турции и Франции. Конгрессмены желали получить ответы на вопросы: не подрывают ли действия этих стран стабилизацию в Ливии и эмбарго ООН на поставки оружия.

АНАЛИЗ РЕЗУЛЬТАТОВ ЛОББИРОВАНИЯ И ДРУГИЕ ВЫВОДЫ

Почти всё, что планировали лоббисты Правительства национального согласия, удалось реализовать. В ноябре 2019 г. члены сенатского Комитета по международным отношениям К.Кунс, Л.Грэм, К.Мерфи, М.Рубио внесли билль «Закон о стабилизации Ливии» (*H.R.4644, S.2934 - Libya Stabilization Act*), который предполагает санкции в отношении лиц, «подпитывающих» насилие в Ливии, требует разработки стратегии противодействия российскому влиянию, которое названо главным злом для Ливии и угрозой американским интересам (*Sec. 103. Strategy to Counter Russian Influence in Libya; Sec. 202. Imposition of sanctions with respect to persons supporting Russian military intervention in Libya*).

Настойчивые усилия «*Mercury*» привели к тому, что в ноябре 2019 г. начался «секретный Американо-Ливийский диалог» с Правительством национального согласия. «Американская делегация подчеркнула поддержку суверенитета и территориальной целостности Ливии перед лицом попыток России использовать конфликт...» [45], говорится в заявлении Госдепартамента. Это предупреждение Х.Хафтару является самым крупным достижением лоббистов Сараджа.

Интересы ПНС нашли отражение в билле «О защите американской безопасности от агрессии Кремля». Агрессией Кремля названа «деятельность группы Вагнера и других наемников, связанных с российским гражданином Е.Пригожиным, в Центральноафриканской Республике, Венесуэле, Сирии, Ливии, Судане, Мадагаскаре и других странах, а также угроза, которую эта деятельность может представлять для национальных интересов США». Ситуация в Ливии попала в раздел «Суть политики Конгресса в отношении Российской Федерации в Африке».

В конце 2019 г. принят «Закон о расходах на национальную оборону в 2020 г.». Раздел «Оборонная и дипломатическая стратегия в отношении Ливии» содержит практически все предложения лоббистов *Mercury Public affairs*. Госдепартамент и Министерство обороны должны представить Конгрессу не позднее 9 месяцев со дня вступления закона в силу стратегию в отношении Ливии, а также описание того, как внешние и внутренние стороны конфликта продвигают или подрывают стабильность и стратегические интересы США в Ливии.

В ноябре 2019 г., когда информация о российской частной военной компании в Ливии уже стала восприниматься в США как факт, в Белом доме заявили о поддержке суверенитета и территориальной целостности Ливии перед лицом попыток России использовать конфликт против воли ливийского народа. США призвали Хафтара прекратить наступление на Триполи. Американские официальные лица встретились с Х.Хафтаром в Иордании, чтобы убедить его согласиться на прекращение огня. Однако командующий ЛНА продолжал ориентироваться на позицию Д.Трампа, а не на официальные заявления Госдепартамента США. После встречи американских официальных лиц с Хафтаром в Аммане наступление на Триполи и удары беспилотников ЛНА только усилились [13].

В феврале 2020 г. представитель Госдепартамента США объяснил, что Вашингтон поддерживает контакты и с ПНС, и с Хафтаром. США просят командующего ЛНА приостановить наступление, но не просят сдаться. США полагают, что маршал играет важную роль в формировании политического будущего Ливии. Президент Д.Трамп сформулировал позицию так: «...Они все хотят знать, где мы стоим, и они действительно знают, где мы стоим, у нас очень своеобразная позиция. И у нас назначены встречи, и мы собираемся посмотреть, сможем ли мы выработать какой-то мирный план» [46]. Таким образом, администрация Д.Трампа не осудила Х.Хафтара и не признала его власть незаконной.

Стратегию лоббирования в поддержку Х.Хафтара можно назвать «оправдательной» - не проактивной, а реактивной. Цель была - нейтрализовать обвинения и противопоставить противоположные нарративы: маршал противостоит ИГИЛ и «Братьям мусульманам», он выстраивает коалицию с региональными и глобальными игроками, без которых невозможна победа над исламскими экстремистами и построение процветающей Ливии. Но контрлоббирование и разоблачение «вражеской пропаганды» не отвечали на вопрос - зачем Вашингтону Хафтар?

Лоббисты Сараджа не только воспользовались противостоянием Конгресса с президентом, но нашли аргументы, которые мотивировали американскую политику действовать в нужном направлении: Хафтар создает хаос, которым воспользуется «Исламское государство»; ПНС и США сражаются с ИГИЛ, а Хафтар пытается свергнуть ПНС, работая на руку террористам; война, развязанная Хафтаром, способствует радикализации и исламизации молодежи, отвлекая от мирной

жизни; в рядах ЛНА действуют радикальные салафиты; Хафтар пообещал России стратегический плацдарм и подрывает американские интересы; Хафтар - новый Каддафи - угроза демократии, правам человека, криминальный лендлорд; Хафтар должен быть осужден как военный преступник за удары по мирному населению; президент Трамп примет правильное решение, чего не сделал предыдущий президент США.

Последнее заявление особенно хорошо рассчитано, учитывая, что Д.Трамп объявляет все решения Б.Обамы негодными.

Лоббисты противоборствующих сторон использовали разные инструменты. Позицию Х.Хафтара «разъясняли» с помощью «информационных писем» конгрессменам, на организованных брифингах, через «установление дискуссионных точек». Лоббисты Сараджа не только ставили задачу повысить в информационном пространстве осведомленность администрации о проблемах ПНС, они занимались организацией личных контактов представителей ПНС с чиновниками администрации и членами Конгресса. Но наиболее эффективно они влияли на политику администрации Д.Трампа через законодательный процесс, а также добились впечатляющих результатов в использовании «*think tanks*» и СМИ[8].

Отдельный вопрос - механизм влияния лоббистов на законодателей. В ливийском кейсе лоббистами выступали бывшие сотрудники Конгресса. Например, А.Миттлман, бывший помощник сенатора Б.Кейси, нанят в качестве лоббиста фирмой *Keystone Strategic Advisers, LLC*, действовавшей в интересах генштаба ЛНА [47]. Основной лоббист ПНС - компания *Mercury Public affairs* - наняла бывшего сенатора Д.Виттера и Б.Ланза, известного работой в избирательном штабе Д.Трампа [48]. Мы видим, как сотрудники Конгресса и чиновники Администрации, имеющие тесные отношения с влиятельными конгрессменами, со временем переходят в лоббистские фирмы. Процесс этот известен как «*Post-Employment lobbying*» [49].

* * *

Сравнивая стратегию лоббирования, каналы распространения информации, механизмы влияния, следует признать, что действующие в интересах командующего Ливийской народной армии лоббисты были менее креативны, чем их коллеги, нанятые премьер-министром ПНС. В свою очередь, и лоббисты ЛНА продемонстрировали устойчивые позиции. Но причины этой устойчивости - в большей степени политические, объясняемые поддержкой Х.Хафтара со стороны таких внешних акторов, как ОАЭ, Саудовская Аравия и Египет, особенно после того, как на сторону ПНС открыто встала Турция [2].

[8] Среди других публикаций, инициированных «Mercury», - «Information warfare in Libya. The online advance of Khalifa Haftar» (Centro Studi Internazionali), «Trump backed Libyan warlord after Saudi Arabia and Egypt lobbied him» (Wall Street Journal), «Libya can't take another tyrant» (Wall Street Journal), публикации в сети «Твиттер» (*прим. авт.*).

Список литературы / References

1. Donald Trump remarks raise fears of US disengagement in Libya. *The Guardian*, 21.04.2017. https://www.theguardian.com/world/2017/apr/21/donald-trump-remarks-raise-fears-of-us-disengagement-in-libya (accessed 13.04.2020).
2. Trump Backed Libyan Strongman's Attack on Tripoli, U.S. Officials Say. *Bloomberg*, 24.04.2019. https://www.bloomberg.com/news/articles/2019-04-24/trump-libya-haftar-tripoli (accessed 13.04.2020)
3. Graham frets over Trump's mixed signals on Libya. *Politico*, 22.04.2019. https://www.politico.com/story/2019/04/22/graham-libya-trump-1286385 (accessed 11.04.2020)
4. Situation in Libya. Press Statement Michael R. Pompeo, Secretary of State, 07.04.2019. https://www.state.gov/situation-in-libya/ (accessed 11.04.2020)
5. Зяблюк Н.Г. США: лоббизм и политика. Институт США и Канады АН СССР. М., Мысль, 1976. (Zyablyuk N.G.. USA: lobbying and politics. M. 1976) (In Russ.)
6. Libya signs $2 million lobbying deal as Trump warms to rival strongman. *Al-Monitor*, 01.05.2019. https://www.al-monitor.com/pulse/originals/2019/05/libya-signs-lobbying-deal-trump-warms-rival-hifter.html#ixzz6F0MzbaMb (accessed 13.04.2020)
7. U.S. Department of Justice, FARA eFile (далее - FARA eFile). https://efile.fara.gov/docs/6170-Informational-Materials-20190719-150.pdf (accessed 13.03.2020)
8. FARA eFile. https://efile.fara.gov/docs/6170-Informational-Materials-20190617-108.pdf (accessed 13.03.2020)
9. FARA eFile. https://efile.fara.gov/docs/6170-Informational-Materials-20190502-70.pdf (accessed 13.03.2020)
10. United State Senate Committee of Foreign Relations. Menendez, Graham, Murphy, Barrasso Urge Pres. Trump to Support a Peaceful Political Solution to Crisis in Libya, 30.05.2019. https://www.foreign.senate.gov/press/ranking/release/menendez-graham-murphy-barrasso-urge-pres-trump-to-support-a-peaceful-political-solution-to-crisis-in-libya (accessed 13.04.2020)
11. Baumgartner F.R., Berry J.M., Hojnacki M., Leech B.L., Kimball D.C. Lobbying and Policy Change: Who Wins, Who Loses, and Why. University of Chicago Press. 2009.
12. FARA eFile. https://efile.fara.gov/docs/6170-Informational-Materials-20190719-149.pdf (accessed 13.03.2020)
13. How the Kremlin's fingerprints escalated Libya's conflict, threatening a wider war in the Middle East. *Washington Post*,

20.12.2019. https://www.washingtonpost.com/world/middle_east/how-the-kremlins-fingerprints-escalated-libyas-conflict-threatening-a-wider-war-in-the-middle-east/2019/12/20/b2f63a5c-2040-11ea-b034-de7dc2b5199b_story.html (accessed 11.04.2020)

14. FARA eFile. https://efile.fara.gov/docs/6170-Informational-Materials-20190515-167.pdf (accessed 13.03.2020)
15. FARA eFile. https://efile.fara.gov/docs/6170-Informational-Materials-20190523-82.pdf (accessed 13.03.2020)
16. FARA eFile. https://efile.fara.gov/docs/6728-Informational-Materials-20200304-10.pdf (accessed 13.03.2020)
17. FARA eFile. https://efile.fara.gov/docs/6170-Informational-Materials-20200212-278.pdf (accessed 13.03.2020)
18. FARA eFile. https://efile.fara.gov/docs/6170-Informational-Materials-20190621-115.pdf (accessed 13.03.2020)
19. Libya may not be ready for democracy, says military strongman. *The Guardian*, 10.01.2018. https://www.theguardian.com/world/2018/jan/10/libya-may-not-be-ready-for-democracy-says-military-strongman (accessed 13.04.2020)
20. Saudi Arabia Promised Support to Libyan Warlord in Push to Seize Tripoli. *The Wall Street Journal,* 12.04.2019. https://www.wsj.com/articles/saudi-arabia-promised-support-to-libyan-warlord-in-push-to-seize-tripoli-11555077600 (accessed 13.04.2020)
21. Libya offensive stalls, but Haftar digs in given foreign sympathies. *Reuters,* 15.04.2019. https://www.reuters.com/article/us-libya-security-analysis-idUSKCN1RR1R6 (accessed 13.04.2020)
22. FARA eFile. https://efile.fara.gov/docs/6170-Informational-Materials-20190628-100.pdf (accessed 13.03.2020)
23. FARA eFile. https://efile.fara.gov/docs/6170-Informational-Materials-20190605-88.pdf (accessed 13.03.2020)
24. FARA eFile. https://efile.fara.gov/docs/6170-Informational-Materials-20190915-180.pdf (accessed 13.03.2020)
25. Warring Libyan factions build armies of foreign agents in Washington. The Center for Responsive Politics, 07.07.2019. https://www.opensecrets.org/news/2019/07/warring-libyan-factions-build-armies-of-foreign-agents-in-washington/ (accessed 13.04.2020)
26. The United States is missing in action in Libya. *The Washington Post*, 04.04.2019. https://www.washingtonpost.com/opinions/global-opinions/the-united-states-is-missing-in-action-in-libya/2019/10/03/c6b3715e-e61b-11e9-b403-f738899982d2_story.html (accessed 11.04.2020)
27. FARA eFile. https://efile.fara.gov/docs/6170-Informational-Materials-20190726-128.pdf (accessed 13.03.2020)
28. FARA eFile. https://efile.fara.gov/docs/6170-Informational-Materials-20190729-142.pdf (accessed 13.03.2020)
29. FARA eFile. https://efile.fara.gov/docs/6170-Informational-Materials-20190709-117.pdf (accessed 13.03.2020)
30. FARA eFile. https://efile.fara.gov/docs/6170-Informational-Materials-20190722-132.pdf (accessed 13.03.2020)
31. FARA eFile. https://efile.fara.gov/docs/6170-Informational-Materials-20200227-296.pdf (accessed 13.03.2020)
32. FARA eFile. https://efile.fara.gov/docs/6170-Informational-Materials-20200227-287.pdf (accessed 13.03.2020)
33. Russia Leans on Mercenary Forces to Regain Global Clout. *The Wall Street Journal*. 23.02.2020. https://www.wsj.com/articles/russia-leans-on-mercenary-forces-to-regain-global-clout-11582482577 (accessed 13.04.2020)
34. Russian Snipers, Missiles and Warplanes Try to Tilt Libyan War. *The New York Times*. 07.11.2019. https://www.nytimes.com/2019/11/05/world/middleeast/russia-libya-mercenaries.html (accessed 13.04.2020)
35. Gotham will work for Libyan government. *Politico*, 09.09.2019. https://www.politico.com/newsletters/politico-influence/2019/09/27/gotham-will-work-for-libyan-government-762774 (accessed 11.04.2020)
36. FARA eFile. https://efile.fara.gov/docs/6728-Informational-Materials-20200227-9.pdf (accessed 13.03.2020)
37. FARA eFile. https://efile.fara.gov/docs/6728-Informational-Materials-20200110-4.pdf (accessed 13.03.2020)
38. FARA eFile. https://efile.fara.gov/docs/6170-Informational-Materials-20190519-95.pdf (accessed 13.03.2020)
39. Testimony before the House of Representatives Foreign Affairs Committee, Subcommittee on Middle East, Carnegie Endowment for International Peace. North Africa, and International Terrorism, U.S. House of Representatives Office of the Clerk, 15.05.2019. https://docs.house.gov/meetings/FA/FA13/20190515/109500/HHRG-116-FA13-WList-20190515.xml (accessed 13.04.2020)
40. McGann J. G. Global Go to Think Tanks Index Report. University of Pennsylvania, 2008. https://repository.upenn.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1000&context=think_tanks (accessed 11.04.2020)
41. Holland Steve. White House says Trump spoke to Libyan commander Haftar on Monday. Reuters, 19.04.2019. https://www.reuters.com/article/us-libya-security-trump/white-house-says-trump-spoke-to-libyan-commander-haftar-on-monday-idUSKCN1RV0WW (accessed 13.04.2020)
42. FARA eFile. https://efile.fara.gov/docs/6200-Exhibit-AB-20160720-4.pdf (accessed 13.03.2020)
43. FARA eFile. https://efile.fara.gov/docs/6494-Exhibit-AB-20171201-1.pdf (accessed 13.03.2020)
44. FARA eFile. https://efile.fara.gov/docs/6567-Informational-Materials-20190726-6.pdf (accessed 13.03.2020)
45. U.S. Department of State, Joint Statement on U.S.-Libya Security Dialogue, Media Note, Nov. 14. https://www.state.gov/joint-statement-on-u-s-libya-security-dialogue/ (accessed 13.04.2020)
46. Trump Meets With Prime Minister of Greece. *NBC News*. 07.01.2020. https://www.youtube.com/watch?v=nAsYesijj9M (accessed 11.04.2020)
47. Former Casey aide will lobby for Libyans. *Politico,* 12.11.2017. https://www.politico.com/newsletters/politico-influence/2017/12/11/former-casey-aide-will-lobby-for-libyans-047538 (accessed 11.04.2020)
48. Libya's government hires Mercury. *Politico*, 02.05.2019. https://www.politico.com/newsletters/politico-influence/2019/05/02/libyas-government-hires-mercury-607647 (accessed 13.04.2020)
49. Post-Employment, "Revolving Door," Laws for Federal Personnel. Congressional Research Service. https://fas.org/sgp/crs/misc/R42728.pdf (accessed 13.04.2020)

Ислам, исламизм и экстремизм

DOI: 10.31857/S032150750010099-0

ПЕРСПЕКТИВЫ РАСПРОСТРАНЕНИЯ ИГИЛ ПОСЛЕ РАЗГРОМА ХАЛИФАТА

© 2020 Н. ЖЕРЛИЦЫНА

ЖЕРЛИЦЫНА Наталья Александровна, кандидат исторических наук, ст.н.с. Института Африки РАН; доцент Российского университета дружбы народов (ns_inafr@mail.ru)

Статья написана в рамках гранта РНФ 19-18-00155 «Исламистский экстремизм в контексте международной безопасности: угрозы России и возможности противодействия».

Резюме. *В статье анализируется ситуация, сложившаяся после разгрома халифата ИГИЛ. Хотя физическое воплощение проекта ИГИЛ по государственному строительству было подавлено, но угроза восстановления радикальной группировки довольно высокая. Основной причиной, по которой международное джихадистское движение остается жизнеспособным, является внешняя обстановка - сохраняющаяся неспособность слабых государств навести порядок и скудный потенциал сил безопасности в ряде стран и регионов. Лидеры радикалов рассредоточивают боевиков и ресурсы в новые районы, где они могут вновь укрепиться и расшириться.*

Ключевые слова: *экстремизм, угрозы безопасности, ИГИЛ, международное джихадистское движение, халифат ИГИЛ, слабые государства, трансформация стратегии ИГИЛ*

PROSPECTS FOR THE SPREAD OF ISIS AFTER THE DEFEAT OF THE CALIPHATE

Natalia A. ZHERLITSYNA, PhD (History), Senior Research Fellow, Institute for African Studies, Russian Academy of Sciences; Associated Professor, Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University) (ns_inafr@mail.ru)

Abstract. *The article analyzes the situation that developed after the defeat of the Caliphate of ISIS. Although the physical implementation of the ISIS state-building project has been suppressed, the threat of the radical group's re-establishment remains very high.*

The author concludes that the main reason why the international jihadist movement remains viable is the external situation - the continuing inability of weak States to restore order and the meagre potential of security forces in a number of countries and regions. Radical leaders disperse militants and resources into new areas where they can re-establish themselves and expand. An ideal territory for expansion is a weak state that suffers from constant civil conflicts and interfaith tensions, and also has a population susceptible to jihadist propaganda.

The main result of the collapse of the caliphate in the Middle East was the activation, expansion and transformation of local extremist movements throughout the region of South and Southeast Asia. In South Asia, Myanmar is an example of such a weak state affected by terrorist groups. The potential area for the growth of ISIS after the defeat of the caliphate is the disputed territory of Kashmir. The Philippines and Indonesia in many ways can be an attractive place to relocate ISIS fighters and build a base there. Afghanistan is a country torn by violence for decades, and, accordingly, it already has a developed infrastructure for jihad. On the Sinai Peninsula and in Libya, jihadists use similar methods: guerrilla tactics, terrorist attacks, including raids, ambushes and bombings. The author concludes that the ability of ISIS to adapt makes the threat of its further expansion very high.

Keywords: *extremism, security threats, ISIS, international jihadist movement, ISIS caliphate, weak states, transformation of the ISIS strategy*

После того как международные силы разгромили халифат ИГИЛ в Ираке и Сирии, внимание мирового сообщества переключилось на другие, не менее серьезные угрозы международной безопасности. Но можно ли говорить о том, что глобальное джихадистское движение побеждено? Во многих отношениях проблемы, связанные с последствиями халифата, будут еще более трудными для решения, чем сам физический халифат, который, по крайней мере, предоставил международному сообществу четкую цель для сосредоточения внимания и борьбы с ним.

Хотя попытки воплощения проекта ИГИЛ по государственному строительству были подавлены, нельзя сказать, что была ослаблена идеология, побуждающая людей примыкать к глобальному джихадистскому движению. ИГИЛ - это, прежде всего, идеология. И те несколько лет, когда экстремисты управляли собственным квазигосударством, стали доказательством реальности воплощения их самой важной идеи - создания халифата.

Исход боевиков ИГИЛ из Ирака и Сирии положил конец очередному циклу активности террористических групп, ведущей свое начало с Афганского конфликта (1979-1989), в ходе которого зародилось глобальное джихадистское движение. Видоизменяясь и развиваясь, это движение продолжается уже более 30 лет, и сегодня у нас нет оснований считать, что эта угроза сошла на нет.

По состоянию на 2018 г., в мире насчитывалось около 230 тыс. салафитов-джихадистов, что на 247% больше, чем в 2001-2018 гг. [1]. Это означа-

ет, что т.н. «глобальная война с терроризмом» не смогла сократить число сторонников радикализма во всем мире, и в настоящее время действует больше экстремистских группировок, чем когда-либо, начиная с 1980 г.

Террористическое сообщество стало более густонаселенным, менее линейным в структурном отношении и более разнообразным в географическом плане. Помимо ИГИЛ, среди наиболее значительных из террористических групп значатся «*Аль-Каида*», «*Боко харам*» и «*Аш-Шабаб*». Это организации с ярко выраженной идентичностью, конкурирующие за лояльность, финансы и политическую поддержку со стороны тех, кто сочувствует их деятельности.

Наибольшую опасность вызывают те из них, которые стремятся к территориальному закреплению посредством создания «государств», именуемых «халифатом» или «эмиратом» - реальным или виртуальным. В основе политической идентичности всех этих групп лежит террор. Но даже теперь, когда проект экстремистов по государственному строительству в Сирии и Ираке закончился разгромом, нельзя терять времени, ожидая следующую попытку строительства халифата, будь то в Ливии, в Кашмире или Сомали.

Эксперты полагают, что ИГИЛ вновь восстанет, пусть даже под другим наименованием. Вынужденное возвращение от «государственной» к партизанской тактике, изначально присущей террористическим организациям, дает ИГИЛ возможность перегруппироваться, реорганизоваться, сэкономить ресурсы, закладывать фундамент для участия в будущих мятежах. Залогом возвращения ИГИЛ является основательная подготовка бойцов, способность организации к адаптации и развитию.

Но основной причиной, по которой международное джихадистское движение остается жизнеспособным, является внешняя обстановка - сохраняющаяся неспособность слабых государств навести порядок и скудный потенциал сил безопасности в ряде стран и регионов. Политические факторы в регионе стран Ближнего Востока и Северной Африки (БВСА), Африки и Южной Азии, которые способствовали подъему ИГИЛ, не изменились, а в некоторых случаях ухудшились.

Гражданские войны, экстремистская идеология, подпитываемая конфессиональными противоречиями, слабая легитимность режимов, экономическая отсталость и внешнее вмешательство в значительной степени определяют региональные повестки. ИГИЛ, скорее всего, пойдет по пути разветвления и организации филиалов в тех частях мира, в которых продолжает существовать продолжительная нестабильность и недостаток безопасности.

При попытке ответить на вопрос, где ИГИЛ может возродиться в следующий раз, видимо, необходимо учесть то обстоятельство, что руководство новой организации наверняка учтет опыт «Аль-Каиды». После вторжения США в Ирак руководители группировки пришли к выводу, что для сохранения влияния идей «Аль-Каиды» в глобальных джихадистских кругах необходимо создать дочернюю группу в мусульманской стране, находящейся в осаде «неверных» [2].

Международное сообщество должно быть готово к появлению очередных филиалов ИГИЛ на новых территориях. Но если это действительно произойдет, то, скорее всего, не только благодаря осмысленному подходу командования, направленному на расширение, а прежде всего, в результате отсутствия в данной стране политической стабильности, высокому уровню политической или религиозной розни. В таких странах нормой, а не исключением, является решение проблем с помощью насилия.

Создание и расширение глобальной джихадистской сети не станет прямым результатом одних лишь усилий ИГИЛ. Эта экспансия будет носить, скорее всего, приспособленческую, паразитирующую природу. Идеальной территорией для экспансии является слабое государство, страдающее от постоянных гражданских конфликтов и межконфессиональной напряженности, а также имеющее восприимчивое к пропаганде экстремистов население.

ЮЖНАЯ И ЮГО-ВОСТОЧНАЯ АЗИЯ

В Южной Азии примером такого слабого государства, подверженного воздействию террористических групп, является **Мьянма**. Кризис рохинджа[1] в Мьянме, где мусульманское меньшинство подвергалось сначала притеснениям, а в 2017 г. стало жертвой массовой резни, может послужить мотивирующим фактором для экспансии радикалов по всей Южной и Юго-Восточной Азии [5].

«Аль-Каида» в лице своего филиала «Аль-Каида на Индийском субконтиненте» уже несколько лет сотрудничает с местными экстремистскими группировками. В январе 2018 г. власти Малайзии арестовали двух связанных с ИГИЛ граждан Индонезии, которые планировали убить буддийских монахов в отместку за «плохое» обращение с мусульманами рохинджа в Мьянме [3]. Акайед Улла, бангладешский иммигрант, взорвавший самодельную бомбу в метро в Нью-Йорке в декабре 2017 г.,

[1] Понятие **Кризис беженцев рохинджа** относится к массовой миграции из Мьянмы тысяч людей народа рохинджа и Бангладеш, прозванных международными средствами информации «людьми в лодках». Почти все, кто бежал, отправились в страны Юго-Восточной Азии (Малайзию, Индонезию, Таиланд и на Филиппины) на шатких лодках через воды Малаккского пролива и Андаманского моря (*прим. ред.*).

как утверждается, непосредственно перед поездкой в США посетил лагерь беженцев рохинджа [4].

Новый «филиал» в Мьянме позволил бы ИГИЛ получить многие преимущества от такого присоединения, и, прежде всего, расширение стратегического охвата и повышение легитимности группы в той части мира, где до сих пор она не имела значительного присутствия.

В настоящее время существует несколько серьезных препятствий для превращения Мьянмы в следующий экстремистский центр, особенно отсутствие материально-технической инфраструктуры, включающей поставки оружия, безопасные убежища и сеть посредников. В течение ближайших нескольких лет при условии постоянных усилий и помощи со стороны действующих боевиков ИГИЛ всего региона, включая Бангладеш, эта динамика может измениться.

Бангладеш является еще одной горячей точкой в Южной Азии с растущим присутствием террористических организаций. Она может оказаться в будущем связующим звеном между ИГИЛ и «Аль-Каидой».

Потенциальным районом роста ИГИЛ после разгрома халифата является спорная территория **Кашмира**, за которую ведут борьбу Индия и Пакистан и которая может стать благоприятной почвой для радикалов. В регионе уже действуют несколько экстремистских группировок, в т.ч. «*Харакат уль-Муджахидин*», «*Лашкаре-Тайба*» и «*Джаиш-е-Мухаммад*».

ИГИЛ может попытаться вовлечь своих боевиков в кашмирский конфликт, на который направлено повышенное внимание мусульман всего мира. Кроме того, поскольку присоединение Кашмира Пакистан считает своим священным долгом, растущее присутствие ИГИЛ на этой территории может принести группировке серьезную поддержку также со стороны некоторых пакистанских структур.

Уже долгое время Юго-Восточная Азия была рассадником исламского экстремизма и насилия, распространяемые группировками «*Джемаа исламия*», «*Абу Сайяф*» и «*Исламский фронт освобождения Моро*». Боевики-джихадисты, связанные с «*Абу Сайяф*» и другими, действующими в регионе группами, продемонстрировали удивительную способность самостоятельно финансировать свои организации, не нуждаясь в пожертвованиях из внешних источников, опираясь на различные виды преступной деятельности, включая грабеж, незаконную контрабанду и похищение людей с целью получения выкупа.

Географические особенности региона являются важным фактором. В некотором смысле они способствуют терроризму и мятежам, поскольку за порядком на островах, полуостровах и архипелагах, которыми усеян регион, уследить особенно трудно. Но, с другой стороны, география и помогает властям в том смысле, что Филиппины и Индонезия удалены от полей сражений на Ближнем Востоке и рассредоточены на огромном расстоянии, что затрудняет боевикам концентрацию массовых сил в каком-либо одном районе.

Индонезия - самая густонаселенная мусульманская страна в мире, которая имеет давний опыт сдерживания экстремизма и радикализации. Вплоть до терактов 11 сентября 2001 г. она служила одной из нескольких ключевых баз для лидеров «Аль-Каиды». За последние несколько лет джихадистское насилие в Джакарте и других частях Индонезии постепенно утихло. А до этого одно за другим следовали нападения террористов-смертников на полицию и церкви. Глава антитеррористической службы Индонезии предупреждал о наличии спящих ячеек в каждой провинции страны [6].

Главным результатом крушения халифата на Ближнем Востоке стала активизация, расширение и трансформация местных экстремистских движений по всему региону. В попытке расширить свою деятельность в Индонезии ИГИЛ проводит агрессивную кампанию вербовки и распространения пропагандистской информации. «*Катиба Нусантара*», крыло ИГИЛ в Юго-Восточной Азии, было образовано малайзийцами и индонезийцами, воевавшими в Сирии [7].

Филиппины во многих отношениях могут оказаться привлекательным местом для перебазирования боевиков ИГИЛ и создания там базы. В этой стране существуют такие необходимые для распространения радикализма условия, как религиозная вражда и наличие местных повстанческих групп. Поддерживая местное недовольство, ИГИЛ может закрепиться на Филиппинах. Спецслужбам страны стало известно о том, что ИГИЛ отправила почти $2 млн боевикам, участвовавшим в 2017 г. в боях за г. Марави [8].

Стремясь избежать такого сценария, в июле 2018 г. филиппинские власти, наконец, приняли решение о создании мусульманской автономии на юге страны [9]. Принятие «закона Бангсаморо» открыло путь для начала политического процесса урегулирования, снизив тем самым уровень поддержки исламистов местным населением.

Ядро джихадистов, активно воюющих на Филиппинах и в других странах Юго-Восточной Азии, относительно невелико, по сравнению с другими регионами, как в абсолютном, так и в относительном выражении. Хотя по мере того, как остатки халифата будут ликвидироваться, регион, вероятно, станет все более привлекательным для группы в качестве будущего плацдарма за пределами Ближнего Востока.

АФГАНИСТАН И ПАКИСТАН

Афганистан является страной, раздираемой насилием на протяжении десятилетий, и, соответ-

ственно, уже имеет налаженные сети для обеспечения джихадистов всем необходимым для ведения боевых действий, что делает его привлекательным для террористов и террористических групп.

ИГИЛ появилось в Афганистане в 2014 г., а уже в январе 2015 г. было объявлено о создании его филиала - «*Вилаят Хорасан*», действующего в Афганистане и Пакистане. Костяк филиала образовали перебежчики из пакистанского отделения «Талибана». Пакистанские боевики помогли ИГИЛ закрепиться в афганских юго-восточных районах провинции Нангархар.

Головная организация поддержала филиал, усилив его примерно 200 боевиками из основной группировки, базировавшейся в Ираке и Сирии [10]. Вскоре после своего создания «*Вилаят Хорасан*» начал активно вербовать и принимать в свои ряды недовольных боевиков из «Талибана». К концу 2015 г. боевики «*Вилаят Хорасан*» захватили территории в провинциях Нангархар, Фарах и Гильменд. Значительно усиленная бежавшими из Сирии и Ирака остатками боевиков разгромленного халифата, в 2018 г. «*Вилаят Хорасан*» превратился в серьезную угрозу.

Всплеск насилия, чрезмерного даже по афганским стандартам, свидетельствует о жестокой конкуренции между «*Вилаят Хорасан*» и афганским «Талибаном». В мае 2019 г. ИГИЛ объявило о решении разделить «*Вилаят Хорасан*» на три отдельные организации по территориальному принципу. За «*Хорасаном*» останется пространство, включающее в себя Афганистан и - теоретически - часть Ирана. Зона действия «*Вилаята Пакистан*» будет охватывать территорию Пакистана, а «*Вилаята Индия*» - Индию и Кашмир [11].

После серии скоординированных и невероятно кровавых нападений на шиитское меньшинство Афганистана «*Вилаят Хорасан*» зарекомендовал себя как один из наиболее острых факторов нестабильности в этой стране, еще более усилив конфессиональный элемент конфликта в этой стране. «*Вилаят Хорасан*» неоднократно вступал в столкновения не только с боевиками движения «Талибан», но совершал также нападения на афганские государственные органы и военных. Однако наиболее широко известен своими жестокими и безжалостными терактами в отношении афганских гражданских лиц, включая неправительственную организацию «Спасите детей» [12].

Атаки на гражданских лиц - часть стратегии ИГИЛ, как «наказание» тех, кто их не поддерживает. Суть этого подхода заключается в целенаправленных ударах по гражданским лицам, чтобы спровоцировать чрезмерную реакцию правительства, и также продемонстрировать гражданскому населению, что силы безопасности слабы, а государство нелегитимно. Ситуацию в Афганистане и Пакистане осложняет то, что «*Вилаят Хорасан*» - всего лишь одна из других действующих в регионе террористических групп, которых насчитывается более 20-ти.

СИНАЙСКИЙ ПОЛУОСТРОВ

Из-за своего географического положения, исторического и культурного значения **Египет** слишком ценен для исламистских радикалов, чтобы его игнорировать.

Обширная, пустынная территория **Синайского полуострова** Египта уже давно является домом для контрабандистов, террористов и множества других антигосударственных субъектов. «*Вилаят Синай*» - местное подразделение ИГИЛ - с его децентрализованной структурой и гибридной стратегией нападения как на силы безопасности, так и на египетских гражданских лиц, можно охарактеризовать как партизанское движение, которое опирается на террористическую тактику, включая рейды, засады и взрывы бомб.

Группа продемонстрировала значительный оперативный потенциал, осуществляя регулярные массированные операции с использованием минных ловушек и организацией засад против сил безопасности. Ее главная цель - не дать правительству Египта установить свой контроль на Синае. Этот полуостров уже долгое время считается одним из самых безвластных районов мира.

Признаки слияния египетских группировок и ИГИЛ проявились уже в 2014 г., когда часть боевиков «*Ансар Баит Аль-Макдис*» присягнула на верность ИГИЛ и предприняла усилия по установлению связей с боевиками ИГИЛ в Ливии. Террористы ИГИЛ в Ливии и Египте обмениваются деньгами и оружием. Синай был критической территорией для боевиков и стал, по сути дела, одновременно убежищем и перевалочным пунктом для контрабанды оружия и различных товаров между Египтом и странами Магриба.

Боевики ИГИЛ на Синае регулярно вступают в столкновения с египетскими силами безопасности и в течение последних нескольких лет совершали нападения, в результате которых были убиты сотни египетских военнослужащих [13]. «*Вилаят Синай*» также продемонстрировал склонность к проведению эффектных терактов, о чем свидетельствует подрыв российского самолета в 2015 г. Группа несет ответственность за нападения на коптские христианские церкви и ракетные обстрелы Израиля.

С февраля 2018 г. египетская армия совместно с МВД проводит антитеррористическую операцию под кодовым названием «Синай-2018». Однако отсутствие внятной стратегии борьбы с повстанцами и общая оперативная слабость создают впечатление, что египетские вооруженные силы неспособны эффективно бороться с филиалом ИГИЛ на Синае. Это может привести к тому, что

группа, в конечном итоге, превратится в одну из сильнейших отделений организации, подобно тому, как произошло с йеменским филиалом «Аль-Каиды» - «АКАП».

Правительству Египта пока не удается справиться с анархией в этой части страны: слабым контролем обширной территории, экономической разрухой и автономией бедуинских племен. Жестокий подход Каира к борьбе с повстанцами не смог завоевать поддержку со стороны местного населения. Такая ситуация открывает путь для экстремистов. Охват и влияние радикалов имеют тенденцию распространяться и на другие районы страны.

ЙЕМЕН

Йемен вошел в зону интересов ИГИЛ еще при существовании халифата: в 2016 г. джихадисты создали тренировочные лагеря в г. Эль-Байда, в которых находилось до 100 боевиков организации [14]. После разгрома халифата это число начало расти, поскольку остатки боевых частей халифата направились в Йемен, пользуясь вакуумом власти из-за продолжающейся гражданской войны. В мае 2018 г. ИГИЛ впервые выдало инструкции своим бойцам выехать в опорный пункт группировки в Эль-Байде [15].

Тем не менее, нет никакой уверенности в том, что ИГИЛ найдет убежище в Йемене, стране, в которой доминирует организация «Аль-Каида на Аравийском полуострове». Еще в 2014 г. «АКАП» удалось сделать Йемен зоной своего преимущественного влияния. Во многом это удалось благодаря противопоставлению ИГИЛ, его чрезмерно жестоким методам. «АКАП» специально объявила, что, в отличие от ИГИЛ, ее боевики никогда не будут нападать на «мечети, рынки и людные места», тем самым добиваясь некоторой степени легитимности и поддержки среди гражданского населения Йемена [16].

По сравнению с ИГИЛ, «АКАП» является гораздо более мощной и влиятельной организацией, особенно в глубинных районах провинций Шабва и Абьян. Однако ИГИЛ продолжает попытки закрепиться в стране, сосредоточившись на вербовке местных жителей и поисках поддержки среди племен. Территории, на которых идут боевые действия, являются основными вербовочными площадками, поэтому представляется неизбежным, что ИГИЛ будет поддерживать, по крайней мере, устойчивое присутствие на низком уровне в Йемене в обозримом будущем.

ЛИВИЯ

Когда начался разгром халифата в Сирии и Ираке, местом, обладающим наибольшим потенциалом для воспроизведения его модели, считалась растерзанная гражданской войной **Ливия**.

Страна фактически распалась на части, власть отсутствовала, территория была наводнена оружием и служила координационным центром и перекрестком для экстремистов всех мастей, базирующихся близ Европы. Это сочетание факторов превращало Ливию в потенциальный Афганистан образца начала 2000-х гг. Весной 2015 г. ИГИЛ начало расширяться на центральном побережье Ливии, захватив, в конечном итоге, и установив опорный пункт в г. Сирт. В декабре 2017 г. лидер ИГИЛ Абу Бакр аль-Багдади приказал оставшимся боевикам сконцентрироваться на Ливии, чтобы компенсировать потерянные территории в Сирии и Ираке [17].

Утверждение ИГИЛ в Ливии ухудшило положение во всем Магрибе и соседнем Сахеле. Однако этой террористической организации не удалось существенно расширить свое влияние в регионе: большинство ливийцев не соглашались с ее идеологией, питало отвращение к ее жестоким методам и не доверяло ИГИЛ, считая эту группировку чужаком в Магрибе. Утрата Сирта вследствие совместной операции местного ополчения и авиации США изменила положение ИГИЛ, вытеснила джихадистов в пустынные районы Феццана и заставила искать новую стратегию по отношению к Ливии. Эта новая стратегия во многом схожа с той, которую организация практикует на Синае: партизанская тактика, террористические атаки, включая рейды, засады и взрывы бомб.

Перспективы присутствия ИГИЛ в Ливии будут зависеть в большой степени от успехов или краха государственного восстановления страны.

АФРИКА К ЮГУ ОТ САХАРЫ

Растущая угроза глобального джихадистского движения в настоящее время распространяется в глубь Африки, на обширные территории, включая Сахель, бассейн озера Чад, Большую Сахару и всю Восточную Африку: от Африканского Рога до Танзании и Мозамбика. И хотя «Аль-Каида» когда-то была главной экстремистской группировкой на континенте, множественные расколы и трещины привели к образованию целого ряда воинствующих группировок и изменчивых союзов.

ИГИЛ сохраняет присутствие в **Сомали**, хотя ее возможности бледнеют по сравнению с возможностями «Аш-Шабаб»: эта группировка неоднократно демонстрировала удивительную способность к самовосстановлению. И хотя сторонники ИГИЛ отчаянно пытаются закрепиться в Сомали, «Аш-Шабаб» довольно успешно лишает их пространства для действий и сводит к минимуму число новобранцев, перешедших на сторону конкурента.

ЗАПАДНАЯ АФРИКА

Западная Африка традиционно была оплотом «Аль-Каиды». Однако с конца 2017 г. ИГИЛ набирает здесь силу и, чтобы вытеснить соперника, проводит агрессивную кампанию, готовясь к долгосрочному присутствию на всей территории Западной Африки.

Поведение «*ИГИЛ в Западной Африке*» в Нигерии и Нигере выглядит устрашающе. Оно все больше становится похожим на то, как группа строила свое государство в Ираке и Сирии, где она предоставляла местным жителям право на ограниченное самоуправление в обмен на возможность взимать налоги с местной экономики.

По мнению официальных лиц *AFRICOM* (Африканское командование вооружённых сил США), «*ИГИЛ в Западной Африке*» представляет собой более долгосрочную угрозу чем «*Боко Харам*», которая считается специализирующейся, в основном, на Нигерии [18]. Будущее воинствующего радикализма в Западной Африке может зависеть от того, какая организация - ИГИЛ или «Аль-Каида» - способна объединиться с местными группировками и обеспечить более привлекательную альтернативу боевикам, возвращающимся домой с Ближнего Востока.

* * *

Таким образом, после потери халифата ИГИЛ, да и все мировое джихадистское движение, снова находится в движении [19]. Лидеры радикалов рассредоточивают боевиков и ресурсы в новых районах, где они могут укрепиться и расширить свое влияние, установив контроль над новыми территориями. ИГИЛ известно своей приверженностью к насилию, способностью собирать средства и изощренным пропагандистским аппаратом. Но, возможно, его главная сила, которая поможет ему выжить, является его готовность развиваться и изменяться в ответ на условия на местах.

В разработках будущих стратегий экстремистское исламистское движение будет опираться на «ностальгию» по халифату: да, Ракка пала, но ИГИЛ доказало своим последователям и всему миру, что, несмотря на огромное противодействие, можно построить джихадистское протогосударство, способное как управлять, так и защищать свои границы.

Конечно, это государство теперь повержено, но сам факт, что оно может быть создано, джихадисты доказали в 2014-2016 гг. Опираясь на эту реальность, ИГИЛ будет строить свою пропаганду в будущем. Никто больше не сможет сказать, что это в принципе невозможно.

Список литературы / References

1. The Evolution of the Salafi-Jihadist Threat. Current and Future Challenges from the Islamic State, Al-Qaeda, and Other Groups. *Center for Strategic and International Studies*. November 20, 2018. https://www.csis.org/analysis/evolution-salafi-jihadist-threat (accessed 10.02.2020)
2. Venter A.J. Al-Qaeda in the Islamic Maghreb. South Yorkshire: Pen and Sword Military, 2018. P. 24.
3. Malaysia arrests two ISIS militants over planned attacks. *The Straits Times*. 22.01.2018.
4. Byman D.L. What happens when ISIS goes underground? Brookings Institution. 18.01.2018. https://www.brookings.edu/blog/markaz/2018/01/18/what-happens-when-isis-goes-underground (accessed 21.02.2020)
5. Подробнее см.: Симония А.А. «Плавучий остров» - новый дом для рохинджа? *Азия и Африка сегодня*. 2019. № 9, с. 36. (Simonia A.A. 2019. «Floating Island» - a New Home for Rohingya? 2019. *Asia and Africa today*. № 9) (In Russ.)
6. Peel M. Militant Islamists shift focus to Southeast Asia. *Financial Times*. 18.07.2017.
7. Jones S. How ISIS transformed terrorism in Indonesia. *New York Times*. May 22.2018.
8. Murdoch L. Marawi uprising funded by $1.9 Million from Islamic State. *Sydney Morning Herald*. 24.10.2017.
9. Cook E. What does Duterte's signing of the Bangsamoro Law mean? *The Diplomat*. 01.08.2018. https://thediplomat.com/2018/08/what-does-dutertes-signing-of-the-bangsamoro-law-mean (accessed 17.03.2020)
10. Grenshaw M. Transnational Jihadism and Civil Wars. *Daedalus*. № 146 (4). 2017. P. 63.
11. Ditz J. ISIS Splits Khorasan Affiliate, Announces New Groups Based in India, Pakistan. 15.05.2019. https://news.antiwar.com/2019/05/15/isis-splits-khorasan-affiliate-announces-new-groups-based-in-india-pakistan (accessed 06.03.2020)
12. Ghazi Z., Mashal M. Deadly ISIS attack hits an aid group, Save the Children, in Afghanistan. *New York Times*. 24.01.2018.
13. Ali Soufan. Anatomy of Terror. N.Y.: W.W.Norton, 2017, p. 172.
14. Kendall E. Impact of the Yemen War on Militant Jihad. *POMEPS Studies*. 12.01.2018. https://pomeps.org/2018/01/12/impact-of-the-yemen-war-on-militant-jihad (accessed 11.02.2020)
15. Frantzman S.J. After ISIS: America, Iran and the Struggle for the Middle East. Gefen Books. 2019, p. 214.
16. Benton C., Attwater C.G. Yemen and the challenge of al-Qaeda in the Arabian peninsula. London, Nova Science. 2013. p. 65.
17. Васильев А.М., Жерлицына Н.А. Трансформация стратегии «ИГИЛ» в Ливии? *Мировая экономика и международные отношения*. 2019. № 12, с. 104. (Vasiliev A.M., Zherlitsina N.A. 2019. The transformation of strategy of the «Islamic State» in Libya in the absence of progress in restoring state. *World Economy and International Relations*. № 12) (In Russ.)
18. Morgan W. Behind the secret U.S. war in Africa. *Politico*. 02.07.2018.
19. Подробнее см.: Васильев А.М., Исаев Л.М., Ткаченко А.А., Кукушкин В.Ю., Жерлицына Н.А. Ситуация в Ливии и интересы России. *Азия и Африка сегодня*. 2020. № 6, с. 4-13. (Vasiliev A.M., Isaev L.M., Tkachenko A.A., Kukushkin V.Yu., Zherlitsyna N.A. 2020. Libya and interests of Russia. 2020. *Asia and Africa today*. № 6) (In Russ.)

DOI: 10.31857/S032150750010100-2

«СДЕЛАНО В КИТАЕ 2025»: КИТАЙСКИЙ ОПЫТ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ЗАДАЧ НАЦИОНАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ

© 2020 В. ПЕРСКАЯ, Н. РЕВЕНКО

ПЕРСКАЯ Виктория Вадимовна, д.э.н., профессор, Заслуженный экономист РФ, директор Института исследований международных экономических отношений Финансового университета при Правительстве Российской Федерации (vprofessor7970@gmail.com)

РЕВЕНКО Николай Сергеевич, к.полит.н., вед.н.с. Института исследований международных экономических отношений Финансового университета при Правительстве Российской Федерации (reni100@yandex.ru)

Резюме. *В статье анализируется стратегия «Сделано в Китае 2025». Особое внимание уделено ее целям (развитие национальной экономики с опорой на инновации, уменьшение зависимости от иностранных технологий и инвестиций, упрочение позиций страны в качестве мирового лидера в высокотехнологичных отраслях) и 10 ключевым секторам экономики, на развитие которых она ориентирована; увеличение доли локализации производства до 70% к 2025 г. Западные страны полагают, что стратегия противоречит правилам ВТО и подрывает конкурентоспособность их компаний.*

Ключевые слова: *«Сделано в Китае 2025», инновации, государственная поддержка, конкурентоспособность, интеллектуальная собственность, локализация производства*

«MADE IN CHINA 2025»: CHINESE EXPERIENCE IN ACHIEVING NATIONAL DEVELOPMENT GOALS

Victoria V. PERSKAYA, Dr.Sc. (Economics), Professor, Honored Economist of the Russian Federation; Director, Institute for Research of International Economic Relations, Financial University (vprofessor7970@gmail.com)

Nikolay S. REVENKO, PhD (Political Science), Leading Research Fellow, Institute for Research of International Economic Relations, Financial University (reni100@yandex.ru)

Abstract. *The article analyzes the "Made in China 2025" (MIC 2025) strategy. It notes that MIC 2025 is a comprehensive development programme for 10 key sectors: new generation IT, numerical control tools and robotics, aerospace equipment, maritime engineering equipment and high-tech ships, advanced railway transportation equipment, energy saving, power equipment, agricultural machinery, new materials, etc.*

MIC 2025 is aimed at developing the national economy focused on innovation, abandoning old sectors of the economy, supporting new industries, reducing dependence on foreign technologies and investment, and strengthening the country's position as a world leader. It also aims to reposition China in a limited period of time from a world producer of inexpensive goods to a competitor of developed economies, to raise the domestic content of core materials and components to 70% by 2025. The authorities actively promote the modernization of Chinese companies, inter alia, they facilitate their access to foreign intellectual property through the acquisition of patents and enterprises using public funds. The main problem for the strategy implementation is the pressure on Chinese industry from both industrial economies, and manufacturers from India, Brazil, the Philippines, Vietnam and other countries able to supply products at lower prices.

The Western expert economic community unanimously has as strong negative sense of the strategy and sees it as a threat, since it implies the transformation of China into a «manufacturing superpower» that dominated the world market in high-tech industries. Western countries also blame China for the fact that MIC 2025 contravenes the WTO rules and undermines the competitiveness of their companies.

Keywords: *MIC 2025, инновации, government support, competitiveness, intellectual property, local manufacturing content*

Приоритетной задачей правительства любой страны является социально-экономическое развитие, включая рост валового внутреннего продукта (ВВП), укрепление экспортного потенциала, создание новых рабочих мест и повышение жизненного уровня граждан. Для ее реализации используется целый ряд мер. Например, в США приняты законодательные акты, предписывающие при осуществлении госзакупок приобретать преимущественно произведенные на территории страны сталь, чугун, алюминий, цемент и др. [1]. В Индии ставка сделана на снятие ограничений на приток прямых иностранных инвестиций (ПИИ) во многие отрасли экономики и создание более благоприятных условий ведения бизнеса [2]. Французский проект «Индустрия будущего» сфокусирован на разработку прорывных технологий в сферах аддитивного производства[1], Интернета вещей и дополненной реальности[2], запуск пилотных проектов [3, с. 4-6].

В Китае с 2015 г. реализуется стратегия «Сделано в Китае 2025» - «*Made in China 2025*» (*MIC 2025*), направленная на упрочение позиций страны в качестве мирового лидера в высокотехноло-

[1] Аддитивные технологии позволяют изготавливать любое изделие сложной формы путем последовательного нанесения материала (как правило, послойного) на основе трехмерной компьютерной модели. Являются противоположностью т.н. вычитающему производству, например, механической обработке.

[2] Дополненная реальность - среда, в реальном времени дополняющая физический мир, каким мы его видим, цифровыми данными с помощью устройств и программной части.

гичных отраслях. Ее основные цели - развитие экономики с опорой на отечественные инновации, уменьшение зависимости КНР от иностранных технологий и зарубежных инвестиций.

ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ КИТАЯ В XXI ВЕКЕ

С начала XXI в. ВВП Китая имел устойчивую тенденцию к росту. В 2019 г. он достиг $14,3 трлн, увеличившись в 11,9 раза с 2000 г. (1,2 трлн) и в 2,8 раза - по сравнению с 2009 г. (5,1 трлн) [4, 5]. По мнению экспертов, такие темпы развития были достигнуты благодаря грамотной стратегии проведения экономических реформ, ориентированной на экспорт модели развития, эффективному регулированию преобразований со стороны государственных ведомств, притоку ПИИ в китайскую промышленность и наличию значительных трудовых ресурсов [6].

Объем экспорта товаров также рос, хотя и не так быстро, увеличившись с 2009 по 2018 гг., по данным официальной китайской статистики, в 2,07 раза - с $1201,6 млрд до $2486,7 млрд [7], а в 2019 г., по оценке экспертов, достиг $2499 млрд [8]. За редкими исключениями, сальдо торгового баланса Китая в этот период было положительным, составив в ноябре 2019 г., несмотря на «торговую войну» с США, $38,73 млрд [9].

Исследование, проведенное в 2018 г. проф. Х.Тагучи (Университет Сайтама, Япония), показало, что доля созданной в КНР добавленной стоимости увеличивается, тогда как в глобальных цепочках стоимости (ГЦС) она уменьшается во всех производственных секторах за счет иностранного производства [10]. Анализ создания внутренней добавленной стоимости в Китае выявил, что доля вспомогательных отраслей во всех секторах выше, чем экспортирующих. Благодаря *MIC 2025* китайская экономика перешла в фазу восстановления внутреннего производства добавленной стоимости, в т.ч. в сфере экспорта в рамках ГЦС. Вместе с тем, именно ГЦС и повышение в них доли Китая в инфраструктурных проектах способствуют крупномасштабной перестройке экономики страны [11].

Предшественницей *MIC 2025* была инициатива «Развивающиеся стратегические отрасли» (РСО) 2006 г., нацеленная на технологическое обновление и развитие таких новых стратегически важных отраслей, как возобновляемые источники энергии и альтернативные виды топлива. РСО предусматривала также жесткий контроль за иностранными инвестициями в стратегические отрасли, созданием совместных предприятий, доступом к иностранной интеллектуальной собственности в обмен за доступ иностранных компаний на китайский рынок. Одним из важных итогов реализации РСО стало выявление приоритетных технологий следующего поколения: информационных (искусственный интеллект, кибербезопасность, интегральные схемы и др.), повышения энергоэффективности, биотехнологий.

КЛЮЧЕВЫЕ СЕКТОРЫ КИТАЙСКОЙ ЭКОНОМИКИ

Рассчитанная на 10 лет стратегия «Сделано в Китае 2025» представляет собой комплексный план развития 10 ключевых секторов национальной экономики (см. *рис.*), охватывающий все стадии производства товаров - от проведения исследований и разработок до послепродажного обслуживания. Достижение сформулированных в ней целей призвано обеспечить 13-й пятилетний план развития Китая на 2016-2020 гг.

Основное внимание в секторе информационных технологий уделяется большим данным[3], облачным вычислениям[4], индустриальному интернету, искусственному интеллекту (ИИ), технологиям мобильной связи пятого поколения - *5G*, виртуальной реальности, «умным» городам [12].

Наиболее ярким примером амбиций Китая является план в сфере искусственного интеллекта. Предполагается создать к 2030 г. промышленность ИИ, компаниям, работающим в этой сфере, предоставляются специальные гранты, оказывается всемерная поддержка проведению академических исследований. Развитие ИИ в КНР опирается на задачу - превратить Китай к 2030 г. в мирового лидера в этой области, а долгосрочное планирование нацелено на период до 50 лет.

В КНР активно идет процесс автоматизации производства. Китай сегодня - крупнейший рынок роботов (36% мирового рынка в 2017 и 2018 гг.). Согласно данным Международной федерации робототехники, в 2018 г. в стране были введены в эксплуатацию 154 тыс. промышленных роботов, что больше, чем в Америке и Европе, вместе взятых (130,8 тыс.) [13, p. 14]. Такие результаты достигнуты во многом благодаря западным технологиям, полученным, в частности,

[3] Большие данные - современное технологическое направление, связанное с обработкой крупных массивов данных, для их использования в конкретных целях.

[4] Облачные вычисления - технология распределённой обработки данных, в которой компьютерные ресурсы и мощности предоставляются пользователю как Интернет-сервис.

Рис. 10 ключевых секторов экономики в соответствии со стратегией «Сделано в Китае 2025».
Источник: China betting big on these 10 industries. http://www.china.org.cn/business/2015-06/30/content_35941589.htm

вследствие приобретения за $4,7 млрд китайским производителем электрического оборудования *Midea* немецкой компании *Kuka*, одной из ведущих производителей робототехники в мире.

Большое внимание уделяется производству станков с числовым программным управлением (ЧПУ), в т.ч. с учетом того, что без них невозможно производство современных видов вооружения и военной техники. Однако, по оценкам экспертов, доля таких станков в Китае в 2018 г. составила 29,7% (в основном металлорежущих), что значительно меньше, чем в Японии (более 90%), США (более 80%) и Германии (более 75%). Национальная промышленность пока не в состоянии удовлетворить потребности в таком оборудовании, а доля локализации производства пока остается низкой: менее 20% для станков высокого технического уровня. Поэтому более 80% блоков ЧПУ и 85% сервомеханизмов для производства китайских станков приходится закупать в других странах [14]. Стратегия *MIC 2025* поставлена задача наращивания производства станков с ЧПУ высокого технического уровня.

Один из приоритетов Китая - аэрокосмическая отрасль. Ключевые направления - спутниковые связь и навигация, наблюдение за поверхностью Земли и самолетостроение. Большие суммы выделяются из госбюджета на создание сети авиалиний и центров обслуживания авиатехники, строительство и модернизацию аэропортов. Ожидается, что к 2022 г. по объему авиационных услуг Китай обгонит США, и в ближайшие 20 лет, по прогнозам компании *Boeing*, стране потребуются 7690 новых коммерческих самолетов на сумму $1,2 трлн [15].

Об уровне развития китайской авиационной промышленности свидетельствует тот факт, что в КНР производится много комплектующих для всех моделей самолетов «Боинг». В целях снижения зависимости от импорта авиатехники разработан и производится реактивный самолет *ARJ21* (предназначен для эксплуатации на авиалиниях протяженностью 2-3 тыс. км), проводятся испытания узкофюзеляжного самолета *C919* (4-5,5 тыс. км), разрабатывается турбовинтовой самолет *MA700* (до 2700 км).

Китай является мировым лидером по количеству имеющихся у него кораблей (6125, или 11,9% мирового торгового флота по состоянию на 1.01.2019), что значительно больше, чем у Греции (4536), Японии (3822), Сингапура (2727) и Германии (2672) [16]. Сейчас поставлена задача строительства высокотехнологичных судов, предназначенных для освоения океанов, особенно Южно-Китайского моря и Арктики. Упор делается на разработку беспилотных кораблей, ледоколов и судов ледового класса. В частности, в дополнение к переоборудованному из украинского грузового судна ледоколу «Сюэлон-1» («Снежный дракон-1») в 2019 г. введен в эксплуатацию первый ледокол собственной постройки «Сюэлон-2». Также ведется активное строительство новых военных кораблей.

Один из векторов экономического развития Китая - создание высокоскоростных железнодорожных магистралей. По состоянию на начало 2019 г., их общая протяженность составила 29 тыс. км - 1-е место в мире. Используются поезда, способные развивать скорость 200-350 км в час. Первые такие поезда были созданы при содействии иностранных компаний - *Alstom*, *Siemens*, *Bombardier* и *Kawasaki Heavy Industries*. Потом с помощью приобретенных технологий

в Китае стали производиться поезда собственной разработки, самым быстрым из которых является «Фусин». Предусмотрено расширение высокоскоростной железнодорожной сети, строительство линий для поездов на магнитной подвеске, способных перемещаться со скоростью до 430 км в час, и расширение экспорта подвижного состава.

Основу китайской энергетики составляют термальные электростанции (68,9% выработанной электроэнергии в 2019 г.). На ГЭС вырабатываются лишь 17,86% электроэнергии, АЭС - 4,8%, ветровых электростанциях - 5,5%, солнечных - 3,1%. В соответствии с *MIC 2025*, акцент сделан на развитие ядерной энергетики: в 2019 г. выработано электроэнергии на 18,2% больше, чем в 2018 г.; солнечной - на 26,5%, ветровой - на 10,9% и гидроэнергетики - на 5,7% [17]. Электросиловое оборудование китайского производства составляет на рынках зарубежных стран серьезную конкуренцию продукции других производителей, о чем, в частности, свидетельствуют звучащие в Индии призывы запретить его импорт [18].

Политика Китая в сфере энергосбережения преследует достижение 4-х основных целей: снижение углеродоемкости экономики (на 18%) и энергоемкости (на 15%), установление максимального потребления энергии (5 Гт угольного эквивалента/3,5 Гт нефтяного эквивалента) и увеличение доли неископаемого топлива в потреблении первичной энергии (15%) [19, p. 18].

Один из приоритетов - разработка и производство новых материалов, без которых трудно обеспечить повышение конкурентоспособности китайской продукции. Важность этого направления, помимо *MIC 2025*, отмечается также в Национальной программе исследований и развития высоких технологий (программа 863) и Национальной программе фундаментальных исследований (программа 973). По оценке китайского Министерства промышленности и информационных технологий, объем производства новых материалов будет увеличиваться, в среднем, на 20% в год, что обеспечит вывод страны в число мировых лидеров в этой сфере к середине XXI в. [20].

Основное направление развития сельского хозяйства - это его модернизация, подразумевающая повышение урожайности, восстановление экосистем и биоразнообразия, повышение устойчивости к рискам климатических изменений. В этом контексте в стратегии *MIC 2025* внимание уделяется производству современной сельскохозяйственной техники, чтобы повысить уровень механизации вспашки земли, посева и сбора урожая с 63% в 2015 г. до 70% в 2020 г. [21]. Китай - крупнейший рынок такой техники в мире, емкость которого, по прогнозам, в 2019-2024 гг. будет увеличиваться, в среднем, на 5,8% в год [22].

Китайский рынок медицинского оборудования быстро растет: в 2018 г., по сравнению с предыдущим годом, он увеличился на 22,2%, а в 2019 г., по оценке американских экспертов, - тоже на 22,2%, из которых 59% приходятся на продукцию внутреннего производства [23]. Стратегией *MIC 2025* предусмотрена господдержка производства оборудования, которое в настоящее время импортируется. Перед отечественными фармкомпаниями поставлена задача разработать новые лекарства, получить больше патентов и, в конечном итоге, обрести доминирующую роль на китайском рынке.

ЦЕЛИ СТРАТЕГИИ «СДЕЛАНО В КИТАЕ 2025»

MIC 2025 нацелена на отказ от старых секторов экономики, прежде всего трудоемких отраслей промышленности, поддержку новых отраслей и вывод КНР в число развитых государств, давая ей при этом возможность использовать все преимущества как страны с развивающейся экономикой. Кроме того, поставлена задача повысить долю национальной продукции в цепочках добавленной стоимости по мере роста заработной платы, чтобы избежать попадания в т.н. «ловушку среднего уровня дохода».

Субсидии, налоги, льготы и дешевые кредиты для отраслей с низкой добавленной стоимостью и трудоемких секторов поэтапно снижаются, а предприятия насильно закрываются и / или перемещаются, в т.ч. за границу. Одновременно выделяются средства для создания и обеспечения финансирования стартапов; компаниям, работающим в 10-ти упомянутых секторах экономики, предоставляют налоговые льготы и субсидии, трансформируется политика банков путем нацеливания их на предоставление инвестиций новым промышленным секторам.

С точки зрения международной конкурентоспособности, стратегия предполагает повышение потенциала, позволяющего китайским компаниям конкурировать с производителями из других стран. Кроме того, она должна обеспечить перепозиционирование в сжатые сроки Китая из «мировой фабрики» по производству недорогих товаров в конкурента развитых стран. Особый упор в ней сделан на качество производства и инвестиции в технологические инновации и умное производство в областях, где используются технологии, которые трудно воспроизвести с помощью обратного инжиниринга [24, p. 5].

Ключевой фактор, лежащий в основе стратегии, - повышение производительности труда [25, p. 39]. Несмотря на успехи Китая в глобальном воспроизводственном процессе, производительность труда там пока отстает от других стран. Поскольку численность рабочей силы в КНР сокращается в силу демографических причин, компании сталкиваются с проблемой увеличения объемов производства при снижении числа занятых, и им приходится вкладывать немалые средства в технологии [26, p. 14].

Большое внимание в стратегии *MIC 2025* уделено брендированию продукции, необходимой для повышения ее конкурентоспособности и расширения международного рынка сбыта. Например, в сельском хозяйстве поставлена цель - создать до трех узнаваемых брендов внутри страны и до пяти - на международном уровне.

Правительство также поручило предприятиям повысить уровень управления рисками инвестиционных операций с целью поощрения международных инвестиций и приобретения зарубежных активов. В 2005-2016 гг. инвестиции китайских компаний в США составили $135 млрд и в Германии - $13,6 млрд, что позволило им получить доступ к интеллектуальным продуктам и высокотехнологичным предприятиям [24, p. 5].

Основными каналами для получения доступа к иностранной интеллектуальной собственности, используемой для модернизации китайских компаний, являются приобретение патентов и предприятий с привлечением государственных средств и международное партнерство. Китай, в свою очередь, на законодательном уровне ограничивает экспорт ряда продуктов и технологий, исходя из государственных интересов и задачи обеспечения национальной и экономической безопасности.

Одной из целей стратегии является увеличение доли локализации производства по всем 10-ти упомянутым направлениям до 40% к 2020 г. и до 70% к 2025 г. [24, p. 4], что подчинено задаче достижения самообеспеченности производственного процесса и постепенного замещения иностранных компонентов в глобальных цепочках стоимостях. Одновременно административно формируется среда, позволяющая этим компаниям производить товары, конкурентоспособные не только на национальном, но и на мировом рынке.

Центральное правительство и провинциальные власти активно содействуют модернизации китайских компаний, в т.ч. путем создания к 2025 г. 40 национальных и 48 провинциальных инновационных центров. Эффективным инструментом является финансовая поддержка ключевых инициатив [27].

Финансирование бизнеса, включая малые и средние предприятия, со стороны государства осуществляется с помощью предоставления государственными банками субсидий и кредитов под низкие проценты. Прямая финансовая поддержка оказывается также через различные агентства и фонды. Кроме того, государством введены дополнительные требования к компаниям, заинтересованным в государственно-частном инвестировании своей деятельности. Например, им предписано к 2020 г. увеличить расходы на научные исследования в процентах от продаж - с 0,95% до 1,68% и производительность труда - на 7,5%, а к 2025 г. на 35% снизить потребление энергии и воды на единицу добавленной стоимости [24, p. 5].

Финансирование, в первую очередь, стали получать работы по таким направлениям, как телекоммуникации, беспроводные сенсорные сети, трехмерная печать, промышленная электронная коммерция, облачные вычисления и большие данные, транспортные средства без водителя.

Основная проблема на пути реализации стратегии *MIC 2025* - давление на китайскую промышленность со стороны как более индустриального производства в Японии и Германии, так и производителей из Индии, Бразилии, Филиппин, Вьетнама и других стран, поставляющих продукцию по более низким ценам.

Кроме того, США, Германия, Япония и ряд других стран выдвигают в адрес Китая обвинение в том, что *MIC 2025* противоречит правилам ВТО и подрывает конкурентоспособность их производителей и поставщиков, в т.ч. по причине того, что китайские компании получают льготное государственное финансирование, позволяющее им проводить исследования и приобретать зарубежные компании и современные технологии. Для США особенно ощутима конкуренция в сферах создания и введения в эксплуатацию альтернативных источников энергии, автомобилей с автономным управлением и авиационно-космической техники.

С этим утверждением не согласны китайские эксперты, указывающие на то, что на проведение фундаментальных исследований КНР тратит в 3-4 раза меньше, чем США и другие развитые страны. Хотя в 2017 г. Китай выплатил $28,7 млн за право использовать интеллектуальную собственность, т.е. в 2,5 больше, чем 10 лет назад, и это - лишь 59% суммы, направляемой на аналогичные Соединенными Штатами ($48,4 млн) [28].

Старший эксперт по макростратегии крупнейшей группы по оказанию финансовых услуг в скандинавском регионе - *Nordea Asset Management* - Себастьен Гали полагает, что за счет бо-

лее низких цен китайским компаниям удалось подвинуть зарубежных конкурентов на рынках стали и солнечной энергетики. В США опасаются, что Китай со временем займет доминирующее положение в других отраслях, и этот вопрос является одним из ключевых в торговых переговорах. Кому-то придется уступить, и это будет не Китай [29].

Другая неожиданно возникшая проблема - замедление темпов развития китайской экономики в 2020 г. вследствие эпидемии коронавируса. В 1-м квартале 2020 г. объем ВВП Китая снизился на 9,8% по сравнению с 4-м кварталом 2019 г., а в годовом исчислении - примерно на 6,8% [30]. В эти же 3 месяца закрылись около 460 тыс. китайских компаний, а регистрация новых в годовом исчислении сократилась на 29% [31]. Ввиду пандемии в 2020 г. ожидается существенное снижение темпов прироста ВВП (1,2% по сравнению с 6,1% в 2019 г.). Резко сократился экспорт (-17,2% в январе-феврале 2020 г.), но уже в марте ситуация стала улучшаться (-6,6%). По оценке экспертов, последствия пандемии должны быть полностью ликвидированы к концу года, и в 2021 г. прирост ВВП должен составить 9,2% [34, pp. 8, 25].

Процесс восстановления отраслей экономики после завершения эпидемии идет медленно. В частности, торговые центры, кафе и рестораны несут убытки из-за малого числа посетителей, опасающихся близкого контакта с другими людьми; из-за продолжающейся экономической неопределенности в стагнации находятся рынки недвижимости и продажи автомобилей. Можно предположить, что одним из основных направлений экономического развития Китая станет развитие информационно-коммуникационных технологий, в т.ч. мобильной связи *5G*, которые предоставляют большие возможности для дистанционной формы работы, предоставления услуг онлайн-образования и интернет-доставки товаров, что было успешно протестировано во время карантина [32].

В целом, западное экспертное экономическое сообщество единодушно воспринимает стратегию *MIC 2025* достаточно остро, видя в ней угрозу для развитых стран, поскольку она предполагает достижение к 2025 г. самодостаточности посредством замены технологий и превращения Китая в «производственную сверхдержаву», доминирующую на мировом рынке в высокотехнологичных отраслях. Это может стать проблемой для стран, которые полагаются на экспорт высокотехнологичной продукции или глобальную цепочку поставок высокотехнологичных компонентов [33].

* * *

Таким образом, «Сделано в Китае 2025» - это применимая исключительно к социально-политической системе Китая и учитывающая ментальность китайского бизнес-сообщества программа развития, нацеленная на отказ от старых отраслей, внедрение инноваций и превращение Китая в мирового экономического лидера. Декларирование в ней целей и задач, предоставление эффективного инструментария ее поддержки сопровождается реальными действиями партийного и административного аппаратов на местах, жестким контролем и наказанием за несвоевременное исполнение.

Поставленные в ней цели, включая достижение к 2025 г. 70%-ного уровня локализации производства, а также уровень ее поддержки с использованием государственных средств вызывают обеспокоенность развитых стран, где высока доля высокотехнологичной продукции в товарной структуре экспорта.

С учетом темпов развития китайской экономики, а также мощной поддержки, в т.ч. финансовой, оказываемой реализации стратегии со стороны государства, можно предположить, что достижение поставленных в ней целей вполне реально, и к 2025 г. Китай имеет все шансы стать мировым лидером в целом ряде секторов экономики.

Список литературы / References

1. Ревенко Л.С., Ревенко Н.С. «Сделано в США»: американский опыт стимулирования экономики. *США и Канада: экономика, политика, культура*. 2019, № 49(9). С. 15-36. (Revenko L.S., Revenko N.S. 2019. «Made in the USA»: American Experience in Stimulating the Economy. *USA & Canada: Economics, Politics, Culture,* No 49(9) (In Russ.)

2. Ревенко Л.С., Ревенко Н.С. Индийский опыт стимулирования развития экономики: программа «Делай в Индии». *Азия и Африка сегодня*. 2019, № 12. С. 49-56. (Revenko L.S., Revenko N.S. 2019. Indian Experience to Stimulate Economic Development: Make in India Programme. *Asia and Africa Today*, No 12) (In Russ.) DOI: 10.31857/S032150750007657-4

3. Фролов А. Мониторинг технологического развития в России и мире. М., Сколковский институт науки и техники, 2015, 30 с. (Frolov A. 2015. Monitoring of Technological Development in Russia and the World. M.) (In Russ.). https://www.skoltech.ru/app/data/uploads/2014/02/Monitoring_2_maj-avgust_2015_z.pdf (accessed 19.12.2019)

4. World Bank Data. https://data.worldbank.org/country/%E4%B8%AD%E5%9B%BD (accessed 20.12.2019)

5. China Gross National Product. https://www.ceicdata.com/en/indicator/china/gross-national-product (accessed 27.04.2020)

6. Китайское экономическое чудо. Причины экономического подъема в Китае. (Chinese Economic Miracle. Reasons for Economic Boom in China) (In Russ.). https://fb.ru/article/367460/kitayskoe-ekonomicheskoe-chudo-prichinyi-ekonomicheskogo-podyema-v-kitae (accessed 21.12.2019)

7. China Statistical Yearbook 2019. 1-2 Total Value of Imports and Exports of Goods. http://www.stats.gov.cn/tjsj/ndsj/2019/indexeh.htm (accessed 28.12.2019)

8. Workman D. China's Top Exports. http://www.worldstopexports.com/chinas-top-10-exports/ (accessed 27.04.2020)

9. China Balance of Trade. https://tradingeconomics.com/china/balance-of-trade (accessed 28.12.2019)

10. Taguchi H. Domestic Value Creation in the Involvement in Global Value Chains: Evidence of China. MPRA Paper No. 88436, 2018, 20 p. https://mpra.ub.uni-muenchen.de/88436/1/MPRA_paper_88436.pdf (accessed 10.01.2020)

11. Kei-Mu Yi. Trade and Global Value Chains. Conference on Labor Market Consequences of International Trade. National Press Club, October 4, 2018, 17 p. https://www.nber.org/internationaltrade/yi_slides.pdf (accessed 12.01.2020)

12. China - Technology and ICT. https://www.trade.gov/knowledge-product/china-technology-and-ict (accessed 26.04.2020)

13. Executive Summary World Robotics 2019 Industrial Robots. International Federation of Robotics, 2019, pp. 13-16. https://www.ifr.org/downloads/press2018/Executive%20Summary%20WR%202019%20Industrial%20Robots.pdf (accessed 27.01.2020)

14. Global and China CNC Machine Tool Industry Report, 2019-2025. https://www.reportbuyer.com/product/4126834/global-and-china-cnc-machine-tool-industry-report-2019-2025.html (accessed 11.01.2020)

15. Boeing ups Forecast Chinese New Plane Purchases over 20 Years by 6.2 percent. https://www.reuters.com/article/us-china-aviation-boeing/boeing-ups-forecast-chinese-new-plane-purchases-over-20-years-by-6-2-percent-idUSKCN1LR07R (accessed 16.01.2020)

16. Merchant Fleet. 2019 E-Handbook of Statistics. https://stats.unctad.org/handbook/MaritimeTransport/MerchantFleet.html (accessed 16.01.2020)

17. China Energy Portal. https://chinaenergyportal.org/en/2019-electricity-other-energy-statistics-preliminary/ (accessed 15.01.2020)

18. Consider Banning Chinese Power Equipment Imports, IEEMA UrgesGovt. https://www.business-standard.com/article/economy-policy/consider-banning-chinese-power-equipment-imports-ieema-urges-govt-119121301387_1.html (accessed 15.01.2020)

19. Voïta T. The Power of China's Energy Efficiency Policies. Ifri Center for Energy, September 2018, 50 p. https://www.ifri.org/sites/default/files/atoms/files/voita_power_china_2018.pdf (accessed 20.01.2020)

20. Zhu Lingqing. New material industry expected to create 10t yuan by 2025. http://usa.chinadaily.com.cn/a/201802/12/WS5a812e48a3106e7dcc13c47e.html (accessed 21.01.2020)

21. Global and China Agricultural Machinery Industrial Report, 2016-2020. https://www.marketresearch.com/Research-in-China-v3266/Global-China-Agricultural-Machinery-10188413/ (accessed 23.01.2020)

22. China Agricultural Machinery Market - Growth, Trends, and Forecast (2020-2025). https://www.mordorintelligence.com/industry-reports/china-agricultural-machinery-market (accessed 22.01.2020)

23. China - Medical Devices. https://www.export.gov/article?id=China-Medical-Devices (accessed 23.01.2020)

24. Made in China 2025. Backgrounder. Institute for Security & Development Policy, June 2018, 9 p. http://isdp.eu/content/uploads/2018/06/Made-in-China-Backgrounder.pdf (accessed 18.01.2020)

25. Perskaya V.V. 2019. "Made in China 2025" as a Tool for the Development of the Economic Model of Socialism with Chinese Characteristics. *Advances in Economics, Business and Management Research*. Vol. 107, Atlantis Press, 2019, pp. 38-40. https://www.atlantis-press.com/proceedings/icefb-19/125925161 (accessed 27.01.2020)

26. Stepping into the future. How China is transforming its economy and creating opportunities. UBS, 2018, 26 p. https://www.ubs.com/global/en/asset-management/insights/china/2018/stepping-into-the-future/_jcr_content/mainpar/gridcontrol/col1/actionbutton.1609372512.file/bGluay9wYXRoPS9jb250ZW50L2RhbS9zdGF0aWMvYXNzZXRfbWFuYWdlbWVudC9nbG9iYWwvbmV3c2xldHRlci9JbnZlc3RtZW50X0NvbW1zL3N0ZXBwaW5nLWludG8tdGhlLWZ1dHVyZS1hdWctMjAxOC5wZGY=/stepping-into-the-future-aug-2018.pdf (accessed 16.01.2020)

27. Perskaya V., Sokolova E., Mekhdiev E., Guliev I. 2019. Drivers of Deepening the BRICS Countries Partnership (Based on a Comparative Analysis of National Development Strategies. *ESPACIOS*, Vol. 40, Issue 42, p. 23. https://www.revistaespacios.com/a19v40n42/a19v40n42p23.pdf (accessed 24.01.2020)

28. Сделано в Китае - 2025: действительно ли план доминирования Пекина в сфере технологий - столь значительная угроза? (Made in China 2025: Is Beijing's Technology Dominance Plan so Significant Threat?) (In Russ.). https://news.rambler.ru/other/40808998-sdelano-v-kitae-2025-deystvitelno-li-plan-dominirovaniya-pekina-v-sfere-tehnologiy-stol-znachitelnaya-ugroza-south-china-morning-post-gonkong/ (accessed 25.01.2020)

29. Китай затянет разрешение торговой войны с США до следующих президентских выборов. (China will Drag out the Trade War Settlement with the US until the Next Presidential Election) (In Russ.). https://www.vesti.ru/doc.html?id=3115061 (accessed 20.06.2020)

30. China GDP - Gross Domestic Product. https://countryeconomy.com/gdp/china (accessed 26.04.2020)

31. Campbell C. 'How Can I Get Through This?' The Impact of Coronavirus on China's Economy is Only Just Beginning. https://time.com/5824599/china-coronavirus-covid19-economy/ (accessed 26.04.2020)

32. Livermore A., Shira D. et al. The Social and Economic Impact of COVID-19 on China and its Recovery Potential. https://www.china-briefing.com/news/social-economic-impact-covid-19-china-recovery-potential/ (accessed 26.04.2020)

33. Laskai L. Why does everyone hate Made in China 2025? https://www.cfr.org/blog/why-does-everyone-hate-made-china-2025 (accessed 25.01.2020)

34. Coronavirus: Economic Impact in China. Statista, p. 8, 25. 74 p. https://www.statista.com/study/72133/coronavirus-economic-impact-in-china/ (accessed 17.05.2020)

DOI: 10.31857/S032150750010101-3

КИТАЙСКАЯ ДИАСПОРА АФРИКИ: СТРУКТУРА, ИДЕНТИЧНОСТЬ, ВЛИЯНИЕ
Статья 2

© 2020 О. ФИТУНИ

ФИТУНИ Ольга Леонидовна, научный сотрудник Центра изучения российско-африканских отношений и внешней политики стран Африки Института Африки РАН (o-l-fit@yandex.ru)

Окончание. Начало см.: Азия и Африка сегодня. 2020, № 6.

Резюме. *В публикуемой серии из двух статей автор дает концентрированный анализ эволюции китайской диаспоры в Африке, ее возникновения, изменения во времени ее характера, структуры и распространения по континенту. Оценивается потенциал ее влияния на историческое, экономическое развитие, политическую и общественно-культурную жизнь в этих государствах, а также на отношения последних с китайским отечеством.*

Вторая статья серии посвящена анализу структуры китайской диаспоры в Африке, ее отношений с окружающим африканским социумом и влиянием на развитие страны пребывания и отношения КНР и Тайваня с этими государствами.

Ключевые слова: *Африка, китайская диаспора, хуацяо, конструкция идентичности, политическое влияние, власть, экономика, международные отношения*

CHINESE DIASPORA IN AFRICA: STRUCTURE, IDENTITY, INFLUENCE. Part 2

Olga L. FITUNI, Research Fellow, Centre for the Study of the Russian-African Relations and African States' Foreign Policy, Institute for African Studies, Russian Academy of Sciences (o-l-fit@yandex.ru)

Abstract. *In this article, the author aims to give a concentrated exposition of the evolution of the Chinese Diaspora in Africa, including its origins, modification in time of its character and size, transformations of its structure and alterations in geographical distribution on the continent. On the basis of the undertaken analysis she assesses the potential of its influence on host societies, as well as the impact it produces upon historical and economic development, political and socio-cultural life in the host nations, and on the bilateral relations of the latter with China and Taiwan.*

As a result of the analysis, the author arrives to the conclusion that although at different stages of history, the quantitative component has influenced these aspects of the socio-economic life of Africa to varying degrees, it has never played the role of the main determinant of such influence. The numbers of the Chinese in any one country in Africa have never reached a point to influence the politics and economy of African States by virtue of the Diaspora's very size proper. On the contrary, the analysis of recent trends points to a tendency towards an increase of such influence due rather to qualitative changes in the characteristics of the Diaspora, in particular, in the context of the growth of the global influence of their Chinese homeland.

The second article in the series analyzes the structure of the Chinese Diaspora in Africa, its relations with the surrounding African society, and its influence on the development of the host country as well as the relations of China and Taiwan with those States. The article also contains a critical assessment of arguments used by both the critics and the proponents of the positive spillovers of the growth of Chinese diasporas in Africa.

Keywords: *Africa, Chinese Diaspora, huaqiao, identity construction, political influence, power, economy, international relations*

СТРУКТУРА ДИАСПОРЫ

В структурном отношении китайскую диаспору в Африке можно рассматривать в двух планах: а) на более простом уровне как набор частей, компонентов ее составляющих, и б) в качестве сложной совокупности устойчивых связей, формирующих и обеспечивающих целостность диаспоры как системы, «защищающих» ее от потери под влиянием внешних и внутренних воздействий своего сущностного фундамента - «китайскости».

Первый подход ориентирует исследователя на изучение «*разделительных линий*» внутри диаспоры - разбиение на части и последующую группировку элементов единого целого, согласно некоторым критериям: по правовому статусу ее членов, имущественному цензу, этнографическим особенностям субэтносов, языковым и диалектальным различиям, классовым и стратовым разграничениям по закрепленным социальными функциями, правам, привилегиям и т.д.

Второй подход, наоборот, ориентирует на показ факторов и силовых связей *объединяющих*, цементирующих диаспору, которые в диалектическом единстве формируют коллективную идентичность ее членов, сохраняют ее как некую самовоспроизводящуюся и тождественную только самой себе сущность.

Пример китайской диаспоры в Африке ярко демонстрирует научную состоятельность и необходимость обоих подходов.

С одной стороны, эта диаспора имеет весьма фрагментированную структуру. В международно-правовом смысле она - не что иное, как механическое соединение множества китайских сообществ в более чем 50 суверенных странах континента. С другой - степень «обобщенности» и взаимозависимости локальных китайских сообществ в Африке, на деле, в среднем, намного выше, чем, напри-

мер, между устоявшимися и самодостаточными диаспорами стран Юго-Восточной Азии. Страновые китайские диаспоры в Африке еще не столь консолидированы внутренне, их члены без труда перетекают из одной в другую. Их развитие и даже размеры очень сильно зависят от стратегии Китая в Африке в целом, и от места, отводимого стране расселения в проектах «Пояс и путь», от двухсторонних отношений Пекина и их новой родины.

В соответствии с первым подходом, китайские диаспоры в Африке можно структурировать на межстрановом уровне по «стажу» их существования (с колониальных времен, до или после образования КНР и т.д.). *Внутри* же африканских стран проживания китайскую диаспору принято делить на «старую» и «новую». К старой ныне относят ту ее часть, которая прибыла в Африку до начала 4-й (текущей) иммиграционной волны[1] на континент. В настоящее время «старая» диаспора, в целом, по континенту составляет лишь четвертую часть от всех живущих в Африке китайцев, но и эта доля стремительно тает.

В «старой» диаспоре традиционно в качестве структурных элементов выделяли различные клановые группы, в т.ч. принадлежность к разным субэтносам китайского народа, к определенным фамильным (именным) кланам, профессиональным/ремесленным объединениям («гильдиям»), происхождению из определенной провинции или района Поднебесной и т.д. Во многом эти критерии структурирования китайской диаспоры в Африке важны до сих пор (например, как единое связующее звено сообществ китайского субэтноса *хакка* на Маврикии, Реюньоне, Мадагаскаре и т.п.). В то же время процессы модернизации и все более частое «перемешивание» диаспоры вследствие меняющихся реалий жизни постепенно уменьшают их традиционную значимость.

Между «старой» и «новой» диаспорами сохраняются очевидные лингвистические различия. На то, какой диалект или говор китайского языка становился наиболее распространенным в конкретной африканской стране или ее части, влияло большое количество факторов: география истока эмиграции, классовое, социальное, клановое происхождение носителя, для более поздних поколений - происхождение предков-мигрантов, степень ассимиляции данного диаспорального сообщества в целом и семьи носителя в частности, официальная культурная, языковая политика страны их проживания.

Не будет ошибкой утверждение, что основная масса представителей первых трех волн китайской иммиграции в Африку, а, соответственно, почти вся «старая» диаспора, использует в обиходе южнокитайские диалекты, прежде всего гуандунский (кантонский), хакка, диалекты миньской (фуцзяньской) группы. Однако поселившиеся в Африке в ходе 4-й волны китайцы, в особенности из бизнес-сообщества, профессионалы, инженеры, врачи, учителя, приехавшие из разных районов КНР, чаще используют официальный *путунхуа*, являющийся в современном китайском обществе единым языком коммуникации.

Помимо дихотомии «старая/новая», диаспоры в структурном отношении распадаются на две сильно разнящиеся в правовом отношении части - описанных выше «*хуацяо*» и «*вайцзи хуажэнь*», т.е. на лиц имеющих или не имеющих китайское гражданство. Сегодня удельный вес первой группы не только превалирует в структуре диаспоры, но растет необычайно высокими темпами.

Наиболее сложным вопросом, предполагающим подробное рассмотрение, но требующим для адекватного изложения более значительного объема разъяснений, чем позволяют рамки статьи, является меняющаяся на протяжении исторического развития социально-классовая структура китайской диаспоры. Здесь, несмотря на наличие доминирующих на разных этапах развития общих трендов, видны существенные страновые различия.

Так, на Маврикии состав китайской диаспоры уже с конца XIX в. в массе, наряду с сельскохозяйственными рабочими, включал представителей мелкобуржуазной среды - лавочников, торговцев среднего достатка, мелких и средних ремесленников, хозяев мастерских, а со временем и мелких собственников земли и т.д.

В британской Южной Африке примерно в этот же период основная масса китайцев представляла беднейшие слои пролетариата горной промышленности (хотя традиционная для китайского жизненного уклада мелкая торговля, особенно вразнос, а также малые семейные предприятия начали появляться задолго до массового завоза *кули*), а в Мозамбике и на Мадагаскаре - полурабскую рабочую силу, трудившуюся на сахарных плантациях.

К 1910-м гг. в Южно-Африканском Союзе начавшая вставать на ноги китайская мелкая торговая буржуазия была жестко ограничена в своем росте строгими сначала националистическими, а позднее расистскими законами и уложениями.

В результате 3-й волны миграции, в основном в 1950-х - 1970-х гг., на континенте, в целом, в составе классовой структуры диаспоры стали доминировать представители мелкой и средней торговой буржуазии. Тогда же в Африке начали появляться и первые китайские миллионеры. Часть из них перебралась в Африку в этот период из Гон-

[1] В первой статье автор выделяет четыре этапа (волны) китайской иммиграции в Африку: 1-й - примерно до 1860-х - 1870-х гг.; 2-й- с 1870-х до 1940-х; 3-й - с 1940-х до начала 1980-х гг. Текущий, четвертый этап начался в 1980-х гг. Подробнее см.: [1].

конга и Тайваня. Ныне они уже считаются представителями «старой» диаспоры.

Четвертый этап развития диаспоры внес ранее невиданные особенности в ее структуру. В ней сохранились почти все элементы структуры предшествующего, третьего периода ее развития, но появились и абсолютно новые. К ним следует отнести многотысячную армию новых китайских предпринимателей «социалистического типа», прибывших осваивать Африку не только в интересах собственного обогащения, но и для создания на родине общества «средней зажиточности» и для воплощения «китайской мечты».

Вместе с тем, в структуре китайской диаспоры большая доля приходится на сотни тысяч китайских рабочих, специалистов, инженеров, врачей и преподавателей, трудящихся на объектах китайско-африканского сотрудничества, реализующих инфраструктурные мегапроекты и т.д.

Интересным является то, что значительная часть из них отправилась в эти командировки, имея цель на длительное время осесть в Африке, создать здесь свой бизнес, возможно, обзавестись семьей (в основном, но не всегда, в союзе с представителем китайской диаспоры) и пустить корни. Китайское правительство не только не препятствует им в этом, но и создает необходимые условия: оказывает дипломатическую, информационную, юридическую, порой организационную поддержку.

КОНСТРУКЦИЯ ИДЕНТИЧНОСТИ

Главным стержнем, соединяющим в истории разные стадии развития диаспоральных сообществ *хуажэнь,* является бережное отношение к сохранению своей китайской идентичности.

В российской науке развитие получил тезис об особой диаспоральной идентичности, которая, по мнению исследователя этого феномена проф. И.Л. Прохоренко, «носит двойственный гибридный характер, поскольку представитель диаспоры одновременно отождествляет себя и с новой, и с прежней родиной... Соподчинение этих двух конкурирующих между собой идентичностей очень изменчиво, соответственно, исход гибридизации диаспоральной идентичности сложно предсказуем» [2, с. 434].

Соглашаясь с самим фактом существования особой диаспоральной идентичности, хотелось бы отметить, что для старых китайских диаспор Африки речь следует вести не о двойственном, а о тройственном ее характере. Помимо отождествления себя и со старой, и с новой родиной, у ее носителя присутствует третий аспект, когда этнический субстрат разделен на конфликтующие идентичности «старых» и «новых» иммигрантов.

В какой-то степени этот конфликт сродни конфликту внутри российской эмиграции между потомками «старых и благородных» мигрантских слоев постреволюционных лет, и толпами «понаехавших» в поисках наживы постсоветских «новых американцев и европейцев».

Тем не менее, как представляется, «китайскость» как концентрированное выражение идентичности в этом конфликте берет верх. Залогом ее сохранности, а следовательно, и существования диаспоры, исторически была опора на три столпа китайской культуры или общественной жизни в чуждом окружении (социуме) - клановость, этнолингвистическую коммуникацию (включая китайскоязычные СМИ) и наличие китайских школ как для изучения языка, так и для передачи новым поколениям культурно-цивилизационного наследия Поднебесной.

Несмотря на процессы модернизации и активное приобщение поколений молодых предпринимателей-*хуацяо* к достижениям западной цивилизации, эти столпы продолжают нести на себе нагрузку по сохранению и развитию китайской идентичности и на современном, четвертом этапе развития диаспоры. Взаимная значимость трех столпов со временем меняется. Относительно понизилась роль клановости, а вот развитие китайскоязычных медиа и средств коммуникаций уверенно развивается - сегодня, в основном, в цифровом/сетевом варианте.

Хотя в разных государствах Африки отношения между представителями различных волн иммиграции могут складываться не всегда гладко, базовые морально-этические нормы, идеи и понятия, формирующие их китайскую идентичность, объединяют «зарубежных китайцев» в стране и прочно цементируют китайские диаспоры. По мнению ведущего современного исследователя культуры Китая Шэнь Чжэньхуэя, это концепты «*кэ цзи фэн гун*» - «преодолевая себя, служить обществу» (применительно к *хуацяо* речь идет как о службе китайской диаспоре в данной стране, так и о большой китайской Родине), «*цзи со бу юй, у ши юй жэнь*» - не делать людям того, чего сам не желаешь себе, «*чэнсинь*» - добросовестность, «*цзин цзян*» - трудолюбие и бережливость [3, с. 264].

Деловой успех африканских *хуацяо* во многом объясняется приверженностью к еще одному прививаемому китайцам с детства жизненному правилу, которое (по крайней мере, в наставлениях родителей) считается стержневым: «в богатстве не излишествовать, в бедности не сгибаться, перед силой не унижаться» [3, с. 264].

И наконец, базовый элемент, который, по нашему мнению, является ключевым для понимания особого характера отношений, существующих веками между Китаем и китайскими диаспорами не только Африки, но всех частей света, - это упомянутый нами в статье 1 [см.: 1] принцип сохраняющейся личной и коллективной ответственности перед (пра)Родиной - «раньше всех горе-

вать над горем Поднебесной и после всех наслаждаться ее радостями» [1].

На практике действенность принципа ярко подтвердила безотлагательная самомобилизация африканских китайцев, уже на ранних этапах эпидемии COVID-19 начавших сбор средств, закупку и пересылку в КНР медицинских масок и других материалов.

Если можно говорить о диаспоральном понимании китайской идентичности, этот принцип является ее квинтэссенцией и концентрированным проявлением в собственных глазах и глазах соотечественника, живущего в той же африканской стране своей подлинной и непреходящей «китайскости».

ВЛИЯНИЕ: СКРЫВАТЬ БЛЕСК И ДЕЛАТЬ ВОЗМОЖНОЕ

В последние годы вопрос о росте влияния китайской диаспоры на развитие стран приема и отношения между новой и старой родиной привлекает внимание многих исследователей. Он стал предметом острой полемики и орудием пропагандистских манипуляций противников расширения влияния Китая в Африке. Насколько оправданы высказываемые некоторыми авторами на этот счет опасения?

Для формулирования обоснованной позиции в этом вопросе следует начать с признания того, что при анализе зачастую смешиваются разные аспекты влияния. При всей важности подразумеваемой поддержки со стороны матери-родины нельзя считать, что влияние китайской диаспоры в конкретной африканской стране тождественно влиянию в ней КНР или Тайваня. Здесь возможно сочетание большого количества вариантов.

В то же время невозможно списывать со счетов то, что за спиной у нередко многотысячной массы китайцев, проживающих в той или иной африканской стране, стоит государство, которое:

- уже 12 лет подряд является для континента торговым партнером № 1, а ежегодный товарооборот с Африкой превышает $200 млрд; прямые инвестиции в регионе достигли $110 млрд, и 3700 фирм и компаний ежегодно вкладывают в развитие континента все новые и новые средства;
- последовательно сопрягает свои проекты с планами и африканских государств и организаций по индустриализации континента;
- проложило 6 тыс. км железных и шоссейных дорог в самые глухие уголки Африки, построило 20 морских портов и возвело 80 крупных электростанций, подготовило тысячи африканских специалистов и представителей квалифицированного персонала [4].

Ставить под сомнение влиятельность диаспоры подобной сверхдержавы, по крайней мере, наивно.

Однако *внутреннее* влияние китайских диаспор в большинстве стран исключительно точечное. Они почти не влияют на исход внутриполитических баталий и выборов. Как китайские власти, так и местные китайские диаспоры оставляют вопросы власти и политики африканцам.

Вопрос о внутреннем (на уровне страны пребывания) экономическом могуществе китайской диаспоры в Африке остается (в отличие, например, от региона Юго-Восточной Азии) одним из наименее изученных.

Несмотря на целенаправленные поиски, автору не удалось найти ни китайских, ни западных, ни отечественных системных исследований на эту тему, основанных на репрезентативном статистическом материале, а не посвященных лишь единичным рассказам о жизненном успехе на деле не столь уж запредельно богатых представителей китайской диаспоры в Африке.

На базе анализа социальной структуры диаспоры, а также аналитического прочтения и обобщения публикуемых жизненных историй, личных впечатлений и историй успеха представителей китайской диаспоры в Африке, можно, не опасаясь серьезных погрешностей, предложить следующий вывод.

Представители китайской диаспоры в Африке, в целом, представляют собой более зажиточные, но политически маловлиятельные части общества. Если не говорить о командированных сотрудниках китайских фирм (пусть и живущих в стране уже ряд лет) и государственных структур (врачи, преподаватели), бóльшая часть китайцев, осевших в Африке, как в прошлом, так и в ходе нынешней, четвертой волны иммиграции, суть представители мелкого и среднего бизнеса. Сферы их экономических интересов, по большей части, лежат в области торговли, ресторанного дела, сферы услуг (парикмахерские, массажные и спасалоны, китайская медицина, туризм и т.п.). В последние годы в сфере интересов китайских фирм все чаще оказываются строительные подряды, а также мелкая и кустарная горнодобыча, транспорт.

По африканским меркам, *хуажэнь* достаточно состоятельны, зачастую африканские соотечественники считают их очень богатыми. Однако сколь бы ни было реально это богатство, оно (пока) не транслируется в политическое влияние и власть.

Может показаться, что это происходит потому, что представители китайской диаспоры в Африке держатся известных указаний Дэн Сяопина «скрывать блеск» (*тао гуан ян хуэй*) и «делать возможное» (*ю со цзо вэй*). Однако причины, на наш взгляд, кроются в другом.

Главным препятствием на пути транслирования реального экономического влияния в политическую сферу служит не отсутствие подобных устрем-

лений у местных китайцев, а объективные условия окружающей их социально-политической среды - слабое развитие гражданского общества в Африке, незавершенность строительства ключевых институтов демократии западного типа, которая как раз предполагает прямую связь политического влияния и финансово-экономического могущества.

В Европе и Америке огромные финансовые возможности позволяют численно малым группам интересов определять результаты политических процессов. В Африке одного этого пока что зачастую недостаточно. Непреодолимым препятствием для внутриполитического восхождения выходцев из китайских диаспор становится невозможность заручиться поддержкой политически влиятельных крупных сегментов населения. Электоральные симпатии и антипатии широких масс чаще всего базируются на общей племенной или этнической принадлежности, идеях панафриканизма, национализма, позитивной дискриминации или черного расизма.

ХУАИ: ИСТОРИЯ ОДНОГО УСПЕХА

В то же время отдельные выходцы из среды китайских диаспор (чаще от смешанных браков) принимают личное участие в политической борьбе и в редчайших случаях даже становятся политиками национального и даже общеафриканского уровня.

К числу таковых, например, относится габонец Жан Пин (Jean Ping)[2], чья нехарактерная для африканских китайцев биография представляет интерес как пример редкого политического успеха *хуаи*, который, преодолев многие преграды, добился высших постов у себя на родине и на общеафриканском уровне, став государственным министром в ранге вице-премьера, министром иностранных дел, - председателем Комиссии Африканского Союза, а в 2004 г. председателем сессии Генеральной Ассамблеи ООН.

Возможно, детали его биографии, а также попавшие в печать самооценки могут раскрыть некоторые секреты сохранения африканскими китайцами своей идентичности и послужить хорошим источником для понимания истории и путей развития китайской диаспоры в Африке в прошлом и настоящем.

Будучи гражданином Габона, Жан Пин, с точки зрения китайского законодательства, не может считаться *хуацяо*. Он входит в большую массу *вайцзи хуажэнь* (зарубежные китайцы с иностранным гражданством), будучи при этом типичным *хуаи* - потомком от брака ханьца с африканкой.

ЖАН ПИН: КТО ОН?

Жан родился в 1942 г. в Омбуэ, небольшом городке к югу от экономической столицы Габона - Порт-Жантиль. Его отец, Чэн Чжипин - чистокровный китаец из Вэньчжоу (пров. Чжэцзян) [5]. Согласно официальной биографии, в 1926 г., в возрасте 19 лет, отец будущего главы МИД Габона в поисках лучшей доли отправился из родного Китая во Францию. Через три года Чэн перебрался в Габон, в то время - французскую колонию. Там ему со временем улыбнулась удача.

В эксклюзивном интервью сингапурской газете Ж.Пин так рассказывал об истории успеха своего отца[3]: «Когда папа прибыл в Габон, у него не было ни сантима. Он начал здесь с полного нуля и полагался только на свое китайское трудолюбие. Ему пришлось тяжело и много трудиться. Сначала он занимался ловлей рыбы, потом стал поставлять продукты французскому военному гарнизону и, поднакопив денег, занялся лесозаготовками. Работая в этой области, со временем он разбогател. Когда я родился в 1942 г., он уже прочно стоял на ногах. После войны его бизнес по торговле лесом шел в гору. При этом он не терял связи с Родиной и переписывался с живущими там родственниками» [5].

Ставший состоятельным человеком, Чэн Чжипин (его сложное имя местные жители сократили до лаконичного «Пин») к этому времени уже обзавелся семьей, женился на габонке Жермэн Анина из деревни Конго, что в нескольких километрах к югу от Омбуэ. Она и стала матерью Жана Пина.

Как все китайцы, отец очень хотел, чтобы сын получил хорошее образование, и не жалел на это денег, фактически заставляя его учиться. В конечном итоге, папа добился того, что Жан - сын китайского иммигранта - получил габонскую государственную стипендию и был направлен для получения высшего образования во Францию. Там Жан закончил Сорбонну, стал доктором экономических наук, работал в габонском посольстве в Париже. В 30 лет он стал международным служащим, перейдя на работу в ЮНЕСКО. Четырьмя годами позже он занял пост официального представителя Габона в этой организации.

Вернувшись в Габон, в 1984 г. Ж.Пин становится руководителем аппарата президента страны О.Бонго, а затем последовательно возглавляет ряд экономических министерств, пока не становится министром иностранных дел. В 2004 г. он был избран председателем 59-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН, а в 2008 г., на саммите глав

[2] В России его фамилия иногда пишется как Пинг. В частности, таким образом указано имя автора на обложке русского перевода его книги «Глобализация, мир, демократия и развитие в Африке», опубликованной Институтом Африки РАН в 2004 г. В официальных сообщениях (ТАСС, МИД и т.д.) используется, в основном, написание Пин (*прим. авт.*).

[3] В этом интервью обращает на себя внимание акцентирование Ж.Пином своей «китайскости» и положительных черт, присущих китайцам (*прим. авт.*).

африканских государств в Аддис-Абебе Жан Пин вышел на уровень общеафриканского руководителя, став председателем Комиссии Африканского Союза, которую возглавлял до 2012 г. Его политическая карьера сошла на нет после того, как он выступил на президентских выборах в Габоне в качестве соперника Али Бонго, сына бывшего президента страны от второго брака, и проиграл.

В Китай Ж.Пин впервые попал лишь в 1987 г., будучи министром иностранных дел и вице-премьером Габона [5]. Он не говорит по-китайски - знает лишь несколько простых словосочетаний, но в общении с китайцами не преминет произнести «*во ши Вэньчжоу жэнь*» («Я - вэньчжоусец»). На протяжении всей активной и долгое время весьма успешной политической карьеры он, несмотря на блестящее европейское образование, искренний патриотизм габонца и дипломатический лоск международного служащего, оставался неотделимым от своей китайской идентичности, выражавшейся и в нежной любви к отцу, и в почитании его памяти, и в искреннем стремлении сблизить Китай и Африку, заботе о родных и соотечественниках из обеих родин.

Будучи уже влиятельным политиком и отцом семейства, он выписал из КНР своего племянника Сюй Гундэ, а тот, в свою очередь, за несколько лет перевез из Вэньчжоу в Габон 107 других родственников и стал председателем Габонской ассоциации зарубежных китайцев [5]. В этом смысле можно сказать, что Ж.Пин самым прямым образом способствовал росту численности китайской диаспоры в Габоне. Нужно признать и то, что подобный способ увеличения китайских диаспор характерен для многих африканских *хуажэнь,* хотя большинство из них располагает куда более скромными возможностями.

При этом Ж.Пин активно использовал свое этническое происхождение в интересах своей африканской родины: для привлечения в Габон инвестиций и развития торговли с КНР, Сингапуром, Гонконгом и другими странами с сильным китайским бизнес-сообществом. А учитывая то, сколь высокие посты он занимал в габонской и общеафриканской политической иерархии, было бы странным полностью отрицать какое бы то ни было влияние его как представителя китайской диаспоры на экономическое развитие и внешнеполитическую линию этой африканской страны.

Карьера Ж.Пина нетипична для представителей китайской диаспоры в Африке. Впрочем, и в других частях света ее могли повторить считанные единицы из зарубежных китайцев. Примеры таких политических великанов, как бессменный сингапурский лидер Ли Куан Ю (руководивший страной в разных статусах с 1959 по 2011 гг.) не в счет - в островном государстве граждане китайского происхождения составляют относительное большинство. Кроме того, «атипичный кейс» Ж.Пина лишь с чисто формальной точки зрения можно рассматривать как пример реального политического влияния китайской диаспоры на современную политическую жизнь страны пребывания.

В целом же, было бы правильней сказать, что, несмотря на традиционно уважительное отношение к своим китайским корням и гордость за принадлежность к одной из величайших мировых цивилизаций, Ж.Пин является, в первую очередь, продуктом и ярким представителем успешного франкофонного африканского культурно-цивилизационного архетипа.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ: *ХУАЖЭНЬ* НА ФОНЕ ГЛОБАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ

Западная пропаганда, как через массовые СМИ, так посредством публикаций в академических изданиях, активно использует тему китайских мигрантов в Африке для создания и поддержания в целом негативного образа КНР и ее африканской политики. Последняя при этом характеризуется как новый империализм или неоколониализм, а сама КНР - как угрожающий идеалам Запад бастион угнетения, коррупции и произвола [6].

Китайских мигрантов представляют людьми, готовыми ехать «даже» в Африку, лишь бы сбежать от несвободы, коррупции и диктата коммунистической партии на Родине. Утверждается, что в Африке крайний национализм китайцев нередко приобретает расистские формы, что они считают, что большинство африканцев «ворованы», и из брезгливости «постоянно возят с собой собственные полотенца, чтобы не подхватить в гостиницах какую-нибудь местную заразу» [7].

При этом простые африканцы, со своей стороны, якобы считают, что китайцы в Африке наносят вред окружающей среде, насаждают коррупцию, нарушают законы и «поддерживают ужасных политических лидеров». Впрочем, во избежание обвинений в несбалансированном освещении вопроса подобные «аналитики» нередко добавляют, что некоторым политическим лидерам Африки импонирует китайская политика по принципу «win-win».

Другой характерной чертой анализа роли китайских диаспор в развитии стран континента на Западе является игнорирование самостоятельной значимости местных диаспоральных сообществ вне контекста стратегии КНР в Африке и отведение зарубежным китайцам исключительно роли пассивного инструмента политики Пекина на континенте [8; 9].

С другой стороны, китайские авторы и существенно меньшая часть их западных коллег приводят примеры позитивной роли участия китайской диаспоры в диалоге КНР-Африка и пытаются до-

казать реальные положительные для стран Африки результаты этих усилий [10; 11]. При этом сами китайские власти и лидеры страны неизменно подчеркивают важную роль зарубежных китайцев в развитии китайско-африканского обоюдовыгодного сотрудничества [12-14].

Новые штрихи в отношения китайской диаспоры с местным населением внесли разразившаяся **пандемия COVID-19** и глобальный экономический кризис. Эти катаклизмы обострили противостояние США и Китая. Несмотря на то, что КНР оказала многим странам континента помощь поставками медикаментов, средств защиты, медтехники и направив в некоторые страны бригады врачей и специалистов, в ряде африканских СМИ возросло число материалов, воспроизводящих западные публикации антикитайской направленности.

При этом официальные власти стран континента неоднократно выражали Пекину признательность за безвозмездную помощь в борьбе с заболеванием и содействие в ослаблении экономических последствий пандемии.

Посильный вклад в облегчение ситуации в своих странах вносят и местные китайские диаспоры. Так, в Кении объединение выходцев из провинции Сычуань предоставило в дар полиции Найроби медицинские маски и другие средства защиты. Торговая палата китайцев Мадагаскара регулярно закупает предметы первой необходимости и передает местным муниципальным органам, министерству торговли, министерству промышленности, полиции. Часть пожертвований, включая рис, передавалась напрямую местным жителям. В этом смысле китайские диаспоры проявляли общенациональную солидарность со всеми гражданами страны проживания.

* * *

Проведенный выше анализ показывает, что становление и бурный рост китайской диаспоры в Африке превратился в реальный фактор, оказывающий сильное воздействие на весь комплекс китайско-африканских отношений, в первую очередь на его экономическую часть, поскольку члены диаспор все более выступают не просто пассивными участниками, а инициаторами и драйверами этого двустороннего взаимодействия.

Учитывая, что, несмотря на годовые колебания, масштабы китайской иммиграции в Африку остаются устойчиво высокими и на длительных временных промежутках имеют тенденцию к росту, следует, по-видимому, ожидать и возрастания степени влияния диаспоральных сообществ - как на ход китайско-африканского сотрудничества, так и на эффективность его результатов для экономик стран Африки.

Список литературы / References

1. Фитуни О.Л. Китайская диаспора Африки: пространственная эволюция и этапы развития. Статья 1. *Азия и Африка сегодня.* 2020, № 6, с. 29-36. (Fituni O.L. 2020. Chinese Diaspora in Africa: Spatial evolution and stages of development. Part 1. *Asia and Africa Today*, № 6) (In Russ.)

2. Прохоренко И.Л. Диаспоры и диаспоральные “миры”. *Идентичность: личность, общество, политика*. М., 2017. (Prokhorenko I.L. 2017. Diasporas and diasporal “worlds”. *Identity:personality, society, politics*. Ed. I.Semenenko. M.) (In Russ.)

3. Шэнь Чжэньхуэй. Очерк китайской культуры. Пер. с кит. О.Л.Фитуни. М., 2019. (Shen Zhenhui. 2019. An Essay on Chinese Culture. Transl. by O.L.Fituni. M.) (In Russ.)

4. FM: Africa agrees Taiwan part of China. https://www.focac.org/eng/ttxxsy/t1732395.htm (accessed 08.03.2020)

5. 加蓬副总理首访新加坡 温州会馆认祖寻根聊乡情. (Gabon's Deputy Prime Minister makes his first visit to Singapore) (In Chin.). http://www.chinanews.com/hr/yzhrxw/news/2007/02-08/871009.shtml (accessed 08.03.2020)

6. French H. 2014. China's Second Continent: How a Million Migrants Are Building a New Empire in Africa. N.Y.

7. The Mass Immigration Of Chinese People Into Africa Is Almost Entirely Driven By Money. *The Economist*. August 24, 2014. https://www.businessinsider.com/the-mass-immigration-of-chinese-people-into-africa-is-almost-entirely-driven-by-money-2014-8 (accessed 08.03.2020)

8. Ramirez R., Rodríguez P. The Chinese Enterprise in Africa: A Review from a European Perspective. *Journal of International Relations and Foreign Policy*. 2014, Vol. 2, № 2, pp. 49-73.

9. Wegenast T., Krauser M. et al. At Africa’s expense? Disaggregating the employment effects of Chinese mining operations in sub-Saharan Africa. *World Development*. V. 118, June 2019, pp. 39-51. https://doi.org/10.1016/j.worlddev.2019.02.007 (accessed 10.03.2020)

10. Mohan G. et al. 2014. Chinese Migrants and Africa’s Development: New imperialists or agents of change? L.: Zed Books.

11. Tang Xiaoyang. ‘Models of Chinese Engagement in Africa’s Extractive Sectors and Their Implications’. *Environment: Science and Policy for Sustainable Development.* 2014, V. 56, № 2, pp. 27-30.

12. 以“侨”架“桥”习近平这样谈侨务工作. (Let “emigrants” build transnational “bridges”. Xi Jinping talks about overseas Chinese affairs) (In Chin.). https://www.guancha.cn/politics/2019_05_29_503611.shtml?s=zwybjwzbt (accessed 27.02.2020)

13. “祖国是我们最强有力的依靠” 海外华侨华人热议十九大报告. 人民网－人民日报. ("The motherland is our strongest support"- Overseas Chinese discuss the report of the 19th CPC National Congress. *People’s Daily*). October 24, 2017 (In Chin.). http://cpc.people.com.cn/19th/n1/2017/1024/c414305-29604561.html (accessed 27.02.2020)

14. “中非关系”为何“非”比寻常？习近平这样说. 2018-07-21. (Diplomatic idioms: What is so unusual about "China-Africa Relations"? This is what Xi Jinping says) (In Chin.). http://www.xinhuanet.com/world/2018-07/21/c_129918013.htm (accessed 27.02.2020)

DOI: 10.31857/S032150750010102-4

ВЬЕТНАМ В ПРОТИВОСТОЯНИИ COVID-19: ФАКТОРЫ УСПЕХА

© 2020 И. БРИТОВ

БРИТОВ Игорь Викторович, преподаватель, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (igorviet@mail.ru)

Резюме. *Вьетнаму удалось не допустить у себя широкого распространения коронавирусной инфекции, хотя имелось немало рисков. Анализируются глубинные факторы, которые позволили властям, используя традиционный набор санитарных и социально-экономических мер, добиться успеха в сдерживании эпидемии. Отмечается, что во многом национальные особенности развития Вьетнама определили высокую эффективность противокоронавируской политики в стране. Делается вывод о том, что опыт принятия решений, управления и контроля во Вьетнаме может быть полезен другим странам в их противостоянии различным эпидемиям.*

Ключевые слова: *Вьетнам, COVID-19, пандемия, конфуцианские ценности, эффективное управление*

VIETNAM'S STAND-OFF WITH COVID-19: SUCCESS FACTORS

Igor V. BRITOV, Lecturer, National Research University Higher School of Economics (igorviet@mail.ru)

Abstract. *Vietnam managed to prevent high incidence of coronavirus infection, although there were many reasons to think that the new disease would take its toll on great numbers of the country's population.*

The article analyzes root factors that allowed the Vietnamese government to succeed in containing the epidemic while resorting to the traditional package of sanitation and socio-economic measures, the majority of which is being implemented in other countries. A great role belongs to traditional Confucian values that have long become firmly established in the Vietnamese society, i.e. observance of strict hierarchy among people, submission to authority and commitment to discipline.

The country used its experience of mobilization that was accumulated during Vietnam's Resistance wars for national independence in the 20th century. This allowed for rapid decision-making as well as swift implementing of COVID-19 threat containment policy. The characteristics of the historically established communal organization of Vietnamese society and the specific nature of the modern one-party political system had a positive impact too. Native customs and national habits of Vietnamese people, namely, being accustomed to wearing protective masks, are also of great importance. Natural and climatic conditions of the country turned out to be an essential factor of success as well.

The author underscores that it were the nation specifics of Vietnam that made the anticoronavirus policy of the country highly efficient in many ways. The article concludes that studying the decision-making technology, the mechanism of government and the system of control in Vietnam may become helpful for other countries in their struggle with epidemics. The mere fact that Vietnam was able to prevent spreading of the coronavirus infection within its territory at relatively modest costs is very significant for recovery of economy. Vietnam started rebuilding its economic life ahead of other countries.

The successful experience of Vietnam's stand-off with coronavirus increased confidence of foreign investors, which should also bolster its rapid economic recovery.

Keywords: *Vietnam, COVID-19, pandemic, Confucian values, effective management*

Опыт Вьетнама в борьбе с коронавирусом представляет большую научную и практическую ценность для других государств, т.к. ему удалось не допустить у себя широкого распространения инфекции. Количество инфицированных *COVID-19* во Вьетнаме относительно низкое. По данным на 1 июня 2020 г., в стране было зафиксировано всего лишь 327 подтвержденных случаев заражения коронавирусом. При этом не было ни одного летального исхода [1].

Конечно, прошло еще слишком мало времени, чтобы можно было дать окончательную оценку ситуации с коронавирусом во Вьетнаме в частности и в мире в целом. Однако фактического материала вполне достаточно, чтобы уже сегодня обобщить его и сделать первоначальные выводы.

Рассмотрение вопроса противостояния *COVID-19* имеет два аспекта: *внешний*, который включает в себя конкретные социально-экономические действия властей и санитарно-технические меры по борьбе с коронавирусом; и *внутренний*, с которым связаны глубинные общественные процессы и явления.

Набор противокоронавирусных мер в той или иной стране буквально с самых первых дней появления новой для человечества инфекции активно обсуждается в СМИ, ежедневно оценивается специалистами-вирусологами, социологами, политологами. Но во многом именно глубинные факторы, характерные для конкретной страны, определяют результат предпринимаемых усилий по противостоянию эпидемии.

Этот вывод можно сделать, исходя из простого наблюдения: пакет мероприятий во многих странах практически одинаковый, а эффект разный: где-то противоэпидемические меры осуществляются успешно, а где-то это происходит с большим трудом. Данная статья - одна из первых попыток комплексно исследовать, какие глубинные источники позволили Вьетнаму успешно обеспечить сдерживание распространения эпидемии коронавируса.

ФАКТОРЫ РИСКА

Имелось немало оснований предполагать, что от эпидемии, вызванной *COVID-19*, могло пострадать огромное количество жителей Вьетнама. Ведь, во-первых, у Вьетнама протяженная граница с Китаем (1281 км), который первым столкнулся с коронавирусом. Во многом именно географическим соседством обусловлены активный туристический обмен и другие гуманитарные связи между двумя странами, при том, что в двусторонних отношениях существуют серьезные проблемы из-за территориального спора в Южно-Китайском море. До нынешнего года поток китайских туристов во Вьетнам постоянно увеличивался. В 2019 г. среди 18 млн иностранных туристов, посетивших Вьетнам, больше всего было именно гостей из Китая - 5,8 млн, что составило 32,2% от общего числа посетивших страну иностранцев [2]. И «нулевым пациентом» во Вьетнаме оказался как раз китаец, приехавший туда из Уханя в январе 2020 г. навестить сына [3]. Был высок риск широкомасштабного проникновения вируса из Китая во Вьетнам.

Во-вторых, Вьетнам - страна с относительно небольшой территорией, на которой проживает почти 100-миллионное население. Он входит в двадцатку наиболее густонаселенных государств мира. Большую часть страны занимают горы и холмы, на равнины приходится 1/4 часть, где сосредоточено примерно 3/4 населения страны [4]. Высокая плотность населения усиливает коммуникативные связи и, как следствие, повышает вероятность заражения.

В-третьих, несмотря на то, что в течение последних десятилетий Вьетнам показывал одни из самых высоких темпов развития экономики (в 2019 г. - 7,2% [5]), пока по своим экономическим возможностям он не может сравниться с передовыми странами мира. По данным на 2015 г., доход на душу населения составлял чуть более $6 тыс. (для сравнения: $86 тыс. в Сингапуре - самой богатой стране-участнице АСЕАН, куда входит и Вьетнам) [6]. Это означает, что Вьетнам не располагает значительными финансовыми и материальными ресурсами, необходимыми для создания надежной системы здравоохранения. По прогнозам *Business Monitor International*, в 2021 г. расходы на здравоохранение в расчете на душу населения составят $227 [7] (в Сингапуре 5 лет назад эти расходы были более чем в 10 раз больше - $2426 [27]). Нет достаточных средств и для массового тестирования населения.

Несмотря на эти и некоторые другие неблагоприятные обстоятельства, вьетнамским властям удалось минимизировать количество случаев заражения коронавирусом в стране.

Успех борьбы с распространением *COVID-19* зависит от комплекса факторов. В каждой стране свой набор этих факторов. Они касаются разных сторон жизни конкретного общества: экономической, политической, культурной, исторической, климатической, географической и т.д.

РОЛЬ ТРАДИЦИОННЫХ КОНФУЦИАНСКИХ ЦЕННОСТЕЙ

Во Вьетнаме большое значение для сдерживания эпидемии имеет культурологический фактор. Среди ключевых современных ценностей вьетнамского общества, которые лежат в основе вьетнамской культуры в широком смысле этого слова, значимое место по-прежнему занимают традиционные конфуцианские ценности, в частности - соблюдение строгой иерархии в отношениях между людьми, подчинение авторитету, приверженность дисциплине. Именно это имеет одно из решающих значений при выполнении населением объявленных вьетнамскими властями требований и рекомендаций, нацеленных на борьбу с коронавирусом.

Конфуций учил: «Правление есть там, где государь есть государь, министр - министр, отец - отец, и сын - сын» [8]. Очевидно, что каждый человек занимает своё место в социальной иерархии. Таким образом, можно рассматривать общество, состоящее из двух категорий людей: один социальный слой, представители которого думают и управляют, представители другого - трудятся и повинуются [9].

В эпоху китайской династии Хань (206 г. до н.э. - 220 г. н.э.) были систематизированы нравственные категории, которые относятся к сфере отношений между людьми. В частности, были выделены 3 самых важных уровня отношений в обществе: правитель - подданные, отец - сын, муж - жена («три устоя») и абсолютизированы нормы нравственного поведения нижестоящих по отношению к вышестоящим. Вторые должны наставлять первых и повелевать ими; первые обязаны неукоснительно повиноваться вторым. При этом в этой системе иерархии изначальное неравенство не воспринималось негативно в прошлом, не воспринимается негативно и сейчас.

Во вьетнамском обществе конфуцианская идеология укоренялась в течение многих веков. Она начала проникать во Вьетнам в период «Северной (китайской) зависимости» (111 г. до н.э. - первая половина X в.). Но лидирующие позиции конфуцианство завоевало во Вьетнаме лишь при династии поздних Ле (в XV в.). Императоры превозносили «три устоя»: власть государя над подданными, отца над сыном, мужа над женой. Их любимым иероглифом был иероглиф «почитание», что, конечно же, относилось к подданным. Прочно ут-

вердился принцип построения общества на основе иерархии и авторитета.

Безусловно, сегодня конфуцианская идеология не играет уже прежней роли во вьетнамском обществе. Но, тем не менее, она оказывает значительное влияние на формирование коллективного и индивидуального менталитета. Многие конфуцианские ценности сохраняются до сих пор, и ими умело пользуется вьетнамская власть в наше время, что проявилось и в ситуации, связанной с коронавирусом.

То, что конфуцианский фактор имеет положительное значение для успешной борьбы с коронавирусом, подтверждает и статистика в других странах Восточной Азии, которые испытали на себе влияние конфуцианства и образуют единое пространство конфуцианской цивилизации. Речь - о Южной Корее и Японии. Там тоже относительно невысокие показатели распространения инфекции: на 1 июня 2020 г. было зафиксировано, соответственно, 11503 и 16751 случаев заражения [1].

АКТУАЛИЗАЦИЯ ВОЕННОГО ОПЫТА

Принципы конфуцианского мировоззрения накладываются во Вьетнаме на важный политический фактор - сплоченность власти и народа. Это также облегчает реализацию принимаемых правительством решений в борьбе с коронавирусом.

Жители страны не просто покорно выполняют их, а в большинстве своем понимают и принимают их. Установка на сплочение была выдвинута еще президентом ДРВ Хо Ши Мином в годы борьбы за национальную независимость: «Сплочение, сплочение, великое сплочение. Успех, успех, великий успех» [10]. Во время эпидемии *COVID-19* премьер-министр СРВ Нгуен Суан Фук сравнил действия страны по сдерживанию вируса с «Тетским наступлением - первым широкомасштабным наступлением коммунистических сил во время войны с США в 1968 году. Пожилые люди подтверждают, что не видели такого уровня дисциплины и солидарности со времен войны» [11].

Если говорить о современном развитии Вьетнама, необходимо признать, что в стране нет серьезных антиправительственных сил, но нет и полного доверия народа к власти, что во многом связано с коррупцией. Руководство страны пытается вести решительную борьбу с этим явлением, чтобы укрепить доверие к власти. Перед лицом опасности, связанной с *COVID-19*, произошло сплочение нации, объединение общества.

Обращение к накопленному Вьетнамом в годы войн Сопротивления опыту жизнедеятельности страны в разных сферах и на разных уровнях - еще один важный фактор успешной внутренней политики в нынешних условиях.

В первую очередь речь идет о государственной системе управления и механизмах мобилизации общества на преодоление кризисных ситуаций. Как отмечает известный российский востоковед-политолог, заведующий кафедрой истории стран Дальнего Востока СПбГУ, директор Института Хо Ши Мина профессор В.Н.Колотов, во Вьетнаме очень высокая степень мобилизации населения и очень высокая степень управления. Здесь правительство управляет процессами, а не процессы правительством. Выше отмечалось, что у Вьетнама ограниченные финансовые и материальные возможности, но искусство управления в том и заключается, чтобы использовать ограниченные ресурсы для решения конкретных проблем [12].

Мобилизация проявилась, прежде всего, в раннем и быстром принятии решений, а также в способности оперативно реализовывать эти решения. Представитель ВОЗ во Вьетнаме Кидун Парк считает, что раннее реагирование страны на кризис оказалось важнейшим фактором успеха: «Вьетнам отреагировал на эту вспышку рано и деятельно. Его первое исследование по оценке рисков было проведено в начале января - вскоре после того, как начали поступать сообщения о случаях заболевания в Китае» [11].

Первый «завозной» из Китая случай выявления инфицированного коронавирусом был зафиксирован 23 января 2020 г. Уже через 4 дня во Вьетнаме был создан Национальный комитет по предотвращению и мониторингу *COVID-19*. Его возглавил вице-премьер Ву Дык Дам, который собрал профессиональную команду специалистов, предложивших правительству свои рекомендации, и на основании этих рекомендаций была выработана вьетнамская программа. В целом, она предусматривает традиционный набор мер, многие из которых осуществляются и в других странах: тестирование (первые тесты были закуплены в Южной Корее), карантин, самоизоляция, закрытие границы, ограничение передвижения, закрытие учебных заведений, торговых центров, туристических объектов и т.д. Главное - Вьетнам начал применять данные меры раньше других стран.

Традиционные средства и методы борьбы с распространением инфекции использовались в сочетании с новыми подходами и механизмами организации противоэпидемиологических мероприятий. Если говорить о карантине, то он вводился с учетом разработанной концепции «классификации рисков», которая является вьетнамским новшеством. Эта концепция предусматривает различную степень жесткости карантина для разных категорий населения и разных территорий страны. Она позволяет точечно изолировать очаги заражения.

Что касается категорий населения, в первую попадают инфицированные. Все они помещаются в больницы. Вторая категория - это те, кто общался с инфицированными. Их в обязательном порядке направляют в обсерваторы, под которые выделены помещения больниц, казарм, студенческих общежитий. Третья категория - те вьетнамцы, которые возвращаются домой из-за рубежа. Они тоже направляются в обсерваторы. Четвертая группа - это те, кто общался с теми, кто имел непосредственный контакт с инфицированными. Они обязаны находиться на режиме самоизоляции дома, им предписано 14 дней (в некоторых случаях - более длительный срок) провести в отдельном помещении, не контактировать с другими членами семьи. Государство взяло на себя все расходы, связанные с проведением тестов на *COVID-19*, лечением больных и содержанием граждан, находящихся в обсерваторах.

Если говорить о классификации территорий, то 58 провинций и 5 городов центрального подчинения Вьетнама были разбиты на 3 основные категории - с высоким, средним и низким уровнем коронавирусной угрозы. «Соответственно, ограничительные меры варьировались в зависимости от градации того или иного города или провинции. Классификация рисков учитывала несколько ключевых факторов: расположение региона, численность и плотность населения, наличие промышленных предприятий и инфраструктурных объектов, мест, где останавливаются иностранцы, а также возможности системы здравоохранения и потенциал реагирования на пандемию» [13]. Блокировались не только крупные территории, но и отдельные городские кварталы, дома, в которых были выявлены инфицированные. Это - меры точечного карантина.

После того как в марте во Вьетнаме началась вторая волна эпидемии, связанная с завозом инфекции уже из Европы, было принято решение ввести с 1 апреля всеобщую изоляцию. Но всего 3 недели спустя власти объявили о постепенном ослаблении ограничений.

ОСОБЕННОСТИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ И СОЦИАЛЬНОГО УСТРОЙСТВА

Оперативность и решительность в принятии решений обусловлена еще и особенностями политической системы Вьетнама.

В стране сложилась однопартийная структура власти. Руководящая роль в обществе в соответствии с Конституцией страны закреплена за Коммунистической партией Вьетнама. Руководство партии стало цементирующей силой в обществе.

Нередко западные политологи относят такую политическую систему к разряду тоталитарных режимов. Но независимо от ярлыков, в кризисной ситуации власть во Вьетнаме показала свою эффективность. Для достижения цели ей приходится прибегать к жестким решениям и действиям. Так, контроль за соблюдением вводимых ограничений осуществляется очень строго. Для патрулирования «проблемных» улиц, уездов привлекаются военнослужащие Вьетнамской народной армии [14].

Поначалу в странах т.н. западной демократии с осуждением отнеслись к антикоронавирусной политике Вьетнама, посчитав, что власти ущемляют личные права граждан. Однако когда в тех странах вспыхнула эпидемия *COVID-19*, они «осознали свою ошибку» и стали перенимать вьетнамский опыт [15]. Тем самым вьетнамская реальность признается мировым сообществом «новой нормальностью».

Другим существенным фактором можно считать «социалистическую» модель приоритета интересов. Несмотря на то, что Вьетнам уже более трех десятилетий активно использует рыночные механизмы развития экономики, целенаправленно углубляет экономические и культурные связи с ведущими капиталистическими странами мира, что приводит к распространению идей индивидуализма во вьетнамском обществе, доминирующие позиции по-прежнему занимает социальная установка, делающая упор на важность и ценность коллектива.

Коллективизм утвердился в качестве одного из важнейших принципов социалистического образа жизни и социалистической идеологии. Вьетнам остается одним из немногих государств в мире, в которых власть руководствуется этой идеологией. При этом необходимо отметить, что превалирование интересов коллектива над интересами индивида было характерно для Вьетнама и до победы Августовской революции и провозглашения Демократической Республики Вьетнам в 1945 г.

В течение многих веков базовым элементом социального устройства во Вьетнаме была община. Общинная организация предполагает наличие коллективных начал в быту и производстве. Принцип коллективизма в жизни общины во многом определяется экономическими потребностями земледельческого хозяйства. Поливное рисоводство, которое характерно для сельского хозяйства Вьетнама, с самого начала требовало проведения совместных работ по регулированию режима водных ресурсов и противостоянию природным бедствиям (наводнениям, засухе, тайфунам). Только совместно можно было устранить разрушительные последствия стихийных бедствий.

В условиях угрозы эпидемии коллективизм, если его рассматривать как стремление человека

к тесным социальным связям, является определенным фактором риска. Но если учитывать, что коллективизм предполагает осознанное подчинение личных интересов общественным интересам, то он, бесспорно, важный положительный фактор в нынешней ситуации, связанной с борьбой с коронавирусом.

Осознавая ответственность за окружающих («не навреди другим»), а не только руководствуясь личными интересами, каждый вьетнамец выстраивает соответствующую линию поведения в условиях эпидемии и строго следует требованиям властей. Более того, вводимые ограничения не рассматриваются во вьетнамском обществе в качестве посягательства на свободу личности, попытки ущемить индивидуальные интересы граждан, поэтому антикоронавирусная политика вьетнамского правительства не вызывает у человека внутреннего протеста, желания поступить вопреки указаниям и нарушить установленные правила.

ЗНАЧЕНИЕ СМИ И СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЕЙ

Все контакты инфицированных строго отслеживаются, все случаи заражения широко освещаются в СМИ. Вместо имени называется порядковый номер, который присваивается каждому выявленному инфицированному.

Вот пример из выпуска новостей на телеканале *VTV*-4 от 14 марта 2020 г.: «Во Вьетнаме выявлен еще один больной с положительным результатом тестирования на *COVID-19*. Это - мужчина, которому 31 год, он проживает в городе Хошимине, районе 10, квартале 14. Данный инфицированный имел контакты с больными № 45 (находился с ним вместе в автомобиле) и № 34 (общался с ним в Биньтхуане)»[1].

Использование баннеров для наружной социальной рекламы в городах, средств массовой информации и современных информационных технологий имеет важное значение в противодействии коронавирусу.

У многих россиян Вьетнам по-прежнему ассоциируется с борьбой за независимость в войне с США, с производством дешевой одежды и обуви, с отсталостью. Однако за время, прошедшее после провозглашения политики обновления в 1986 г., страна сильно изменилась. Вьетнам показывает высокие темпы экономического развития, в 2019 г., как уже отмечалось, они составили 7,02% [5]. Вьетнам становится азиатским центром производства электроники. Правда, производство этих товаров практически полностью осуществляется на предприятиях со 100%-ным иностранным капиталом. В последние годы значительное количество ведущих южнокорейских, японских и западных компаний, работающих в области электронной техники и высоких технологий, переносят свои производственные мощности и научно-исследовательские центры из Китая во Вьетнам. Но во Вьетнаме не только производят, но и широко используют различные гаджеты. Интернет в стране появился в 1997 г. По данным на январь 2020 г., во Вьетнаме насчитывалось 68,17 млн пользователей Всемирной сетью, т.е. около 70% от общей численности населения [16].

Власти поставили задачу превращения Вьетнама в современную индустриальную страну. Большое значение придается использованию достижений технологической «революции 4.0». Формируется цифровая среда: не только цифровая экономика, но и цифровая система управления, «электронное правительство». Это сыграло положительную роль и в борьбе с распространением коронавируса. Правительством создан вебсайт, на котором представлена информация о коронавирусе в стране и о мерах по борьбе с ним. Кроме того, используется мобильное приложение, позволяющее гражданам оперативно информировать власти о своем здоровье.

Однако не стоит преувеличивать значение цифрового фактора во Вьетнаме. В других странах, как, например, в России и Южной Корее, цифровые технологии на данном направлении используются гораздо шире и эффективнее.

Значение Интернета еще и в том, что высокая активность интернет-сообщества во Вьетнаме является определенным средством воздействия на властные структуры, контроля за ними: в частности, официальные данные об инфицированных сопоставляются пользователями сети с тем, что известно им самим о ситуации в местах их проживания. Поэтому трудно скрыть сведения о реальной картине распространения коронавируса. Цифры о количестве инфицированных зависят в немалой степени от возможностей и политики тестирования в каждой конкретной стране. Во Вьетнаме, как уже отмечалось, не проводится массового тестирования. В сутки делается, в среднем, 2 тыс. тестов [17]. Тест назначается тем, у кого выявлены симптомы, кто прибыл из-за границы, кто контактировал с инфицированными. Однако важно не общее количество проведенных тестов, а их количество на одного инфицированного.

По этому показателю Вьетнам является лидером. Так, на 29 апреля во Вьетнаме на одного инфицированного приходился 791 тест, а на Тайване, который занимал второе место по данному

[1] *VTV*-4. Выпуск новостей, 14.03.2020. https://www.youtube.com/watch?v=co42xD2wnB4

критерию, соотношение было 1:140 [18]. В России на тот период - 1:35[2].

НАЦИОНАЛЬНЫЕ ПРИВЫЧКИ, МЕДИЦИНСКАЯ ПРАКТИКА И КЛИМАТИЧЕСКИЕ УСЛОВИЯ

Определенную положительную роль сыграли и национальные привычки вьетнамцев, их сложившиеся правила поведения в общественных местах и даже эстетические критерии.

Так, например, ношение медицинских масок, что врачи называют одним из способов защиты от коронавируса, еще задолго до появления этой инфекции, стало для многих во Вьетнаме нормой жизни, можно даже считать, что это - элемент национальной культуры. Есть несколько причин, почему вьетнамцы и раньше носили защитные маски.

Во-первых, крупные города страны сильно загазованы, это заставляет жителей пользоваться масками. Во-вторых, владельцам скутеров и мотоциклов, а их большинство на вьетнамских дорогах, приходится прибегать к подобным средствам защиты не только из-за смога от выхлопных газов, но и из-за пыли. В-третьих, в стране давно сформировался культ светлой кожи, она - как признак аристократизма, символ красоты. Поэтому значительная часть женского населения Вьетнама с помощью масок, платков, перчаток защищает кожу от палящего солнца.

В условиях коронавируса все это позволило без особых проблем ввести в стране всеобщий масочный режим и обеспечить его строгое соблюдение.

Кроме того, во Вьетнаме было оперативно налажено производство необходимого количества защитных масок. Швейная промышленность Вьетнама очень быстро была переориентирована и на выпуск защитных костюмов. Что явилось одним из результатов эффективного управления, о котором говорилось выше. Власти заявляли о возможностях Вьетнама производить до 5,72 млн штук хирургических масок в день [19]. В результате был решен вопрос их дефицита: они продаются во всех аптеках по минимальным ценам. Кроме того, Вьетнам осуществил поставки масок в Россию, США, Японию, страны Западной Европы. Неслучайно Вьетнам стали называть «мировой фабрикой по производству масок», он получил заказы на их производство от разных стран [15].

Необходимо принять во внимание и медицинский аспект. Вьетнам имеет опыт противодействия атипичной пневмонии (*SARS*) 2003 года, этот опыт пригодился в нынешних условиях: власти знали, как следует реагировать, какие предпринять управленческие меры. Кроме того, существует точка зрения, согласно которой большинство населения некоторых стран уже приобрело иммунитет к высокоагрессивным штаммам прошлых лет, в т.ч. и к *SARS* [20]. Возможно, у вьетнамцев приобретенный ранее иммунитет сработал и в случае с *COVID-19*. Врачи также не исключают противокоронавирусного эффекта от БЦЖ (вакцины против туберкулеза). Это подтвердил и министр здравоохранения России М.А.Мурашко: «БЦЖ может обеспечить дополнительную защиту от коронавируса» [21]. Вьетнам относится к тем странам, где была введена массовая вакцинация БЦЖ [22].

Пока нет однозначного ответа на вопрос о влиянии климатического фактора на распространение коронавируса. Некоторые специалисты, в частности, отмечают, что ультрафиолет оказывает подавляющее воздействие на вирус. Такое мнение было высказано и М.А.Мурашко [23]. Во Вьетнаме наблюдается значительное количество солнечных дней в году, правда, необходимо иметь в виду, что в разных частях страны существуют разные климатические зоны. Условно их три: северная, центральная и южная. Самое большое количество солнечных дней в году приходится на южные провинции страны. Кроме ультрафиолета, еще влажность и температура воздуха могут влиять на распространение коронавируса.

«Высокая влажность и высокая температура снижают активность возбудителей» - такую закономерность отмечает, в частности, российский микробиолог М.В.Супотницкий [24]. Что касается влажности, ее влияние неоднозначно. Другой российский ученый - доктор химических наук Б.Л.Жуйков считает, что при высокой влажности устойчивость вируса в воздухе наоборот увеличивается [20]. Средняя годовая температура во Вьетнаме - от 22° до 27°С. В году насчитывается примерно 100 дождливых дней. Уровень влажности высокий - колеблется в районе 80% [25]. При этом вновь необходимо отметить, что это - средние показатели по стране. В разных частях страны они варьируются.

Все перечисленные выше факторы и предпринятые властями меры в их сочетании и взаимодействии позволили Вьетнаму успешно, по сравнению с другими странами, справиться с коронавирусной эпидемией.

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПОСЛЕДСТВИЯ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Минимизация масштабов распространения инфекции в стране - это, безусловно, большой ус-

[2] Расчет сделан автором статьи на основании статистических данных за 29.04.2020, опубликованных на сайте «CORONAVIRUS (COVID-19)»: https://coronavirus-monitor.ru/

пех, но конечный результат борьбы с коронавирусом во многом будет определяться состоянием экономики после завершения пандемии в мире. Еще предстоит оценить, насколько серьезными окажутся последствия от принятых ограничительных мер для экономического развития той или иной страны.

То, что Вьетнам относительно малыми силами и средствами смог быстро остановить у себя распространение *COVID-19*, является положительным фактором для восстановления экономики. Вьетнам раньше других смог начать налаживать экономическую жизнь, которая, конечно же, оказалась разбалансированной. Только в одном городе Хошимине, важном промышленном центре страны, в течение первых 4 месяцев 2020 г. было закрыто 18 тыс. предприятий. Снизились объемы внешней торговли, в частности, был приостановлен экспорт риса [17]. Были закрыты пограничные пункты на границе с Китаем - главным торговым партнером Вьетнама. Пострадала туристическая отрасль, которая в предыдущие годы приносила существенный доход в бюджет государства. Падение в секторе туризма оценивают в 15%, и это так скоро не восстановить [26]. Но все же эпидемия затронула экономику Вьетнама по минимуму в сравнении с другими станами.

Восстановление экономики любого участника мирового хозяйства будет зависеть не только от внутренних условий, но и от внешнего фактора: насколько успешно справятся с эпидемией в государствах, являющихся экономическими партнерами конкретной страны. Глобализация предполагает мощное внешнее влияние на всех участников мирового хозяйства, т.к. они находятся в большой зависимости друг от друга. Вьетнам за годы политики обновления глубоко интегрировался в мировое хозяйство.

Международный валютный фонд (МВФ) заявил, что экономический рост Вьетнама может замедлиться до 2,7% в нынешнем году из-за пандемии [17]. Ведущий российский специалист по вьетнамской экономике, руководитель Центра изучения Вьетнама и АСЕАН ИДВ РАН профессор В.М.Мазырин не согласен с таким низким прогнозом. Его прогноз роста ВВП Вьетнама в 2020 г. - между 4 и 5%. Одной из главных причин, которые позволят Вьетнаму добиться этого показателя, по мнению российского экономиста, является тесная связь с экономикой Китая. Китай прошел пик пандемии и понемногу начинает налаживать деловую активность, а значит, Вьетнам будет восстанавливать производственные цепочки с Китаем, что даст ему оживление в промышленности [26].

Стоит отметить и такой положительный фактор: успешный опыт Вьетнама в борьбе с коронавирусом повысил уровень доверия к нему со стороны иностранных инвесторов. Следует ожидать, что международные корпорации, которые переносят свои производственные цепочки из Китая в другие страны, обратят еще большее внимание на Вьетнам, где не только более дешевая рабочая сила, но и стабильные условия для бизнеса, эффективное управление экономикой и государством.

Что касается правительства СРВ, оно не намного опустило свой плановый показатель роста ВВП на 2020 г. - с 6,8 до 5,9% [26].

МЕЖДУНАРОДНОЕ ЗНАЧЕНИЕ ВЬЕТНАМСКОГО ОПЫТА

Опыт разных стран показывает, что результат борьбы с распространением *COVID-19* зависит от многих причин, которые находятся в сложном взаимодействии. Общий для всех стран набор противоинфекционных мер накладывается на конкретный бэкграунд исторического развития, на культурологические особенности, специфику психологического поведения, нюансы массового сознания населения в той или иной стране.

У Вьетнама свой «культурный иммунитет». Поэтому трудно воспроизвести положительный опыт Вьетнама в другом государстве. Чтобы этот опыт оказался успешным где-либо за пределами Вьетнама, нужно, чтобы там были и соответствующие политические, культурные, экономические, социальные, природные условия - схожие с вьетнамскими. Именно национальные особенности, специфические внутренние факторы Вьетнама оказали существенное влияние на успех в противостоянии там распространению коронавируса, а не какие-то технические мероприятия, которые можно было бы скопировать и повторить в различных регионах мира.

Однако это не означает, что вьетнамский опыт бесполезен. Что в первую очередь должно быть изучено и взято на вооружение в других странах, так это вьетнамские технологии приятия решений, механизм управления и система контроля. Во многом эффективность, в общем-то, традиционных мер противоинфекционной политики Вьетнама была достигнута в немалой степени благодаря умению властей просчитывать развитие ситуации на несколько шагов вперед и оперативному, грамотному государственному управлению. Профессионализм в системе управления проявляется, в частности, в умении при решении государственных задач использовать внутренние факторы, опираться на сильные стороны своей страны, что и удалось продемонстрировать Вьетнаму в нынешней кризисной ситуации, связанной с угрозой распространения коронавирусной инфекции.

Список литературы / References

1. Online map of COVID-19. Statistics. Web-site of the Ministry of Healthcare of the Socialist Republic of Vietnam (In Viet.). https://ncov.vncdc.gov.vn/ (accessed 01.06.2020)

2. The Chinese are eager to tour Vietnam after the pandemic is over. *Voice of America Vietnam*. 06.05.2020. (In Viet.). https://www.voatiengviet.com/a/nguoi-trung-quoc-muon-den-du-lich-viet-nam-hau-dai-dich/5406412.html (accessed 07.05.2020)

3. Le Phuong. Two pneumonia patients from Wuhan have been admitted to Thiorei Hospital (In Viet.). https://vnexpress.net/dich-viem-phoi-corona/hai-nguoi-viem-phoi-vu-han-cach-ly-tai-benh-vien-cho-ray-4046299.html (accessed 18.05.2020)

4. Современный Вьетнам. Справочник. М., 2015, с. 16. (2015. Modern Vietnam. A guide. Moscow) (In Russ.)

5. Gia Thanh. Vietnam's economic growth rates hit 7.02% (In Viet.). https://baoquocte.vn/tang-truong-kinh-te-viet-nam-nam-2019-dat-702-106853.html (accessed 18.05.2020)

6. Локшин Г.М., Кобелев Е.В., Мазырин В.М. Сообщество АСЕАН в современном мире. М., 2019, с. 71. (Lokshin G.M., Kobelev E.V., Mazyrin V.M. 2019. ASEAN community in the modern world. Moscow) (In Russ.)

7. Thai Trang. Vietnamese medical industry and health care system will receive $22.7 bln in 2021 (In Viet.). http://ttvn.toquoc.vn/kinh-doanh/nganh-dich-vu-y-te-va-cham-soc-suc-khoe-viet-nam-se-dat-227-ty-usd-vao-nam-2021-420192438577452.htm (accessed 18.05.2020)

8. Конфуций. Суждения и беседы. М., 2013, с. 149. (Confucius. 2013. Sayings and conversations. Moscow) (In Russ.)

9. Сидорова А. Влияние конфуцианства на социально-экономическое и политическое развитие Китая. (Sidorova A. Impact of Confucianism on socio-economic and politic development of China) (In Russ.). https://thewallmagazine.ru/confucianism-in-china/ (accessed 04.04.2020)

10. Luat Duong Gia. Analysis of Ho Chi Minh's basic ideas about the great solidarity of the nation (In Viet.). https://luatduonggia.vn/phan-tich-nhung-quan-diem-co-ban-cua-tu-tuong-ho-chi-minh-ve-dai-doan-ket-dan-toc/ (accessed 19.05.2020)

11. Названы причины успешной борьбы Вьетнама с коронавирусом. *Lenta.ru*. 13.04.2020. (Driving forces for Vietnam's successful stand-off with coronavirus. *Lenta.ru*. 13.04.2020) (In Russ.). https://lenta.ru/news/2020/04/13/likeaboss/ (accessed 16.05.2020)

12. Nikulina E.V. Vietnam combated coronavirus with the help of the system built by Ho Chi Minh (In Viet.). https://vn.sputniknews.com/vietnam/202004268972231-he-thong-do-ho-chi-minh-tao-ra-giup-danh-bai-covid-19-tai-viet-nam/ (accessed 16.05.2020)

13. Строкань С.В. Вьетнам выходит сухим из COVID. (Strokan S.V. Vietnam comes clear off COVID) (In Russ.). https://www.kommersant.ru/doc/4328226 (accessed 13.05.2020)

14. Nikulina E.V. Vietnam will soon breathe again (In Viet.). https://vn.sputniknews.com/opinion/202005169040648-phai-chang-viet-nam-sap-duoc-tho-phao-thoai-mai/ (accessed 18.05.2020)

15. Nikulina E.V. Vietnam is ready to help the world fight the coronavirus (In Viet.). https://vn.sputniknews.com/opinion/202004188944703-viet-nam-san-sang-ho-tro-bao-ve-the-gioi-chong-coronavirus/ (accessed 19.05.2020)

16. Digital 2020 Global Report (In Viet.). https://webviptop.com/bao-cao-digital-2020-toan-cau (accessed 20.05.2020)

17. Vietnam Business Operations and the Coronavirus: Updates. https://www.vietnam-briefing.com/news/vietnam-business-operations-and-the-coronavirus-updates.html/ (accessed 18.05.2020)

18. Vietnam was able to do the thing that the wealthier countries couldn't. *Sputnik Vietnam*. 30.04.2020 (In Viet.). https://vn.sputniknews.com/vietnam/202004308994868-viet-nam-lam-duoc-nhung-dieu-ma-nuoc-giau-hon-khong-the/ (accessed 18.05.2020)

19. Vietnam can produce 5.72 mln surgical masks a day-government statement. *Reuters*. 09.04.2020. https://www.reuters.com/article/health-coronavirus-vietnam/vietnam-can-produce-572-mln-surgical-masks-a-day-government-statement-idUSL3N2BX306 (accessed 20.05.2020)

20. Жуйков Б. От чего зависит распространение коронавируса и летальность. (Zhiukov B. The factors that the spread of coronavirus and lethality depend on) (In Russ.). https://trv-science.ru/2020/04/06/ot-chego-zavisit-rasprostranenie-koronavirusa-i-letalnost/ (accessed 17.05.2020)

21. Мурашко не исключил противокоронавирусного эффекта от вакцины БЦЖ для младенцев. *Интерфакс*. 06.04.2020. (Murashko did not rule out the anticoronavirus effect of BCG vaccine for infants. Interfax. 06.04.2020) (In Russ.). https://www.interfax.ru/russia/702813 (accessed 18.05.2020)

22. Chi Le. 800 doctors will participate in the tests of the tuberculosis vaccine as per its efficiency against COVID-19 (In Viet.). https://vnexpress.net/800-y-bac-si-se-thu-nghiem-vaccine-lao-chong-ncov-4087203.html (accessed 20.05.2020)

23. Минздрав рассказал о влиянии климата на распространение коронавируса. *РИА Новости*. 27.03.2020. (Ministry of Healthcare went public on how climate impacts the spread of coronavirus. *RIA Novosti*. 27.03.2020) (In Russ.). https://ria.ru/20200327/1569261306.html (accessed 16.05.2020)

24. Новый В. «Огромная доза ультрафиолета»: поможет ли солнечный свет борьбе с коронавирусом. (Noviy V. «A great dose of ultraviolet»: will sunlight help fighting off coronavirus) (In Russ.). https://yandex.ru/turbo?text=https%3A%2F%2Fwww.forbes.ru%2Ftehnologii%2F399019-ogromnaya-doza-ultrafioleta-pomozhet-li-solnechnyy-svet-borbe-s-koronavirusom (accessed 18.05.2020)

25. Mai Ngoc Chu, Trinh Cam Lan. Vietnamese for foreigners. Hanoi, 2014, p. 126 (In Viet.)

26. Nikulina E.V. A USA company underestimates Vietnam (In Viet.). https://vn.sputniknews.com/world/202004038887966-cong-ty-my-danh-gia-thap-viet-nam/ (accessed 22.05.2020)

27. Пичугина Е. Медицину в Сингапуре признали самой эффективной в мире. (Pichugina E. Medicine in Singapore was acknowledged to be the most effective in the world) (In Russ.). https://www.mk.ru/social/health/2016/06/03/medicinu-v-singapure-priznali-samoy-effektivnoy-v-mire.html (accessed 01.06.2020)

DOI: 10.31857/S032150750010103-5

ТОГО: «ДИНАСТИЯ ГНАССИНГБЕ» И ПРЕЗИДЕНТСКИЕ ВЫБОРЫ 2020 г.

© 2020 Т. ДЕНИСОВА, С. КОСТЕЛЯНЕЦ

ДЕНИСОВА Татьяна Сергеевна, к.и.н., вед.н.с., зав. Центром изучения стран Тропической Африки ИАфр РАН (tsden@hotmail.com)

КОСТЕЛЯНЕЦ Сергей Валерьянович, к.полит.н., вед.н.с., зав. Центром социологических и политологических исследований ИАфрРАН; доцент РУДН (sergey.kostelyanyets@gmail.com)

Статья подготовлена в рамках гранта РНФ № 19-18-00155 «Исламистский экстремизм в контексте международной безопасности: угрозы России и возможности противодействия».

Резюме. *В феврале 2020 г. в Того состоялись президентские выборы, победу на которых одержал действующий президент Фор Эссозимна Гнассингбе - сын и политический преемник Гнассингбе Эйадемы (до 8 мая 1974 г. - Этьен Эйадема), управлявшего страной 38 лет (1967-2005 гг.). Приняв в 2019 г. поправки к конституции, ограничивающие период пребывания одного и того же лица на высшей государственной должности двумя сроками, но одновременно обнулив два предыдущих срока своего президентства, Ф.Гнассингбе отыграл для себя возможность баллотироваться в 2025 г. и, таким образом, управлять страной до 2030 г. Эти антиконституционные действия президента вызвали массовые протесты оппозиции. В статье рассматриваются причины и предпосылки политического кризиса в Того.*

Ключевые слова: *Того, Фор Гнассингбе, Гнассингбе Эйадема, политические лидеры, электоральные процессы, политическое долголетие*

TOGO: THE GNASSINGBÉ DYNASTY AND THE 2020 PRESIDENTIAL ELECTION

Tatyana S. DENISOVA, PhD (History), Leading Research Fellow, Centre for Tropical Africa Studies, Institute for African Studies, RAS (tsden@hotmail.com)

Sergey V. KOSTELYANETS, PhD (Political Science), Leading Research Fellow, Centre for Sociological and Political Sciences Studies, Institute for African Studies, RAS; Associate Professor, Peoples' Friendship University of Russia (sergey.kostelyanyets@gmail.com)

Abstract. *In February 2020, Togo held a presidential election, which was won by the incumbent President Faure Essozimna Gnassingbé - the son and political successor of Gnassingbé Eyadema (before 8 May 1974 - Étienne Eyadema), who had ruled the country for 38 years (1967-2005). In 2019, F. Gnassingbé forced through constitutional changes that capped presidents to serving two terms but did not apply retroactively and also reset the current leader's term limits, which provoked mass opposition protests. As a result of the constitutional amendment, F.Gnassingbé became eligible to run for president in 2020 and 2025 and could potentially manage the country until 2030.*

One of the preconditions for F. Gnassingbé's landslide electoral victory in February 2020 was the absence of an alternative candidate who could put forward and, most importantly, implement a program for more effective development of the country. Neither the weak and fragmented opposition, represented by rival political parties, student organizations and the Catholic Church, nor the ruling group, completely satisfied with the Gnassingbé regime, which allowed it to retain power and privileges, challenged the candidacy of Gnassingbé.

The paper argues that political longevity in itself is not a serious problem, which, in particular, is supported by the examples of Rwanda's Paul Kagame (2000-present) and Uganda's Yoweri Museveni (1986-present), who have achieved notable success in implementing economic development and ensuring political stability. However, political longevity may be justified only when it is not accompanied by the rampant growth of corruption, impunity and escalation of conflicts. In Togo in recent years, all of these trends have been observed, but Gnassingbé's convincing electoral victory demonstrated the apparent coincidence of interests of the insatiable leader and the country's population, which is deprived of many civil liberties but lives in relative peace and prosperity.

Keywords: *Togo, Faure Gnassingbé, Gnassingbé Eyadema, political leaders, electoral processes, political longevity*

22 февраля 2020 г. в Того состоялись очередные президентские выборы, в которых участвовали 7 известных политиков. По итогам голосования действующий президент Фор Эссозимна Гнассингбе (кандидат от правящей партии - Объединение тоголезского народа, ОТН) получил 70,78% голосов. Его главные соперники - кандидаты от оппозиционных партий: М.А.Коджо (Патриотическое движение за демократию и развитие) и Жан-Пьер Фабр (Национальный альянс за перемены), - получили 19,46% и 4,68% голосов, соответственно [1].

Наблюдатели от 26 международных мониторинговых миссий, в т.ч. 79 представителей от ЭКОВАС, а также примерно 30 тоголезских общественных групп признали выборы «честными и справедливыми»; голосование прошло в относительно мирной обстановке, хотя оппозиция обвиняла избирательную комиссию в попустительстве нарушениям в ходе кампании и при подсчете голосов [2].

Победа 53-летнего Ф.Гнассингбе (сына Гнассингбе Эйадемы[1]) была предсказуемой, и не толь-

[1] В 1974 г., по примеру конголезского диктатора Мобуту Сесе Секо, Этьен Эйадема отказался от «европейского» имени «Этьен» и вернул данное ему при рождении имя «Гнассингбе», которым до этого не пользовался много лет (*прим. авт.*).

ко потому, что он, безусловно, использовал весь имевшийся в его распоряжении «административный ресурс» и патронажные связи, формировавшиеся семьей Гнассингбе на протяжении более чем 5 десятилетий, но и благодаря относительной политической и экономической стабильности, наблюдавшейся в годы его правления. Относительной потому, что, начиная с 2017 г., в стране проходили многочисленные демонстрации с требованием внесения поправок в конституцию, прежде всего касавшихся ограничения числа сроков президентских полномочий.

В известном смысле требования оппозиции отражали стремление тоголезцев к демократизации общественно-политической жизни. Действительно, пребывание одного и того же лица на высшем государственном посту в течение десятилетий уже и в современной Африке, имеющей большой опыт долголетних правлений, считается анахронизмом. Следует признать, однако, что именно в африканских условиях, особенно в случае осуществления реформ, приводящих к позитивным результатам, политическое долголетие, пусть и с некоторой натяжкой, вполне оправдано.

ДИНАСТИЯ ГНАССИНГБЕ

Сложившаяся вокруг выборов ситуация - протесты оппозиции, межфракционная борьба в правительстве, в силовых структурах и внутри политических партий - не была бы необычной для Африки, если бы не политическая биография страны, в целом, и нынешнего президента, в частности.

Того получило независимость от Франции 27 апреля 1960 г. По итогам первых демократических выборов 1961 г. президентом страны стал Сильванус Олимпио (1961-1963), одной из главных целей которого было уменьшение экономической зависимости Того от Франции при одновременном развитии сотрудничества с Великобританией, Германией и США.

Отказ Олимпио предоставить группе молодых офицеров, ветеранов франко-алжирской войны должности в командном составе тоголезской армии вызвал недовольство среди военных. В результате, 13 января 1963 г. в Того произошел военный переворот. Заговорщиков возглавил сержант Этьен Эйадема, лично убивший президента. Власть была передана временному главе правительства - президенту после майских выборов 1963 г. - Николасу Грюницкому, выступавшему за тесное сотрудничество с метрополией. Проводившаяся им политика национального единения и экономического развития не приносила желаемых результатов; в стране обострились политическое соперничество и межплеменные противоречия; режим пал в результате военного переворота 13 января 1967 г. Страну возглавил полковник (позже генерал) Этьен Эйадема.

Сформировав однопартийную политическую систему, Эйадема управлял Того в течение 38 лет - с 1967 по 2005 гг. На протяжении десятилетий последовательно придерживавшийся прозападной ориентации режим Эйадемы получал значительную помощь в целях развития. Выступления оппозиции, требовавшей введения многопартийности, жестоко подавлялись до начала 1990-х гг., когда под влиянием распада СССР и волны «демократизации» (преимущественно в форме проведения всеобщих выборов), прокатившейся по африканским странам, в 1991 г. Эйадема согласился на организацию т.н. Суверенной национальной конференции для обсуждения нового конституционного и политического устройства страны.

В ходе конференции было принято решение о создании полупрезидентской системы и назначении временного премьер-министра. Однако через 4 месяца переходное правительство было распущено и Эйадема восстановил личную власть, в целях легитимации которой провел президентские выборы в 1993, 1998 и 2003 гг., одерживая на них «подавляющие победы», среди прочего и потому, что оппозиция перманентно бойкотировала их. Так, президентские выборы 1993 г. Эйадема выиграл с 95% голосов при явке менее 36% [3].

Политическое преследование противников после выборов 1993 г. вызвало масштабную волну миграции: в течение следующих двух лет около 350 тыс. тоголезцев бежали в соседние Бенин и Гану, а кто мог - в Европу [4].

В 1993 г. ЕС и многие другие крупные международные и двусторонние доноры официально приостановили финансовую помощь Того, однако Эйадема сохранил тесные связи с Францией. Несмотря на поддержку Парижа, существенное сокращение денежных вливаний, усугублявшееся утратой бежавших из страны квалифицированных кадров, оказало серьезное негативное воздействие на тоголезскую экономику.

В 2003 г. Национальная ассамблея одобрила внесение в конституцию поправки, позволявшей президенту баллотироваться на неограниченное количество сроков. Кроме того, тяжело больной глава государства позаботился о снижении необходимого для участников президентской гонки возраста с 45 до 35 лет (Фору тогда было 37), таким образом указав на своего преемника [3].

В день смерти Эйадемы 5 февраля 2005 г. председатель Национальной ассамблеи Ф.У.Начаба, который по конституции должен был приступить к обязанностям временного президента, находился за пределами страны, и армия «назначила» главой государства одного из сыновей Эйадемы - Фора Гнассингбе. Чтобы узаконить этот акт, 6 фе-

враля парламент «задним числом» избрал Фора своим председателем вместо Начабы. Был также отменен пункт конституции о проведении выборов следующего президента в течение 60 дней, т.е. Фор мог оставаться главой государства до конца президентского срока своего отца - еще 3 года. Однако под давлением ЭКОВАС, ЕС, Африканского Союза и ООН 25 февраля ему пришлось покинуть пост председателя Национальной ассамблеи, предварительно назначив президентские выборы, на которых он через два месяца, набрав 60,2% голосов, одержал победу [5]. Несмотря на массовые протесты, 4 мая 2005 г. Фор Гнассингбе был приведен к присяге в качестве президента.

Как и при правлении Эйадемы, в 2005 г. военные жестоко обошлись с участниками антиправительственных демонстраций. Около 700 человек погибли и более 40 тыс. мигрировали в соседние страны [6]. Экономика переживала дальнейший спад. Наконец, под международным давлением правительство и оппозиция сели за стол переговоров. Это привело к достижению в августе 2006 г. т.н. Глобального политического соглашения (*Global Political Accord*).

4 октября 2007 г. состоялись первые «свободные» парламентские выборы, по итогам которых правящая партия - Объединение тоголезского народа, в 2012 г. переименованная в Союз за республику (СР), получила 50 (из 91) мест в законодательном органе, оппозиция - 31 (остальные - независимые) [7]. То есть менее населенный север страны - база семьи Гнассингбе - обрел большее число членов парламента, чем более населенный юг. В июле 2013 г. состоялись очередные выборы в Национальную ассамблею, по итогам которых правящая партия СР выиграла 62 места из 91 [8]. Так же «легко» Фор Гнассингбе победил на выборах 2010 г. (с 60,9% голосов [9]) и 2015 г. (58,8% [10]).

ВЛАСТЬ И ОППОЗИЦИЯ ПРИ ПРАВЛЕНИИ ФОРА ГНАССИНГБЕ

«Антиконституционный» приход к власти обоих - отца и сына - наложил негативный отпечаток на правление Фора, и, возможно, его режим не продержался бы у власти столько лет, если бы не поддержка важнейшего государственного института, который в Африке обычно является главным возмутителем спокойствия, - армии.

Именно армия и другие силовые структуры с 1960-х гг. были надежной опорой «династии» и гарантом электоральных побед и Эйадемы, и Фора. Такое развитие ситуации имеет и свои негативные последствия: по сути, нынешний президент стал заложником служб безопасности, пользующихся полной безнаказанностью, хотя на их счету не только многочисленные жертвы среди противников прихода Фора к власти в 2005 г., но и подавление - посредством применения оружия и слезоточивого газа - мирных демонстраций 2017-2019 гг., когда оппозиция требовала проведения конституционной реформы.

Однако было бы неверно полагать, что Ф.Гнассингбе получил власть, будучи не подготовленным и лишь по прихоти военных - соратников его отца. Напротив, к моменту смерти Эйадемы он имел и административный, и политический опыт - в дополнение к хорошему образованию.

Фор закончил Сорбонну по специальности «управление финансами», затем военную школу Сен-Сир. В 1992-1997 гг. учился в Университете Джорджа Вашингтона (США), где получил степень магистра (*Business Administration*); проходил стажировку в нескольких международных организациях. В 1998 г. вернулся на родину. В октябре 2002 г. был избран в парламент, а 29 июля 2003 г. назначен министром оборудования, шахт, почт и телекоммуникаций.

С 2017 г. в Того начались массовые антиправительственные демонстрации, участники которых требовали ограничения числа сроков президентства и ухода Фора с поста главы государства. Уже в 2017 г. обстановка заметно накалилась [11].

В феврале 2018 г., после того как ЕС и США призвали стороны к диалогу, между правительством и оппозицией начались переговоры о путях разрешения политического кризиса. Оппозиция была представлена коалицией из 14 партий, власть - правящей СР. Целью переговоров было согласование реформ, которые обеспечивали бы «мирный переход к демократии» [12].

Однако переговоры зашли в тупик, т.к. стороны не смогли договориться по многим вопросам, в т.ч. по освобождению арестованных во время акций протеста. Ни сам Гнассингбе, ни Т.Ачадам - лидер оппозиционной Панафриканской национальной партии (ПНП), которая была главным организатором первых антиправительственных демонстраций 2017 г., так и не сели за стол переговоров.

Последний раунд диалога 27 июня 2018 г. не только завел ситуацию в тупик, но и привел к обострению отношений обеих сторон с ЭКОВАС, которое, с одной стороны, не осудило выступления оппозиции, с другой - проигнорировало и их жестокое подавление. Эта региональная организация утратила доверие многих тоголезцев еще в 2005 г., когда не смогла предотвратить убийство силами безопасности сотен сторонников оппозиции во время прихода Ф.Гнассингбе к власти, а позже признавала результаты всех последовавших выборов, таким образом легитимируя режим.

В результате, на волне протестов, в мае 2019 г. тоголезский парламент одобрил, а Ф.Гнассингбе согласился с внесением в Основной закон поправок, в соответствии с которыми президент может

избираться лишь на два 5-летних срока (ранее он мог баллотироваться неограниченное число раз). Однако поправки вступили в силу лишь с момента их принятия, т.е. нынешний тоголезский лидер отыграл для себя право участвовать в очередных выборах 2025 г., что позволит ему возглавлять страну до 2030 г. Кроме того, согласно той же поправке, всем экс-президентам страны гарантируется пожизненный иммунитет: их нельзя подвергать судебному преследованию, аресту и т.д., за деяния, совершенные при исполнении президентских обязанностей [13].

Но и внесение поправок не удовлетворило оппозицию - из-за обнуления сроков президентства Фора. Сразу после подведения итогов голосования оппозиция призвала людей выйти на улицы, чтобы выразить свое недовольство переизбранием действующего президента на четвертый срок [14].

Однако тоголезская оппозиция расколота на «радикальную» и «умеренную», причем последняя сотрудничает с правительством по многим вопросам. К «радикальному» крылу относится коалиция «Давайте вместе спасем Того», созданная в 2012 г. Она состоит из политических партий и общественных организаций, возглавляемых Национальным альянсом за перемены. В свою очередь, группа небольших умеренных партий сформировала т.н. Радужную коалицию (*Ark-en-ciel*).

В ноябре 2014 г. основные партии радикальной и умеренной направленности объединились в оппозиционную коалицию - «Битва за политические перемены - 2015» (*Combat pour l'alternance politique en 2015, CAP-2015*), которая выбрала в качестве лидера Жана-Пьера Фабра - единственного кандидата от оппозиции на президентских выборах 2015 г. и одного из соперников Гнассингбе в 2020 г.

С 2015 по 2020 гг. внутри коалиций, альянсов и партий наблюдалась жесткая межфракционная борьба, что позволяло режиму не только успешно подавлять оппозицию во время маршей протеста, но и ослаблять ее влияние в «мирное» время. Тем более что правительство при малейшем подъеме недовольства блокировало социальные сети, мобильную связь и Интернет, а также закрывало газеты, «посмевшие» выступить с критикой режима.

Серьезной оппозицией режиму является христианская церковь - в отличие от традиционных правителей и жрецов: почти половина тоголезцев придерживается традиционных верований; к христианам относится примерно 40% населения, среди них около 30% - католики; остальные - мусульмане или неверующие [15].

Традиционные вожди и деревенские священники оказывают заметное влияние на население на местном уровне. Их роль хранителей традиций и обычного права, закрепленная в конституции, определяется Программой национальной децентрализации, инициированной правительством в 2004 г. В 2016 г. правительство более детально описало функции традиционных вождей, распространив их полномочия на решение земельных, наследственных и ряда других вопросов [16], преуспев в превращении их в последовательных сторонников режима.

Действительно, политический кризис 2017-2018 гг. показал, что вожди - лидеры местных общин - не осмелились поддержать оппозицию, в то время как христианские епископы в последние годы постоянно вмешивались в политическую жизнь страны, за что неоднократно подвергались тюремным заключениям и домашним арестам. Так, во время электоральной кампании 2020 г. бывший архиепископ Ломе - Филипп Кподзо вел активную кампанию в пользу кандидата от оппозиции Агбейоме Коджо, призывая тоголезцев выходить на улицы, «не бояться оружия и показать свою решимость бороться за перемены». В результате он оказался под домашним арестом [14].

Еще одной оппозиционной режиму Гнассингбе силой является студенчество, организованное в Высший совет студенческих ассоциаций и движений, которое за время правления нынешнего президента прошло путь от проправительственного ополчения, активно поддержавшего приход Фора к власти в 2005 г., до превращения в «боевой авангард» оппозиции, периодически устраивающий демонстрации протеста в университетах Ломе и Кары.

В Того существуют также многочисленные профессиональные организации торговцев, фермеров, юристов и пр.; насчитывается 325 официально зарегистрированных неправительственных организаций, но в силу их раздробленности и незначительного числа членов и сотрудников они, как правило, занимают нейтральную политическую позицию, т.е., можно сказать, никакую, но в 2017 г. профсоюзам удалось убедить правительство начать выплачивать субсидии на топливо, некоторые продукты питания и удобрения, чтобы избежать серьезного социального кризиса [6].

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКАЯ СИТУАЦИЯ

Безусловно, политический опыт Ф.Гнассингбе, поддержка армии и «старой гвардии» - представителей режима Эйадемы, сохранивших посты в правительстве и других государственных органах, а также слабость оппозиции предопределили победу Фора на выборах 2020 г., в которой он, скорее всего, не сомневался. Но было бы несправедливым объяснять ее лишь «административным

ресурсом», не отметив при этом некоторые достижения его режима в социально-экономической и внешнеполитической сферах.

Главным пунктом предвыборной программы Ф.Гнассингбе была борьба с бедностью путем реализации комплексной экономической реформы. Действительно, Того с его 8-миллионным населением остается одним из самых бедных государств Африки. Более половины тоголезцев проживают за чертой бедности - менее чем на $2 в день [17]. Однако, если в ряде соседних стран уровень бедности продолжает расти, то в Того он снизился с 61,7% в 2006 г. до 55,1% в 2018 г. [18]. Правда, лишь 13,9% населения имеют доступ к средствам санитарии и 62% - к источникам питьевой воды [19, p. 11].

Экономический рост в последнее десятилетие оставался стабильным на уровне около 5% годовых; среди главных факторов - увеличение объема государственных инвестиций в инфраструктуру (дороги, порты) и в сельскохозяйственную сферу. Дефицит бюджета сократился с 9,5% ВВП в 2016 г. до 1,5% в конце 2019 г. Уровень инфляции в 2019 г. был незначительным и едва достигал 1,4%. По прогнозам, в 2020 г. экономический рост должен был превысить 5,3%, а в 2021 г. - 5,5% [6] благодаря хорошим показателям развития сельского хозяйства и эффективному управлению финансами, хотя из-за эпидемии коронавируса все цифры, безусловно, будут пересмотрены.

Того является одним из крупнейших африканских производителей и 4-м (после Марокко, Туниса и Сенегала) на континенте экспортером (более 5 тыс. т в год) фосфатов, экспорт которых обеспечивает 40% валютных поступлений и более 20% ВВП. Таким образом, горнодобывающая промышленность становится - наряду с сельским хозяйством - крупнейшей отраслью тоголезского хозяйства. Как и соседний Бенин, Того остается страной с транзитной (перевалочной) экономикой, поэтому состояние африканской внешней торговли имеет для нее большое значение. Совокупная стоимость легального транзита и, в основном, нелегального реэкспорта и контрабанды (нефтепродуктов из Нигерии, хлопка из Буркина Фасо, подержанных автомобилей из Европы и т.д.) достигает 105% ВВП [6].

Экономическому росту способствует увеличение объема иностранных и внутренних инвестиций, объем которых в 2018 г. достиг $150 млн в энергетическую и транспортную инфраструктуру [6].

Пятилетний (2018-2022 гг.) стратегический план действий правительства в области электроэнергетики (стоимостью 668 млрд франков КФА, или $1,2 млрд) направлен на утроение генерирующей мощности, в настоящее время достигающей 161 МВт [20]. Помимо тоголезско-бенинского гидроэнергетического проекта «*Adjarala*», реализуемого с китайской помощью, намечается строительство еще 3 гидроэлектростанций общей мощностью 64,1 МВт [21].

Фискальная дисциплина и сокращение капитальных расходов привели к снижению дефицита бюджета с 8,3% ВВП в 2016 г. до 2,7% в 2019 г. [20]. Однако экономика является мало диверсифицированной, с низкой добавленной стоимостью в обрабатывающей промышленности - на уровне 16% ВВП. Кредитование агропромышленного сектора не превышает 0,5% всего внутреннего кредитования, хотя в сельском хозяйстве, которое создает около 30% ВВП (2017 г.), занято 65% трудоспособного населения [22].

За годы правления Ф.Гнассингбе в Того заметно улучшился деловой климат. За последние 10 лет, согласно рейтингу Всемирного банка *Doing Business*, индекс Того поднялся со 166-го места из 183 в 2009 г. до 97-го (из 190) в 2019 г., причем страна оказалась на 7-м месте среди африканских стран после Маврикия (13-е место в мировом рейтинге), Руанды (38-е), Кении (56-е), ЮАР (84-е), Замбии (85-е) и Ботсваны (87-е место) [19, p. 4].

Текущая социально-экономическая ситуация остается нестабильной, но она заметно улучшилась за последнее десятилетие. Официальный уровень безработицы в 2018 г. составлял 1,8%, хотя этот показатель, скорее всего, занижен, особенно для городских районов, где до трети населения имеют неполную занятость и чрезвычайно велика численность безработной молодежи.

В целях снижения уровня безработицы среди выпускников школ и университетов в 2011 г. правительство приступило к реализации специальной программы молодежного волонтерства, предусматривавшей обучение «на рабочем месте» с последующим распределением учеников по предприятиям и учреждениям страны. Государственные расходы на образование выросли с 3,4% ВВП в 2008 г. до 5,1% в 2016 г. В 2008 г. было введено бесплатное начальное образование, в результате охват детей соответствующего возраста на этой ступени обучения достиг в 2018 г. 90% [23].

Того активно развивает внешнеэкономические связи. Европа остается важнейшим партнером в области развития. В 2017 г. ЕС одобрил выделение $16,5 млрд для наполнения тоголезского бюджета; к этой сумме добавились $60 млн от Германии. Между тем, Китай, с которым Ломе имеет давние дружеские отношения, постепенно отвоевывает у ЕС позиции на тоголезском торгово-экономическом и инвестиционном рынках.

Сотрудничество между КНР и Того включает реализацию ряда инфраструктурных проектов: строительство или реконструкцию стадиона в Ломе; нового международного аэропорта; нового здания парламента; дороги, соединяющей гавань Ломе с ганской границей; современного комплекса теле- и радиовещания; расширения глубоко-

водного порта Ломе, который является важным пунктом в китайском проекте «Одного пояса - одного пути», и др. [6].

В то же время Того становится крупным западноафриканским центром незаконного оборота наркотиков и отмывания денег, связанного, среди прочего, с доходами от реэкспорта подержанных автомобилей из Западной Европы на соседние рынки. Еще одной сферой нелегальной торговли является контрабанда слоновой кости во Вьетнам и Китай. Один из африканских центров контрабанды этого товара, находящийся в Ломе, координирует его доставку из различных районов Западной Африки. В результате браконьерства численность слонов в регионе за последнее десятилетие уменьшилась более чем на 60% [6].

РОССИЙСКО-ТОГОЛЕЗСКОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО

Развиваются политические и экономические связи между Россией и Того. В 2018 г. товарооборот между двумя странами составил $196,5 млн, увеличившись на 247,4% (т.е. на $139,9 млн) по сравнению с 2017 г. ($56,6 млн). Экспорт России в Того в 2018 г. достигал 99,9% товарооборота: импорт из Того составил лишь $3,2 тыс. Основными статьями российского экспорта в эту западноафриканскую страну являются нефть и продукты их перегонки, битуминозные вещества, продовольственные товары, сельскохозяйственное сырье, черные металлы и металлоизделия. Из Того Россия вывозила (в разные годы и в мизерных количествах) древесину и целлюлозно-бумажные изделия, продовольственные товары и сельскохозяйственное сырье, живых животных, эфирные масла и др. [24].

По последним опубликованным данным, в 2017 г. Россия не входила даже в Топ-20 торговых партнеров Того, уступая по объему товарооборота Китаю ($331,8 млн), Франции ($183,5), Буркина Фасо ($141,6), Бенину ($116,8), Японии ($82,3 млн) и ряду других стран [25]. Предположительно, в 2018-2019 гг. РФ должна была войти в пятерку крупнейших внешнеторговых тоголезских контрагентов, но из-за пандемии *COVID-19* и падения цен на нефть и нефтепродукты в 2020 г. следует ожидать более «скромных» результатов.

15 февраля 2020 г. министр иностранных дел РФ Сергей Лавров встречался с министром иностранных дел, сотрудничества и африканской интеграции Того Робером Дюссэ в кулуарах Конференции по безопасности в Мюнхене. Они обменялись мнениями о путях активизации двустороннего сотрудничества в политической, торгово-экономической, гуманитарной и других областях [26].

24 марта 2020 г. по инициативе тоголезской стороны заместитель министра иностранных дел РФ и специальный представитель президента по Ближнему Востоку и Африке Михаил Богданов провел телефонный разговор с Робером Дюссэ. Были обсуждены внутриполитические и социально-экономические проблемы Того в контексте президентских выборов, состоявшихся 22 февраля 2020 г., а также возможные формы и методы сотрудничества в борьбе с распространением *COVID-19* [27].

* * *

Политическое долголетие само по себе не может быть серьезной проблемой, что, в частности, подтверждается примерами правлений Поля Кагаме (2000 - н.в.) в Руанде и Йовери Мусевени (1986 - н.в.) в Уганде, добившихся заметных успехов в деле экономического развития и обеспечения политической стабильности, хотя, безусловно, оно должно быть оправданным лишь в том случае, если не сопровождается бурным ростом коррупции, безнаказанности и возникновением конфликтогенной ситуации. В Того в последние годы наблюдались и первое, и второе, и третье, но столь убедительная победа Гнассингбе на февральских выборах свидетельствует о совпадении интересов еще не до конца насытившегося властью лидера и населения, пусть и лишенного многих гражданских свобод, но живущего в относительном мире и благополучии.

Предупреждением для тоголезцев в известной степени послужили события в соседней Буркина Фасо, где народное восстание в 2014 г. смело многолетнего (1987-2014) президента страны Блэза Компаоре, сделавшего попытку продлить свои полномочия. С 2015 г. страну стали сотрясать теракты: воспользовавшись политической нестабильностью и роспуском ряда силовых структур, Буркина Фасо наводнили джихадисты из соседнего Мали; возникли также и местные радикальные исламистские группировки. Количество террористических атак растет на юго-востоке страны - на границах с Бенином, Ганой и Того.

С учетом слабости тоголезских вооруженных сил и пограничной службы, а также растущих возможностей террористических групп в Буркина Фасо и их явного интереса к расширению операций в соседних странах, политическая дестабилизация в Того могла бы стать тем недостающим фактором, который бы открыл исламистам дорогу еще в одну западноафриканскую страну.

Представляется, что сохранение Фором Гнассингбе поста президента страны не приведет к сколько-нибудь значительным переменам во внутренней и внешней политике Того. Вместе с тем, мирное проведение выборов и относительная стабилизация обстановки в стране в постэлекторальный период позволяют надеяться, что Того будет последовательно двигаться в направлении эффективного социально-экономического развития.

Список литературы / References

1. Présidentielle au Togo: La Cour constitutionnelle proclame les résultats définitifs. 04.03.2020. https://www.youtube.com/watch?v=aTJWwWSdcL8 (accessed 02.04.2020)

2. Kaglan E. Togo's president re-elected, according to official final results. 04.03.2020. https://cruxnow.com/church-in-africa/2020/03/togos-president-re-elected-according-to-official-final-results/ (accessed 04.04.2020)

3. Koutonin M. Togo has long been mired in political crisis - and elections won't change that. 21.02.2020. https://www.theguardian.com/global-development/2020/feb/21/togo-has-long-been-mired-in-political-crisis-and-elections-wont-change-that (accessed 04.04.2020)

4. Kohnert D. Togo: Political and Socio-Economic Development (2015-2017). 2018. https://nbn-resolving.org/urn:nbn:de:0168-ssoar-55999-9 (accessed 04.04.2020)

5. Togo politics: The journey so far. 05.03.2020. https://www.businessghana.com/site/news/politics/207702/Togo-politics-The-journey-so-far (accessed 05.04.2020)

6. Kohnert D. No change in sight - Togo's Political and Socio-Economic Development (2017-2019). 2020. https://www.researchgate.net/publication/330325591_No_change_in_sight_-_Togo's_Political_and_Socio-Economic_Development_2017_-_2019_Author's_extended_and_up-dated_version_of_'BTI_2020_-_Togo_Country_Report' (accessed 05.04.2020)

7. The 2007 Parliamentary Election in Togo. http://aceproject.org/regions-en/countries-and-territories/TG/case-studies/the-2007-parliamentary-election-in-togo (accessed 05.04.2020)

8. 2013 Togolese parliamentary election. https://en.wikipedia.org/wiki/2013_Togolese_parliamentary_election (accessed 06.04.2020)

9. 2010 Togolese presidential election. https://en.wikipedia.org/wiki/2010_Togolese_presidential_election (accessed 06.04.2020)

10. 2015 Togolese presidential election. https://en.wikipedia.org/wiki/2015_Togolese_presidential_election (accessed 06.04.2020)

11. Wakili I. Africa: Instability in Togo Could Have Regional Consequences - Buhari, Quattara. 30.11.2017. https://allafrica.com/stories/201711300218.html (accessed 06.04.2020)

12. Ahlijah W.K. Is there an end in sight to Togo's political crisis? 20.09.2018. https://www.africaportal.org/features/there-end-sight-togos-political-crisis/ (accessed 06.04.2020)

13. Гарин А. Африканские страны перед выборами: обзор 2020 г. 21.02.2020. (Garin A. African countries before the elections: a 2020 survey. 21.02.2020) (In Russ.). https://interaffairs.ru/news/show/25461 (accessed 07.04.2020)

14. Togo opposition calls for protests against election results. 26.02.2020. http://www.rfi.fr/en/africa/20200226-togo-opposition-calls-protests-against-election-results (accessed 08.04.2020)

15. Decalo S., Deschamps H.J., Pedanou M.K., Echenberg M. Togo. 05.03.2020. https://www.britannica.com/place/Togo (accessed 08.04.2020)

16. Journal officiel de la Republique Togolaise. 21.04.2016. http://extwprlegs1.fao.org/docs/pdf/Tog184142.pdf (accessed 08.04.2020)

17. Togolese to vote in presidential election on 22 February 2020. 06.12.2019. https://www.panapress.com/Togolese-to-vote-in-presidential-a_630617927-lang2.html (accessed 08.04.2020)

18. The World Bank In Togo. 2020. https://www.worldbank.org/en/country/togo/overview (accessed 08.04.2020)

19. Doing Business 2020. Region Profile. Sub-Saharan Africa. 2020. https://www.doingbusiness.org/content/dam/doingBusiness/media/Profiles/Regional/DB2020/SSA.pdf (accessed 08.04.2020)

20. African Development Bank Group. Togo Economic Outlook. 2020. https://www.afdb.org/en/countries-west-africa-togo/togo-economic-outlook (accessed 08.04.2020)

21. Balao K.E. Togo and Benin pin energy hopes on this controversial dam. 26.09.2017. https://thediscourse.ca/energy/will-massive-dam-solve-togo-benins-energy-crisis (accessed 08.04.2020)

22. CIA. The World Factbook. 2020. https://www.cia.gov/library/publications/the-world-factbook/geos/to.html (accessed 08.04.2020)

23. UNDP. Human Development Report 2019. Beyond income, beyond averages, beyond today: Inequalities in human development in the 21st century. 2019. http://hdr.undp.org/sites/default/files/hdr2019.pdf (accessed 08.04.2020)

24. Внешняя торговля России. Торговля между Россией и Того в 2018 г. 2019. (Foreign trade of Russia. Trade between Russia and Togo in 2018. 2019) (In Russ.). https://russian-trade.com/reports-and-reviews/2019-02/torgovlya-mezhdu-rossiey-i-togo-v-2018-g/ (accessed 08.04.2020)

25. ITC. Trade Map. 2020. https://www.trademap.org/Country_SelProductCountry_TS.aspx (accessed 27.04.2020)

26. Лавров обсудил с главой МИД Того активизацию сотрудничества. 15.02.2020. (Lavrov discussed the intensification of cooperation with the Minister for Foreign Affairs of Togo. 15.02.2020) (In Russ.). https://ria.ru/20200215/1564817313.html (accessed 09.04.2020)

27. О телефонном разговоре спецпредставителя президента Российской Федерации по Ближнему Востоку и странам Африки, заместителя министра иностранных дел России М.Л.Богданова с министром иностранных дел, африканской интеграции и по делам тоголезцев за рубежом Тоголезской Республики Робером Дюссэ. 24.03.2020. (Press release on Deputy Foreign Minister Mikhail Bogdanov's telephone conversation with Minister for Foreign Affairs, Cooperation and African Integration of the Togolese Republic Robert Dussey. 24.03.2020) (In Russ.). https://www.mid.ru/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/4092067 (accessed 10.04.2020)

DOI: 10.31857/S032150750010104-6

ИНТЕГРАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ В ССАГПЗ В XXI ВЕКЕ

© 2020 Л. ШКВАРЯ

ШКВАРЯ Людмила Васильевна, доктор экономических наук, профессор, кафедра политической экономии, Российский университет дружба народов (destard@rambler.ru)

Резюме. *В статье проанализированы процессы развития региональной экономической интеграции в рамках Совета сотрудничества арабских государств Персидского залива (ССАГПЗ) в 1981-2018 гг. Автором установлено, что интеграционные процессы в ССАГПЗ устойчиво развивались, существенно активизировавшись в XXI в., что проявляется в увеличении доли внутриблоковой торговли и формировании общего рынка. Однако развитие региональной экономической интеграции в ССАГПЗ сопряжено со значительными проблемами и противоречиями, особенно негативным влиянием политической составляющей и внешнего фактора. Причем количество негативно влияющих внешних факторов имеет тенденцию к росту.*

Ключевые слова: *ССАГПЗ, региональная экономическая интеграция, Таможенный союз, Общий рынок, внутрирегиональная торговля, COVID-19*

INTEGRATION PROCESSES IN THE GCC IN THE XXI CENTURY

Lyudmila V. SHKVARYA, Dr.Sc. (Economics), Professor, Department of political economy, People's Friendship University of Russia (RUDN University) (destard@rambler.ru)

Abstract. *The article analyzes the processes of socio-economic development and the evolution of regional economic integration within the framework of the Cooperation Council of the Arab States of the Persian Gulf - GCC.*

The relevance of the study is due to the relevance of the analysis of regional economic integration processes in developing countries, especially in the Sub-Region, in the context of growing global instability and protectionist trends in world trade, as well as the ongoing diplomatic crisis in the GCC against the background of the military-political conflict in the middle East.

The author analyzes statistical data from the international database of UNCTAD reflecting changes in the value of GCC exports and imports - both in intra-block trade and in trade with the rest of the world in 1981-2018. The author reveals that integration processes in the GCC are developing steadily. This was primarily reflected in the growing share of intraregional trade in total trade flows. In addition to quantitative indicators, we can also talk about qualitative changes, such as the gradual transformation of the level of integration development from a predominantly free trade zone for goods to the formation of a common market and elements of a Currency Union.

Among the problems, the author highlights the high degree of dependence of economic integration processes on political processes both in the region and in the Middle East as a whole, as well as the still low level of diversification of national economies. These and other problems make it difficult to further develop a full common market and Currency Union in the GCC. This study makes a significant contribution to understanding the nature and features of integration processes in the MENA region.

Keywords: *GCC, regional economic integration, Customs Union, Common market, intraregional trade, COVID-19*

Совет сотрудничества арабских государств Персидского залива (ССАГПЗ) относится к действующим интеграционным объединениям развивающихся стран и обладает собственной спецификой - с момента формирования и до настоящего времени. Именно поэтому интеграционные процессы в ССАГПЗ привлекают устойчивое внимание исследователей - как российских, так и зарубежных. Есть несколько подходов в трактовке причин и природы зарождения и развития интеграционного процесса в ССАГПЗ, его особенностей, проблем и перспектив.

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ

Одни исследователи (как правило, это ученые из западных стран, например, специалист по Ближнему Востоку из США Р.Луни) полагают, что интеграция в ССАГПЗ - миф, желаемое, выдаваемое за действительное, отмечают ее декларативный характер и отсутствие значительного прогресса в этом процессе, как минимум, до начала 2000-х гг. [1].

С 2000-х гг. в научной литературе распространяется точка зрения, выраженная, в частности, Ф.Лоусоном[1], что интеграция в Заливе основана лишь на политических устремлениях (главным фактором, удерживающим страны РТС вместе, являются политические связи между правителями в Верховном Совете ССАГПЗ) [2]. Другие же, например американец Р.Коппер, говорят о достаточной основательности и весомости экономической составляющей интеграции [3]. Тем самым интеграционные процессы, не очень выраженные количественно, все же оцениваются как глубоко затрагивающие страновые и региональные социально-экономические и политические процессы.

[1] Специалист Центра международных и региональных исследований Джорджтаунского университета в Катаре.

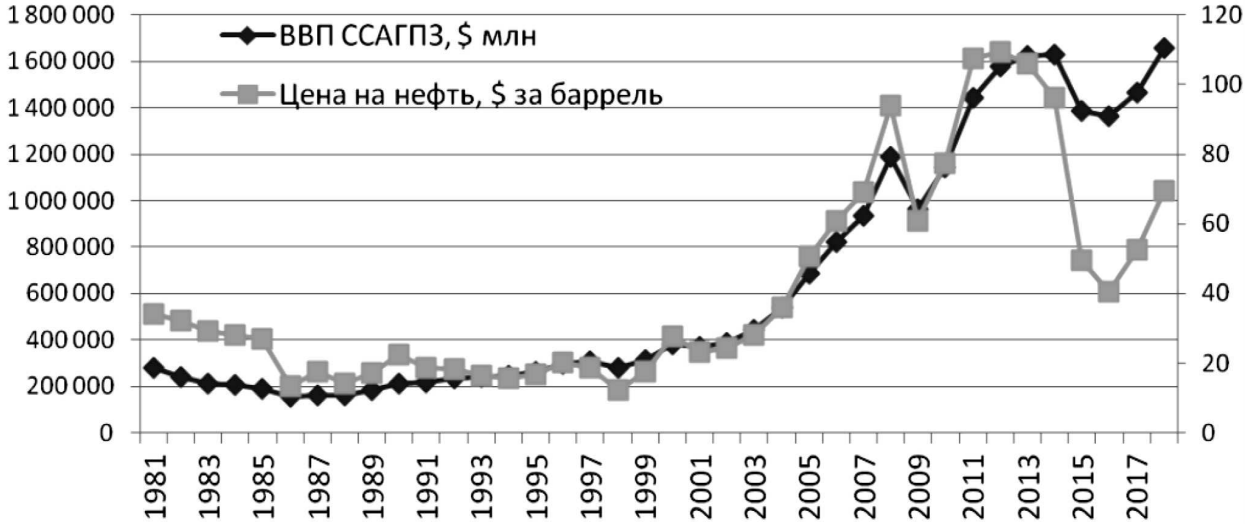

График 1. Динамика ВВП в странах ССАГПЗ, $ млн (левая ось), и среднегодовой цены на нефть на мировом рынке, $ за баррель (правая ось) в 1981-2017 гг. по текущему курсу и в текущих ценах.
Составлено по: [12].

Мнения отечественных арабистов - И.М.Батыршина, Г.М.Костюниной, А.В.Федорченко, И.А.З.Айдрус - столь же неоднозначны. Так, Батыршин и Костюнина полагают, что если исходные предпосылки для региональной экономической интеграции в ССАГПЗ и были достаточно скромными («изначально создание ССАГПЗ было объективно обусловлено политической и экономической слабостью каждой из стран Залива в отдельности, а не высоким уровнем процессов экономической интернационализации» [4]), то в XXI в., несмотря на наличие противоречий и разногласий, процессы экономической интеграции в ССАГПЗ постепенно (хотя и нелинейно) усиливаются [5].

Айдрус и Русакович считают, что предпосылки развития экономических аспектов интеграции в ССАГПЗ изначально были достаточно ярко выражены. Однако лежат они, по мнению этих исследователей, не столько в сфере торговли и производства, сколько в сфере инвестиций. Именно совместные инвестиции - как в регионе, так и за его пределами (в частности, в более бедных странах мусульманского мира) - обеспечивают экономическое сближение, взаимопереплетение экономических интересов и, в конечном счете, подталкивают страны к более глубокой экономической интеграции [6; 7; 8].

Автору ближе точка зрения А.В.Федорченко о том, что не подлежит сомнению неразрывная связь экономических и политических основ региональной экономической интеграции в рамках ССАГПЗ [9] (хотя и оказывающих достаточно противоречивое влияние на страновые и региональные аспекты развития [10]).

Интеграционные процессы в ССАГПЗ имеют и *общие*, и *особенные* черты, присущие интеграционным блокам развивающихся стран, включая одновременно и наличие, и отсутствие предпосылок для развития интеграции, а также ее эффекты.

К *общим* следует отнести географическую, историческую, языковую, культурную, религиозную общность. Схожесть структур национальной экономики всех стран региона в отраслевом разрезе предопределяет их конкурирующее положение на мировом рынке. Это обстоятельство, согласно теории и мировой практике, тормозит процессы региональной экономической интеграции. Сюда же можно отнести политическую волю, наряду с политическими противоречиями, также присущих большинству развивающихся интеграционных блоков; отсутствие институциональных основ интеграции и реальных механизмов ее стимулирования, при наличии (часто негативно воздействующего) внешнего фактора [6].

Что касается *характеристик, отличающих* ССАГПЗ от интеграционных развивающихся стран, важно отметить их капиталоизбыточность на фоне достаточно развитого финансового рынка [7; 8] и впечатляющих темпов экономического роста, опирающегося как на экстенсивные - добычу углеводородов, так и на интенсивные - инновации и цифровизацию - факторы роста [11]. Как видно из *граф.* 1, роль ресурсных факторов имеет тенденцию к снижению, т.к. корреляция между динамикой ВВП и мировыми ценами на нефть

в регионе сокращается с 2012 г. Это говорит о постепенной диверсификации национальных экономик.

Однако совсем исключить влияние ресурсных факторов не представляется возможным, как и еще одного - регион на временной основе привлекает значительное количество трудовых иммигрантов. Совокупная их доля составляет более 10% всех трудовых мигрантов в мире. В 2019 г. Саудовская Аравия и ОАЭ по этому показателю занимали, соответственно, 3-е и 5-е места в мире. Иммигранты составляли: 88% в ОАЭ, около 79% - в Катаре, 72% - в Кувейте, в Саудовской Аравии - около 1/3 [13].

В ССАГПЗ как квалифицированные работники, так и люди со средней и низкой квалификацией находят работу в различных секторах экономики. Это техническое обслуживание, розничная торговля и бытовое обслуживание, нефтегазовая и легкая промышленность, сельское хозяйство, транспорт, ресторанный и гостиничный бизнес. Но на сегодняшний день наибольшее число трудящихся-мигрантов занято в строительстве (в Катаре, например, повышенный спрос на рабочих-строителей частично обусловлен подготовкой к чемпионату мира по футболу 2022 г.) и в работе по дому. В ОАЭ домашняя прислуга составляет 5% от общей численности населения! Поскольку количество домашних слуг - символ статуса, во многих случаях их число превышает число членов семьи!

Все эти общие для стран региона особенности, как и стратегическое значение этих государств на мировом рынке углеводородов, актуализируют интерес к исследованию интеграционных процессов на Аравийском полуострове в XXI в.

ТОРГОВАЯ ИНТЕГРАЦИЯ: ЭВОЛЮЦИЯ И ПРОБЛЕМЫ

ССАГПЗ позиционирует себя как созданный для «координации, интеграции и взаимосвязи между государствами-членами во всех областях на их пути к объединению» (ст. 4 Устава ССАГПЗ от 25 мая 1981 г.) [14]. Однако тот факт, что уже в 1983 г. была сформирована зона свободной торговли, говорит и о желании, и о возможности экономической (торговой) интеграции в ССАГПЗ. На практике первичным изначально оказалось действительно политическое сотрудничество перед лицом возникающих угроз безопасности и взаимодействие в сфере социальных инициатив. Падение цен на нефть и замедление финансового роста в 1990-е гг. актуализировали экономическую составляющую интеграции как обеспечивающую возможность использовать потенциал регионального рынка для устойчивого роста.

В Экономическом соглашении ССАГПЗ от 2001 г. установлены более конкретные цели и задачи - формирование Общего рынка и Валютного союза, координация в области сельского хозяйства, промышленности, экологии и научных исследований [15].

С 1 января 2003 г. в ССАГПЗ началось формирование Таможенного союза. Был установлен единый 5%-ный таможенный тариф на все иностранные (из третьих стран) товары, отменены таможенные пошлины на товары стран-членов. Товары, произведенные в любой из стран ССАГПЗ, рассматриваются во всех остальных как национальные. Одновременно была проведена унификация внутренних таможенных, финансовых и административных правил и процедур, касающихся импорта, экспорта и реэкспорта в государствах-членах ССАГПЗ [16]. Это привело к дальнейшей либерализации торговли как внутри ССАГПЗ, так и с третьими странами и, в конечном счете, к росту внешней торговли.

Установленный переходный период (2003-2009 гг.) позволил странам адаптироваться к проводимым изменениям [17]. Он стал наиболее эффективным с точки зрения роста стоимостных объемов внутриблоковой торговли (см. *граф.* 2): за 2003-2008 гг. совокупный внутриблоковый экспорт стран ССАГПЗ вырос в 3,5 раза - с $13,2 млрд до $4,63 млрд.

Темпы роста внутриблокового импорта были аналогичными, несмотря на схожесть структур ВВП стран ССАГПЗ в отраслевом аспекте. Спад во взаимной торговле в 2008 г. спровоцирован исключительно внешними факторами - глобальным финансово-экономическим кризисом, как и спад в 2014-2016 гг. - падением цен на нефть на мировом рынке.

Таким образом, статистика подтверждает эффективность деятельности Таможенного союза в кратко- и среднесрочной перспективе. Проблема в том, что, согласно опыту ЕС, такая ситуация не может быть долгосрочной без принятия совместных интенсивных мер, и ситуация в ССАГПЗ тоже это подтверждает. В частности, для поддержания темпов роста ВВП и товарооборота страны ЕС осуществляли «расширения», т.е. количественно увеличили объединенный рынок за счет приема в блок новых стран. С тех пор как эти расширения не осуществляются (т.е. с 2004 г.), внутриэкономические и политические проблемы ЕС становятся все заметнее, вплоть до *Brexit*.

Успехи интеграции в Заливе сделали возможным объявление в 2008 г. о создании Общего рын-

График. 2. Динамика внутриблоковой торговли в ССАГПЗ в 1995-2018 гг., $ млн по текущему курсу и в текущих ценах.

Составлено по: [12].

ка ССАГПЗ, что предполагало кроссграничное экономическое равенство субъектам хозяйствования стран объединения, и тем самым либерализацию движения капитала, рабочей силы и средств производства, информации и технологий. Было объявлено о введении к 2010 г. единой валюты. Реализация этого проекта, однако, практически сразу столкнулась с трудностями в связи с начинавшимся кризисом еврозоны, сомнениями Омана в его способности соответствовать критериям конвергенции и претензиями ОАЭ относительно расположения будущего регионального Центрального банка.

Перспективы валютной интеграции остаются неопределенными, поскольку мотивация государств постепенно ослабевает.

С 2010 г. вновь начался рост внутриблоковой торговли, однако, в отличие от предыдущего периода, он был неустойчивым. Объем торговли внутри ССАГПЗ с 2013 по 2016 гг. сократился на 1,6% (см. *граф.* 2). На торговлю внутри стран ССАГПЗ, по-видимому, повлияло общее сокращение общего импорта и экспорта после снижения цен на нефть (включая реэкспорт). Следовательно, важнейшей задачей остается диверсификация национальных экономик как одно из направлений интеграционного сотрудничества. Следует отметить наличие как успехов, так и проблем в этом процессе [11].

Так, в 2009-2018 гг. реализация интеграционных инициатив сталкивалась уже с заметными трудностями - по мере возникновения коллизий в распределении доходов и разногласий относительно того, должно ли государство-член, через границу которого импортный товар «зашел» на объединенный рынок ССАГПЗ, или же страна-конечный потребитель этого товара, - удерживать налоговые поступления для своего бюджета.

Бахрейн и Оман нанесли по экономической интеграции дополнительный удар, подписав двусторонние соглашения о свободной торговле с США в 2004 и 2006 гг., соответственно. Кроме того, таможенные тарифы на региональную торговлю были отменены, но нетарифные ограничения отчасти все еще сохраняются. Проблемы есть и в других сферах интеграционного сотрудничества - миграции капитала и труда.

ДВИЖЕНИЕ КАПИТАЛА И РАБОЧЕЙ СИЛЫ

Государства ССАГПЗ традиционно остаются капиталонасыщенными, что предопределяется положительным сальдо внешнеторгового баланса всех стран-участниц, с одной стороны, и традиционно низкой абсорбционной способностью их экономик, с другой [6; 7; 8]. Кроме того, именно совместное инвестиционное сотрудничество - как в регионе, так и за его пределами - усиливает интеграционные процессы. Свободное перемещение капитала, в т.ч. прямых иностранных инвестиций (ПИИ), дало возможность более эффективно использовать национальные ресурсы на региональном уровне и содействовало росту внутриблокового перемещения капитала.

На своем пике (в 2008 г.) объем внутрирегиональных ПИИ в ССАГПЗ оценивался примерно

в $74 млрд, или 1/4 общего притока ПИИ в регион. Кувейт и ОАЭ оказались крупнейшими донорами, в то время как Саудовская Аравия и ОАЭ - крупнейшими реципиентами ПИИ.

Значительная часть внутрирегиональных инвестиций концентрируется в сфере финансов и недвижимости. Ярким примером здесь стал Бахрейн, в экономике которого приток ПИИ в 2000-2006 гг. возрос в 10 раз, причем порядка 70% из них были ввезены странами ССАГПЗ. Более того, 85% этих ПИИ вложены в сферу финансов и недвижимости, в то время как обрабатывающая промышленность, образование, здравоохранение и другие сектора, повышающие эффективность национальной экономики в долгосрочном периоде, оказались за пределами интересов инвесторов.

Важным последствием свободного перемещения капитала в ССАГПЗ стало развитие финансового рынка стран-участниц - с точки зрения размера, открытости и зрелости [8].

Что касается рынка рабочей силы, он в ССАГПЗ сильно сегментирован и несбалансирован, поскольку наднациональное (региональное) его регулирование отсутствует. Страны объединяет лишь схожая постраховая политика и практика в отношении трудоустройства как собственных граждан, так и экспатриантов, привлекаемых в страны ССАГПЗ высокими заработками.

По данным *The Gulf Business Salary Survey*, в Саудовской Аравии в 2018 г. была самая высокая средняя зарплата среди государств ССАГПЗ, со среднемесячным уровнем в размере $8560. Это на 2,9% выше, чем в ОАЭ, на 8,4% - в Бахрейне, на 8,7% - в Омане, и на 8,96% - в Кувейте [18].

Хотя в ССАГПЗ за последнее десятилетие создано большое количество рабочих мест, но демографический рост и большое количество молодежи в демографической структуре означает, что предложение рабочей силы превышает спрос. Результат - безработица среди молодежи, которую более высокая зарплата и комфортные условия труда привлекают на государственную службу.

Традиционно граждане стран ССАГПЗ трудоустраиваются преимущественно в госсекторе (своей страны, хотя в рамках Общего рынка имеют право работать и в сопредельных странах, как и создавать там предприятия и вести бизнес). Однако в течение ряда лет все страны Залива проводят политику «национализации» - «эмиратизации, «саудизации», «бахрейнизации» и т.д., т.е. устанавливается обязательная доля (в %), которую граждане страны должны занимать на предприятии.

Стоит отметить - некоторые молодые граждане ССАГПЗ начинают искать возможности трудоустроиться на региональном уровне, особенно в таких быстрорастущих городах, как Дубай и Доха. Однако имеющиеся данные свидетельствуют о том, что лишь 1% работающего населения Дубая - выходцы из региона ССАГПЗ.

Иностранные рабочие доминируют в частном секторе, и они по-прежнему связаны со своими работодателями через систему «*кафала*» (административная система, «связывает» неквалифицированных иностранных рабочих с их частными фирмами-спонсорами) [19].

Таким образом, мы приходим к выводу, что в странах ССАГПЗ есть 2 рынка труда, которые между собой не смешиваются и регулируются поразному. Первый - рынок национальной рабочей силы, подпадает под правила Общего рынка о либерализации перемещения трудовых ресурсов. Но структурные ограничения - национальные квоты, социальные связи, схожесть социальной политики, - препятствуют полной либерализации этого рынка.

Второй - рынок труда иммигрантов, регулируется исключительно отдельными странами (хотя и схожим с соседями образом). Он полон ограничений для работающих, и его управление часто признается «слабым и реакционным, но с растущими признаками развития» [20]. Именно иммигранты остаются одной из проблем в регионе в связи с *COVID-19* как наиболее подверженные опасности заражения.

ССАГПЗ И *COVID-19*

На долю стран ССАГПЗ приходится 31,2% от общего числа больных *COVID-19* в регионе *MENA*. и заболеваемость растет (см. *табл.*).

Пандемия *COVID-19* может иметь драматические последствия для экономик стран ССАГПЗ. Ожидаемое снижение роста ВВП в связи с ситуацией на рынке нефти, сокращением туристических потоков (туристический поток в Бахрейн только из Саудовской Аравии достигает 10 млн человек в год), торговли, перевозок, количества малых и средних предприятий (МСП), которые не переживут кризиса - все это негативно повлияет и на экономическую, и на социальную сферу. Помимо падения доходов и роста нагрузки на бюджеты, возможно обострение в сфере продовольственной безопасности (лишь Саудовская Аравия имеет собственное агропродовольственное производство, но за последние 2 месяца на ее посевы спускались рои саранчи).

В Заливе с марта установлен карантин (ввиду требований социального дистанцирования), отменены массовые мероприятия, все международные

Таблица

Ситуация с COVID-19 в ССАГПЗ (на 29 апреля 2020 г.)

	Инфицированные (человек)	Всего население (тыс. человек)
Бахрейн	2811	1641
Кувейт	3440	4207
Оман	2274	4975
Катар	11921	2832
КСА	22077	34269
ОАЭ	11380	9771

Составлено автором по: [21;12].

рейсы, усилена санитарная обработка общественного транспорта и других объектов. Мечети закрыты, как и крупные торговые комплексы, включая традиционные рынки.

В то же время сохраняются некоторые особенности «реакции» на *COVID-19*. Так, Катар объявил о мерах по защите своей экономики, включая 75 млрд риалов ($20,5 млрд) в виде стимулов для частного сектора и увеличения государственных инвестиций в местную фондовую биржу. Продовольственные и медицинские товары освобождены от таможенных пошлин на 6 месяцев. Закрыт общественный транспорт, включая метро и автобусы.

Саудовская Аравия отменила все международные поездки для паломничества в Мекку вплоть до запрета молиться в священном городе. Этот запрет распространяется и на мечеть пророка Мухаммеда в Медине. Хотя эти меры носят временный характер, неясно, как долго они будут применяться, учитывая распространение вируса в Королевстве и во всем мире. С 16 марта Саудовская Аравия приняла дополнительные меры по закрытию ресторанов, кафе и парков. Работа в госсекторе приостановлена, за исключением сферы здравоохранения, внутренних дел и безопасности.

Чтобы компенсировать экономические последствия кризиса, Валютное управление Саудовской Аравии (*SAMA*) подготовило пакет в размере 50 млрд риалов ($13,32 млрд) для поддержки МСП. Им предоставлены 6-месячные отсрочки по банковским платежам, льготное финансирование и освобождение от расходов по программе гарантирования кредитов [22]. Что касается Бахрейна и Омана, они не ввели стимулы для преодоления кризиса, т.к. их финансы находятся в достаточно сложном положении. Другими словами, в странах региона нет единого центра борьбы, активной взаимопомощи, усиления тенденции к сотрудничеству.

Более того, *COVID-19* имеет потенциал для усиления политических и экономических аспектов конфронтации государств ССАГПЗ как на внутреннем уровне, так и за его пределами (например, с Ираном).

* * *

С 1981 г. экономическая интеграция в регионе постепенно развивалась, прежде всего на основе совместных инвестиционных и других проектов. С 2014 г. глобальная нестабильность, политические конфликты и дипломатический кризис в ССАГПЗ существенно ослабили национальные экономики и интеграционные процессы.

Внутри объединения ощущается рост напряженности и стремление «переделить» экономические эффекты интеграции. К управлению странами в регионе приходят лица, получившие образование за пределами Залива, как правило, на Западе, и они формируют экономическую политику в соответствии с современными экономическими теориями, тоже созданными на Западе, и соответствующими западному же менталитету, особенностям, а главное - интересам.

В то время как лица, создававшие ССАГПЗ и руководившие его развитием, больше ориентировались на региональные особенности и задачи, видели потребности региона в целом и исходили из них в своих действиях, возможно, не проявляя особенного интереса к теоретическим выкладкам, которые всему этому далеко не всегда соответствуют. Они в течение без малого 40 лет шаг за шагом, сквозь трудности и противоречия, развивали ССАГПЗ во имя интересов и на благо объединения. Но современные реалии ясно демонстрируют, что странам ССАГПЗ важно скоординировать свои усилия перед лицом стоящих перед ними угроз.

Список литературы / References

1. Looney R.E. The Gulf Co-Operation Council's Cautious Approach to Regional Integration. *Journal of Economic Cooperation*. 2003. Vol. 24. Is. 2. Pp. 137-60.

2. Lawson F. Transformations of Regional Economic Governance in the Gulf Cooperation Council / Occasional Paper 10 (2012). Center for International and Regional Studies. Georgetown University School of Foreign Service in Qatar, 2012.

3. Copper R. Understanding Regional Integration in the GCC. https://www.e-ir.info/pdf/40298 (accessed 22.02.2020)

4. Батыршин И.М. Экономическая интеграция в рамках Совета сотрудничества арабских государств Персидского залива. *Ближний Восток и современность*. 2004. № 24. С. 85. (Batyrshin I.M. 2004. Economic integration within

the framework of the cooperation Council of the Arab States of the Persian Gulf. *Middle East and modernity*. № 24) (In Russ.)

5. Костюнина Г.М., Ломакин Н.Н. Эволюция экономической интеграции в рамках Совета сотрудничества арабских государств Персидского залива. *Российский внешнеэкономический вестник*. 2014. № 6. С. 87-102. (Kostyunina G.M., Lomakin N.N. 2014. Evolution of economic integration within the framework of the cooperation Council of the Arab States of the Persian Gulf. *Russian foreign economic Bulletin*. №6) (In Russ.)

6. Русакович В.И. Экономическая интеграция стран ССАГПЗ и влияние внешнего фактора. *Россия и Азия*. 2017. № 1. С. 50-59. (Rusakovich V.I. Economic integration of the GCC countries and the influence of external factors. *Russia and Asia*. 2017. № 1) (In Russ.)

7. Русакович В.И. Страны ССАГПЗ: инвестиционная составляющая технологического развития. *Азия и Африка сегодня*. 2019. № 5, с. 34-40. (Rusakovich V.I. 2019. Investment component of technological development of GCC countries. *Aziya i Afrika segodnya*. № 5) (In Russ.) DOI: 10.31857/s032150750004747-3

8. Айдрус И.А.З., Главина С.Г. Ключевые тенденции и особенности развития рынка первичного публичного предложения в странах Совета сотрудничества арабских государств Персидского залива. *Международная торговля и торговая политика*. 2015. № 4. С. 55-69. (Aidrous I.A.Z., Glavina S.G. Key trends and features of the development of the primary public offering market in the countries of the cooperation Council of the Arab States of the Persian Gulf. *International trade and trade policy*. 2015. № 4) (In Russ.)

9. Федорченко А.В. Экономическая интеграция на Ближнем Востоке: достижения или упущенные возможности? *Вестник МГИМО-Университета*. 2010. № 5 (14). С. 266-275. (Fedorchenko A.V. Economic integration in the middle East: achievements or missed opportunities? *Bulletin of MGIMO University*. 2010. № 5 (14)) (In Russ.)

10. Шкваря Л.В. Россия - страны Залива: инвестиционное сотрудничество. *Азия и Африка сегодня*. 2011. № 5. С. 18-23. (Shkvarya L.V. 2011. Russia-Gulf countries: investment cooperation. *Aziya i Afrika segodnya*. № 5) (In Russ.)

11. Shkvarya L.V., Frolova E.D. Transformations in socio-economic development of the Gulf group states. *Economika regiona*. 2017. Vol. 13. № 2. Pp. 570-578.

12. UNCTADSTAT. https://unctadstat.unctad.org/wds/TableViewer/tableView.aspx (accessed 22.02.2020)

13. World Migration Report 2020. https://publications.iom.int/system/files/pdf/wmr_2020.pd (accessed 22.04.2020)

14. The Cooperation Council - Charter. https://www.gcc-sg.org/en-us/AboutGCC/Pages/Primarylaw.aspx (accessed 22.02.2020)

15. GCC economic agreement 2001. https://www.gcc-sg.org/en-us/CooperationAndAchievements/Achievements/EconomicCooperation/JointActionProcess/Pages/TheEconomicAgreement2001.aspx (accessed 22.02.2020)

16. The Procedures and Steps for Implementation of the Customs Union. fca.gov.ae (accessed 22.02.2020)

17. Transitional Period of the Customs Union (2003-2009). https://www.gcc-sg.org/en-us/CooperationAndAchievements/Achievements/EconomicCooperation/TheCustomsUnion/Pages/TransitionalPeriodoftheCustoms.aspx (accessed 22.02.2020)

18. The Gulf Business Salary Survey 2018. https://gulfbusiness.com/gulf-business-salary-survey-2018/ (accessed 30.04.2020)

19. Lukyanets A.S., Ryazantsev S.V., Maksimova A.S., Moiseeva E.M., Manshin R.V. Theoretical, methodological and statistical problems of studying environmental migration. *Amazonia Investiya*. 2019. Vol. 8. № 19. Pp. 227-236.

20. Jureidini R. Global Governance and Labour Migration in the GCC. In: Pal L.A., Tok M.E. (eds.). Global Governance and Muslim Organizations, International Political Economy Series. Palgrave Macmillan. January 2019. 388 p.

21. Covid-19 cases top 157,000 in Mena. https://www.meed.com/covid-19-cases-top-157000-in-mena (accessed 30.04.2020)

22. SAMA'S private sector financing support program. http://www.sama.gov.sa/en-us/news/pages/news-514.aspx (accessed 30.04.2020)

ВЗГЛЯД ЗАРУБЕЖНОГО ЭКСПЕРТА

DOI: 10.31857/S032150750010105-7

КАМЕРУН: СТРУКТУРНЫЙ АНАЛИЗ ЭКОНОМИКИ НА ОСНОВЕ СЕКТОРНОГО ПОДХОДА

© 2020 Н.Ф. СОМГА БИЧОГА (Камерун)

СОМГА БИЧОГА Николя Франсуа, соискатель Санкт-Петербургского политехнического университета Петра Великого (francksomga@yahoo.fr)

Резюме. *Статья посвящена структуре экономики Камеруна. Специфика национальной экономики этой страны проявляется в наличии масштабного сектора неформальной занятости и в осуществлении предпринимательской деятельности без государственной регистрации. Основным объектом исследования является формальная составляющая экономики Камеруна. Исследование базируется на трехсекторной модели экономики. Выявлены отличия используемой в Камеруне модели от традиционного варианта и внутренняя структура каждого сектора. Проведен анализ секторной структуры с точки зрения числа предприятий и их оборота. Дана оценка показателей, характеризующих производительность труда.*

Ключевые слова: *экономика Камеруна, структура экономики, трехсекторная модель экономики, неформальная экономика, структура занятости, производительность труда*

CAMEROON: STRUCTURAL ANALYSIS OF ECONOMY ON THE BASIS OF A SECTOR APPROACH

Nicolas François SOMGA BITCHOGA (Cameroon), Applicant, Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University (francksomga@yahoo.fr)

Abstract. *The article is devoted to the structure of Cameroon's economy. It's substantiated that the sectoral structure of the economy allows assessment not only the economic growth but economic development as well. The Cameroon's national economy involves a large-scale sector of informal employment, including business activities without state registration. The main object of research is the formal component of the country's economy. The research uses the data from the National Institute of Statistics of Cameroon. General sectoral model of national economy is described. The study is based on a three-sector model of the economy. The differences between the model used in Cameroon and the traditional version and the internal structure of each sector are revealed. An analysis of the sector structure in terms of the number of enterprises and their turnover in dynamics is carried out. The effectiveness of creating new legal entities is assessed through the coefficients of the turnover elasticity by the number of businesses. Relations between formal and informal components of economy are revealed. The estimation of indicators characterizing labor productivity is given. The structure of the formal sector of the Cameroon's economy is assessed from the standpoint of its correspondence to the contemporary technological level. It was found that the share of the formal component in the Cameroon's economy increased. Some provisions related to the presence of the foreign capital are formulated. The results of the study may be useful for researchers studying the economy of African countries and to policymakers responsible for the efficiency of national economy.*

Keywords: *Cameroon's economy, economic structure, three-sector economic model, informal economy, employment structure, labor productivity*

Шотландский экономист и философ, один из основоположников экономической теории как науки Адам Смит писал, что структура экономики определяется ее специализацией в производстве определенных продуктов и проявляется в сфере занятости и в распределении богатства [1]. Под структурой национальной экономики понимается совокупность экономических секторов, охватывающих разные виды деятельности, обеспечивающие ее функционирование. Признание различий между основными секторами получило отражение в экономическом мышлении. Американский исследователь Золтан Кеннесси полагает, что многие важные национальные и международные проблемы современности тесно связаны с отраслевыми и структурными изменениями [2].

Американец Алан Фишер [3], англичанин Колин Кларк [4] и француз Жан Фурастье [5] в своих работах предложили трехсекторную модель, в соответствии с которой для определения доли населения, занимающегося теми или иными видами деятельности, национальная экономика делится на сектора в соответствии с «дистанцией» относительно природной среды.

Первичный сектор включает в себя экономическую деятельность, связанную с использованием земли и недр. В нем представлены сельское хозяйство (как натуральное, так и коммерческое), добыча полезных ископаемых, лесное хозяйство, животноводство, охота и собирательство, рыболовство и разработка карьеров. Упаковка и переработка сырья также относятся к этому сектору. Для развитых и развивающихся стран характерно

сокращение доли работников, занятых в первичном секторе.

Вторичный сектор экономики производит готовую продукцию из сырья, добываемого в первичном секторе. Все отрасли, осуществляющие производственные, перерабатывающие и строительные процессы, входят составными частями в этот сектор. Основными его отраслями являются металлургия и металлообработка, машиностроение, судостроение, текстильное производство, химическая промышленность, энергетика, производство продовольственных товаров и напитков, строительство.

Третичный сектор экономики известен как сфера услуг. В его рамках продаются товары, произведенные вторичным сектором, и предоставляются коммерческие услуги населению и предприятиям. Этот сектор включает розничные и оптовые продажи, транспорт, общественное питание, средства массовой информации, туризм, страхование, банковское дело, здравоохранение, юридические услуги и т.п. В большинстве развитых и развивающихся стран растущая доля работников занята в третичном секторе.

Из третичного выделены еще два сектора, которые тесно связаны с его деятельностью [6]:

- к *четвертичному* сектору, который часто называют экономикой знаний, относят интеллектуальную деятельность, связанную с технологическими инновациями, в частности, государственное управление, культуру, библиотечное дело, научные исследования, образование и информационные технологии. Эти интеллектуальные услуги и виды деятельности являются движущей силой технического прогресса, который может оказать огромное влияние на краткосрочный и долгосрочный экономический рост;

- *пятеричный* сектор выделяется из четвертичного; к нему относятся самые высокие уровни принятия решений в обществе или экономике. Этот сектор включает высших руководителей или должностных лиц в таких областях, как правительство, наука, университеты, некоммерческие организации, здравоохранение, культура и средства массовой информации. В него могут входить полицейские и пожарные управления, которые являются государственными службами, а не коммерческими предприятиями.

В этот сектор также иногда включают домашнюю деятельность (обязанности, выполняемые на дому членами семьи), например, уход за детьми или ведение домашнего хозяйства. Обычно эта деятельность не оплачивается денежными суммами, но способствует развитию экономики, предоставляя бесплатные услуги, которые в противном случае были бы оплачены [6].

Основным направлением экономической специализации Камеруна в течение длительного времени был экспорт природных ресурсов. В связи с этим внимание не фокусировалось на оценке структуры экономики. В настоящее время ее анализ необходим для оценки эффективности деятельности секторов и возможностей их развития.

Национальный институт статистики (НИС, *Institut National de la Statistique, INS*) Камеруна при группировке и представлении данных придерживается трехсекторной модели, однако добычу полезных ископаемых относит не к *первичному*, а к *вторичному* сектору [7; 8].

Считаем необходимым отметить, что статистическая информация, относящаяся к секторной структуре экономики Камеруна, публикуется Национальным институтом статистики один раз в 7 лет. Последний опубликованный отчет содержит данные за 2016 г., а предыдущий был опубликован в 2009 г. [9]. В этой связи все цифровые данные в статье охватывают период 2010-2016 гг.

Помимо выделения секторов на основе объединения сфер деятельности, действующие предприятия могут быть сгруппированы на основе критериев, отражающих их взаимосвязи с государством. В экономике Камеруна большую и неоднозначную роль играет неформальный сектор, который НИС оценивает по трем критериям: независимость владельца (владелец работает за свой счет), отсутствие административной регистрации (налогового идентификационного номера) и формального учета [10]. Оценки показывают, что неформальный сектор занимает доминирующее положение в экономике Камеруна: в 2010 г. он охватывал 89,1% работающего населения, т.е. около 9,2 млн человек [11].

На территории Камеруна имеется более 2,5 млн хозяйствующих единиц неформального сектора, вносящих в совокупности 20-30% в создание ВВП страны. Из них около половины (49,5%) действуют в сельской местности, 33,3% - в городах Яунде и Дуале - политической и экономической столицах страны, соответственно. Структура этих производственных единиц по сферам деятельности такова: 34,1% работают в промышленности, 33,6% - в торговле и 32,2% - в сфере услуг [12].

Факторами, способствующими сохранению неформального сектора, являются неоправданно высокие налоги; небольшой размер рынка и слабая экономическая активность; чрезмерная бюрократия; трудности с получением финансирования; недостатки в управлении и т.д. Согласно по-

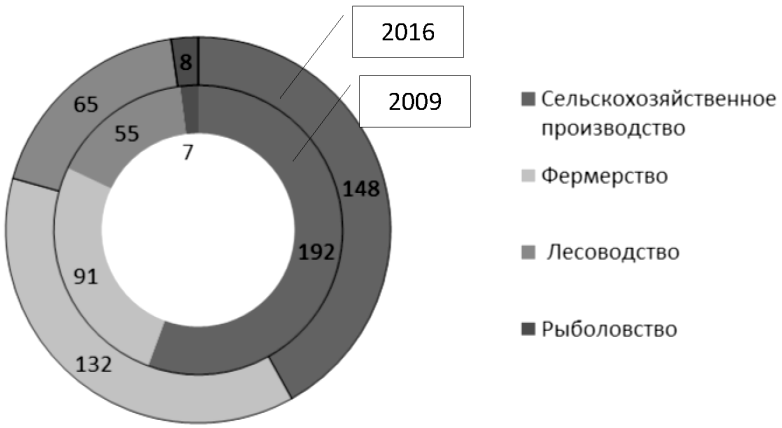

Диаграмма 1. Структура первичного сектора экономики Камеруна по числу хозяйствующих субъектов.
Составлено автором по: [9].

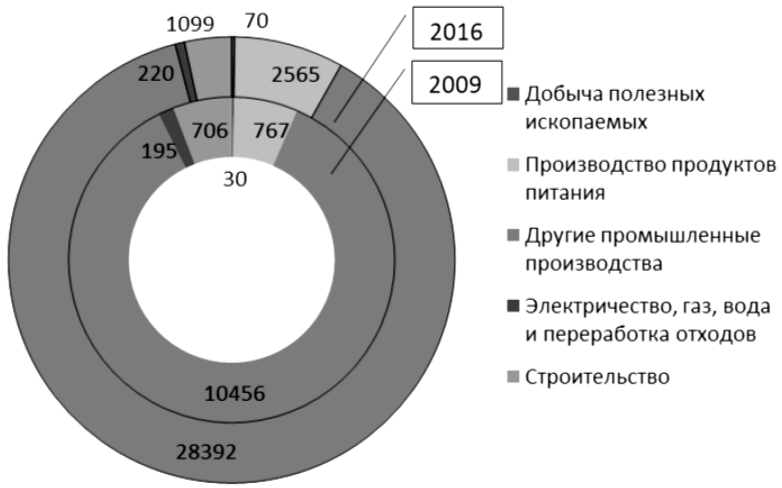

Диаграмма 2. Структура вторичного сектора экономики Камеруна по числу хозяйствующих субъектов.
Составлено автором по: [9].

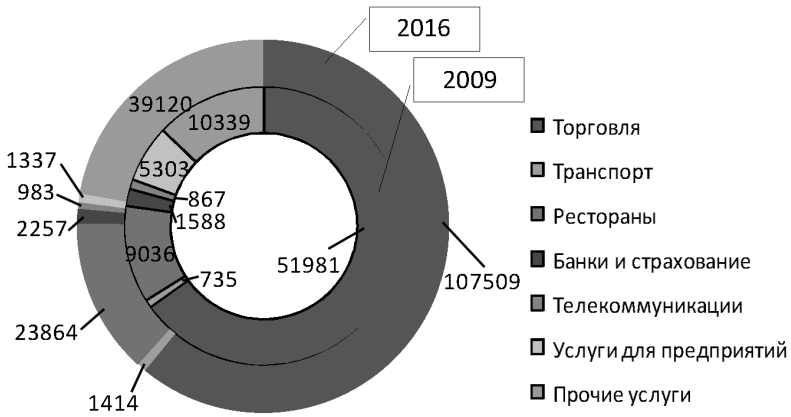

Диаграмма 3. Структура третичного сектора экономики Камеруна по числу хозяйствующих субъектов.
Составлено автором по: [9].

следним доступным данным [11], низкий уровень образования и информированности также объясняют масштабы неформального сектора: среди опрошенных в 2010 г. участников этого сектора 27,4% заявили, что не знали о необходимости государственной регистрации, а 45% полагали, что государственная регистрация была необязательной.

Государство принимает меры, направленные на сокращение неформального бизнеса. Результаты этих усилий, естественно, находят свое отражение в структуре формальной экономики, динамика которой является предметом анализа в настоящей работе.

Увеличение числа хозяйствующих субъектов формального сектора происходит как за счет создания новых единиц, которые сразу же обретают легальный статус, так и за счет легализации, т.е. официальной регистрации предприятий, имеющих уже некоторый стаж деятельности.

Диагр. 1 отражает динамику численности официально зарегистрированных хозяйствующих субъектов в отраслях *первичного* сектора. За 7 лет - с 2009 по 2016 гг. - их число выросло с 345 до 353. При этом более чем на 45% увеличилось число официально зарегистрированных фермерских хозяйств, а сельскохозяйственных предприятий - сократилось на 22,9%. Выросло и число хозяйствующих субъектов, занимающихся лесоводством и рыболовством.

Число официально зарегистрированных хозяйствующих субъектов вторичного сектора с 2009 по 2016 гг. возросло в 2,66 раза - с 12 154 до 32 345 (см. *диагр.* 2). При этом в 3,34 раза выросло число предприятий в сфере производства продуктов питания. В других отраслях рост числа хозяйствующих субъектов составил от 1,13 раза (производство электроэнергии, газа, воды и переработка отходов) до 2,76 раза (прочие промышленные производства).

Динамика отраслевой структуры *третичного* сектора по числу зарегистрированных хозяйствующих субъектов показана на *диагр.* 3.

Таблица 1

Изменение структуры экономики Камеруна с 2009 по 2016 гг.

Сектор	Число предприятий			Оборот, $ млн		
	2009	2016	Прирост, %	2009	2016	Прирост, %
Первичный	345	353	2,61	526,0944	606,1168	15,21
Вторичный	12154	32345	166,13	5604,3216	6362,3056	13,52
Третичный	80109	176784	120,68	10145,9376	14386,8096	41,80

Составлено автором по: [9].

С 2009 по 2016 гг. число хозяйствующих субъектов этого сектора увеличилось в 2,21 раза - с 79 849 до 176 484. Ведущее место занимают предприятия торговля, однако темпы роста числа, составившие 2,06, уступают темпам роста числа ресторанов, которое увеличилось в 2,64 раза, и группы «прочие услуги», выросшей в 3,78 раза. Отметим почти 4-кратное сокращение числа хозяйствующих субъектов, оказывающих услуги предприятиям.

Авторы [13] указывают, что понятие «структуры экономики» отражает не просто рост экономики, но и ее развитие, подчеркивая, что рост экономики в странах с низким доходом, к которым относится Камерун, достигается, как правило, за счет увеличения объема экспорта природных ресурсов. При этом расширение объема экспорта не связано с трансформацией экономики из-за отсутствия инноваций в целом. Развитие экономики может быть охарактеризовано темпами прироста оборота и числа предприятий.

С 2009 по 2016 гг. общее число зарегистрированных хозяйствующих единиц выросло с 92 608 до 209 482, т.е. в 2,26 раза. Отметим, что в *первичном* секторе прирост составил всего 2,61%, а наиболее высокими были темпы роста числа хозяйствующих субъектов во *вторичном* секторе; несколько меньшими - в *третичном*. Совокупный оборот формальной экономики в рассматриваемом периоде вырос с $16,276 млрд до $21,355 млрд, т.е. в 1,31 раза.

Приведенные в *табл.* 1 результаты расчетов показывают, что увеличение числа зарегистрированных предприятий можно считать эффективным в *первичном* и *третичном* секторах, тогда как во *вторичном* секторе рост числа предприятий на 1% сопровождался приростом оборота всего на 0,08%.

Во *вторичном* и *третичном* секторах существует большое количество местных и иностранных предприятий, направляющих на рынок сходные товары и услуги. Так как спрос, в целом, практически удовлетворен, при росте числа компаний в этих секторах осуществляется перераспределение потребителей между поставщиками, но совокупный оборот изменяется незначительно. При этом не всем новым компаниям удается закрепиться на рынке, т.к. предприятия, давно находящиеся в данных секторах, обладают большей степенью экономического контроля по сравнению с новыми.

В 2016 г. в формальной экономике было официально занято 635 969 человек, что составляло примерно 6,8% экономически активного населе-

Таблица 2

Производительность труда в секторах экономики Камеруна в 2016 г.

Сектор	Число работников, чел.	Среднее число работников на предприятии, чел.	Средняя величина оборота предприятия, $ млн	Средняя производительность труда, $ млн/чел. в год
Первичный	35025	92,2	1,7122	0,0173
Вторичный	131430	4,1	0,1967	0,0484
Третичный	469514	2,7	0,0814	0,0306

Составлено автором по: [9; 14].

Таблица 3

Структура занятости в соответствии с технологическим укладом экономики, %

Сектор	Тип технологического уклада			Формальная экономика Камеруна в 2016 г.
	Традиционный	Переходный	Третий уклад	
Первичный	64,5	40	10	5
Вторичный	20,0	40	20	21
Третичный	15,5	20	70	74

Составлено автором по: [9].

ния, т.е. в теневом секторе происходило некоторое сокращение занятости. Производительность труда по секторам экономики в 2016 г. характеризовалась данными, приведенными в *табл.* 2. Следует отметить, что хозяйствующие субъекты формального сектора используют труд работников без официального трудоустройства, тем самым взаимодействуя с неформальным сектором и искажая показатели численности работников на предприятии.

Важными показателями эффективности экономики являются данные об обороте и производительности труда. Из *табл.* 2 видно, что в *первичном* секторе формальные предприятия являются самыми крупными с точки зрения как средней численности работников, так и средней величины оборота, однако средняя производительность труда (оборот на одного работника) самая низкая, и в 2016 г. составила $17,3 тыс. Отчасти это может объясняться присутствием в секторе крупных сельскохозяйственных предприятий, базирующихся на иностранном капитале и использующих дешевый труд местных работников с официальным оформлением трудоустройства.

Предприятия *вторичного* и *третичного* секторов отличаются малой численностью работников и существенно меньшей, чем в *первичном* секторе, величиной оборота, составляющей, соответственно, 11,5% и 4,8% от оборота среднего предприятия *первичного* сектора, однако производительность труда выше в 2,8 и 1,77 раза, соответственно.

Согласно методологии НИС, относящиеся к *вторичному* сектору крупные добывающие компании, немногочисленны. Они принадлежат иностранному капиталу, используют современные технологии и практически не вовлекают в свою производственную деятельность местное население.

Авторы трехсекторной модели - А.Фишер, К.Кларк и Ж.Фурастье - утверждали, что по мере развития экономики ее основной фокус должен меняться от *первичного* к *вторичному* и от вторичного к *третичному* сектору, а распределение занятости по секторам экономики рассматривалось ими как характеристика экономического уклада [2; 3; 4].

В *табл.* 3 представлены секторные пропорции, характерные для разных экономических укладов. Можно заметить, что структура формальной экономики Камеруна, как она отражается в официальной статистике, соответствует 3-му технологическому укладу, однако наличие большого по масштабам неформального сектора ставит это предположение под сомнение.

Таким образом, для получения достоверной информации о секторной структуре экономики Камеруна необходимо более глубокое исследование не только формального, но и неформального сектора экономики, а также образования новых хозяйствующих субъектов и создания условий для их легального функционирования. Приведение статистического учета в соответствие с базовым вариантом секторной модели улучшило бы сопоставимость с результатами других стран.

Список литературы / References

1. Smith A. (1776). An inquiry into the nature and causes of the wealth of nations. London.
2. Kenessey Z. (1987). The Primary, Secondary, Tertiary and Quaternary Sectors of the Economy. *The Review of Income and Wealth*. № 33 (4), Pp. 359-385.
3. Clark C. (1940). The Conditions of Economic Progress. London: Macmillan.
4. Fisher A.G.B. (1946). Economic Progress and Social Security. London: Macmillan.
5. Fourastié J. (1949). Le grand espoir du XXe siècle: Progrès technique, progrès économique, progrès social. Paris: Presses universitaires de France.
6. Rosenberg M. (2020). The 5 Sectors of the Economy. thoughtco.com/sectors-of-the-economy-1435795 (accessed 20.03.2020)

7. Institut National de la Statistique. 2009. Recensement général des entreprises. Rapports thématiques (RGE). Environnement des affaires et compétitivité des entreprises Camerounaises. http://www.stat.cm/downloads/RGE/Rapport_thematiques_RGE_2009.pdf (accessed 29.02.2020)

8. Institut National de la Statistique. 2018. Recensement Général des Entreprises (RGE). http://www.stat.cm/downloads/RGE/Rapport_thematiques_RGE_2009.pdf (accessed 20.02.2020)

9. Deuxieme Recensement General des Entreprises: En 2016 (RGE-2) Rapport principal, 2018. Institut National de la Statistique; Recensement des entreprises formelles. http://slmp-550-104.slc.westdc.net/~stat54/downloads/2018/Rapport_principal_RGE-2_version_finale.pdf (accessed 20.02.2020)

10. Tchakounté N.M., Mbam U.G. (2016). Labour Force Participation of Cameroonians in Informal Sector. *International Journal of Innovation and Economic Development*, № 2 (2). Pp. 43-62. DOI: 10.18775/ijied.1849-7551-7020.2015.22.2005

11. Kouete V. (2020). Cameroon: 90% of the labor force trapped in the informal sector. https://blog.private-sector-and-development.com/2020/01/23/cameroon-90-of-the-labor-force-trapped-in-the-informal-sector/ (accessed 01.03.2020)

12. Mbodiam B.R. (2017). In Cameroon, the informal sector weighs as much in GDP as in South Africa and Mauritius, but less than in Nigeria. https://www.businessincameroon.com/companies/1307-7263-in-cameroon-the-informal-sector-weighs-as-much-in-gdp-as-in-south-africa-and-mauritius-but-less-than-in-nigeria (accessed 01.03.2020)

13. Feldman M., Hadjimichael T., Lanahan L., Kemeny T. (2016). The Logic of Economic Development: A Definition and Model for Investment. *Environment and Planning*: *Government and Policy*. Vol. 34. Pp. 5-21.

14. Répertoire et démographie des entreprises modernes en 2017 5-ème édition. 2019. Institut National de la Statistique. http://slmp-550-104.slc.westdc.net/~stat54/downloads/2019/Statistique_REPERTOIRE_2017_final.pdf (accessed 20.03.2020)

ТРИБУНА СОИСКАТЕЛЯ

DOI: 10.31857/S032150750010107-9

ЮЖНО-КИТАЙСКОЕ МОРЕ В ПРОТИВОСТОЯНИИ КНР И США В АЗИИ

© 2020 Д. ВАСИЛЬЕВ, Э. ШАВЛАЙ

ВАСИЛЬЕВ Дмитрий Владимирович, преподаватель Программы двух дипломов НИУ ВШЭ и Университета Кёнхи (Южная Корея) - «Экономика и политика в Азии»; аспирант РУДН (dvasiliev@hse.ru)

ШАВЛАЙ Эллина Петровна, аналитик Научного центра (лаборатории) анализа международных процессов МГИМО (У) МИД России; преподаватель Кафедры английского языка № 1, МГИМО (У) МИД России; аспирантка МГИМО (У) МИД России (shavlaj.e.p@my.mgimo.ru)

Резюме. *Статья посвящена исследованию причин, по которым Южно-Китайское море (ЮКМ) стало одним из ключевых регионов противостояния КНР и США, а также выявлению особенностей их политики в регионе на современном этапе. Авторы анализируют истоки конфликта и показывают расстановку сил в ЮКМ на текущий момент. Исследователи приходят к выводу, что главная задача КНР на сегодняшний день - утвердить своё влияние в ЮКМ и вынудить другие государства региона согласиться с китайским присутствием на островах, ключевая цель США - сдержать рост Китая и не позволить ему закрепиться в Тихом океане.*

Ключевые слова: *Южно-Китайское море, КНР, США, Парасельские острова, острова Спратли, территориальные споры*

SOUTH CHINA SEA IN CONFRONTATION BETWEEN CHINA AND THE UNITED STATES IN ASIA

Dmitry V. VASILIEV, Lecturer, Higher School of Economics and Kyonggi University (South Korea)'s Double Degree Program - "Economics and Politics in Asia"; Post-graduate student, RUDN (dvasiliev@hse.ru)

Ellina P. SHAVLAY, Analyst, Laboratory of International Trends Analysis, MGIMO-University, and Lecturer, English Department № 1, MGIMO-University; Post-graduate student, Department of Oriental Studies, MGIMO-University (shavlaj.e.p@my.mgimo.ru)

Abstract. *South China Sea is a negligible sea that is a part of the Pacific Ocean. There are both island and maritime claims among several states of the region, such as China, Taiwan, Vietnam, Philippines, Malaysia, Brunei, and Indonesia. In this regard, the tensions arise primarily between China and the countries pertaining to the disputed territories. On the other hand, as most of the states concerned are members of the Association of Southeast Asian Nations (ASEAN) the conflict of interests has implications for China-ASEAN relations.*

However, the key rivals contesting each other's presence in South China Sea are the People's Republic of China (PRC) and the United States of America (USA). The two actors provide different reasoning for their strategies in the region: while the Chinese generally apply to historical arguments to confirm their claims, Americans tend to advance international law and the rules-based order, thus delegitimizing China's steps towards the islands. Given that competition between Beijing and Washington has far-reaching consequences for the entire Asia-Pacific, or even larger Indo-Pacific region, their relations in South China Sea require increasingly closer examination as they lie in the turf war domain.

As such, the paper explores territorial disputes by studying China's position as well as analyzing the US attempts to counter Chinese expansionism which results in weakening the already strained American leadership in Asia. The authors conclude that the main goal of the Chinese government today is to anchor its authority in South China Sea by constraining other countries to concede, whereas the US seeks to undermine the PRC efforts through deterrence and pressure.

Keywords: *South China Sea, China, United States, territorial disputes, spheres of influence, Asia Pacific*

Сегодня в условиях формирования многополярной международной системы и смещения центра силы в Азиатско-Тихоокеанский регион (АТР) обостряются противоречия между государствами во многих регионах мира. Одним из основных очагов нестабильности в АТР является Южно-Китайское море (ЮКМ), в котором сталкиваются интересы множества стран. Несогласованность границ экономических зон, а также споры по поводу принадлежности морского шельфа, Парасельских островов, островов Спратли, рифа Скарборо и острова Натуно считаются главными дестабилизирующими факторами в регионе [1].

В ноябре 2017 г. президент США Д.Трамп в рамках саммита АСЕАН-США заявил, что США «будут содействовать созданию действительно свободного и открытого Индо-Тихоокеанского региона, в котором государства сильны, независимы и процветают» [2]. Такое объединение стран, иногда называемое «дугой процветания», видится администрации США как противовес усиливающемуся Китаю.

Южно-Китайское море - один из ключевых регионов, соединяющих Индийский и Тихий океаны, в связи с чем борьба за контроль над Парасельскими островами и архипелагом Спратли приобретает особую важность как для США, так и для КНР и других стран региона.

Необходимо отметить, что в международном праве нет прямых указаний на принадлежность этих островов. Истоки этого юридического казуса уходят корнями в середину XX в., когда Японская империя потерпела поражение во Второй мировой войне и по Сан-Францисскому мирному договору была вынуждена отказаться «от всех прав, правооснований и претензий на остров Спратли и острова Парасельские» без указания, в чью именно пользу она от них отказывается [3]. Это дало основание каждому из государств региона выдвинуть претензии на острова Южно-Китайского моря.

Споры в регионе ведутся между Китаем, Тайванем, Вьетнамом, Филиппинами, Малайзией, Брунеем и Индонезией [4]. Наиболее активными участниками территориального спора в ЮКМ являются Китай, Вьетнам, Филиппины и Тайвань, обосновывающие свое присутствие на островах или претензии на них с помощью различных аргументов.

Китай и **Тайвань**, обосновывая свои притязания на архипелаги в ЮКМ, делают акцент на исторической принадлежности. Позиции обеих сторон абсолютно идентичны и являются, как они полагают, наиболее полно обоснованными с юридической точки зрения. Пекин позаботился о сборе огромного количества документов, свидетельствующих о том, что именно китайцы первыми начали осваивать острова. Представители МИД КНР заявляют, что китайцы начали осваивать архипелаги в ЮКМ еще во времена династии Хань при императоре У Ди (156-87 гг. до н.э.).

Китай в последние годы предпринял ряд, на наш взгляд, провокационных шагов, чтобы утвердить за собой острова в Южно-Китайском море. Например, в 2013 г. китайские власти добавили к 9-пунктирной линии, обозначающей претензии КНР в ЮКМ, ещё и 10-ю линию, проходящую к востоку от Тайваня [5]. В период с 2013 по 2016 гг. Пекин создавал песчаные насыпи, чтобы «связать» острова Спратли и получить возможность установить на островах вооружения. В марте 2015 г. в интервью газете *The Guardian* командующий американским тихоокеанским флотом Гарри Харрис назвал это «Великой песчаной стеной» [6].

В 2016 г. Международный суд в Гааге заявил, что «у Китая нет правовых оснований претендовать на исторические права на ресурсы в морских районах, попадающих в 9-пунктирную линию, так как, хотя китайские мореплаватели и рыбаки, а также рыболовы других государств исторически использовали острова в Южно-Китайском море, нет никаких доказательств того, что Китай исторически осуществлял исключительный контроль над водами или их ресурсами» [7]. Пекин отверг эти обвинения и отказался принимать во внимание вердикт Международного суда [7].

Власти **Вьетнама**, в свою очередь, также обосновывают свои притязания историческими доводами. С тех пор как в конце американской войны во Вьетнаме (1965-1975 гг.) КНР захватила Парасельские острова, принадлежавшие тогда Южному Вьетнаму, между Ханоем и Пекином возникли серьёзные территориальные разногласия, не разрешённые до сих пор.

По сей день регулярно происходят конфликты между двумя странами, связанные с заходом китайских судов в территориальные воды, которые Вьетнам считает своими. Например, в июле 2019 г. ситуация в ЮКМ в очередной раз обострилась в связи с заходом в воды, контролируемые Вьетнамом, китайского судна для исследования полезных ископаемых [8]. Тогда президент Вьетнама заявил, что Ханой имеет хорошие отношения с Пекином, но никогда не должен идти на компромисс в вопросах суверенитета и территориальной целостности [9].

Вместе с тем, важно отметить, что в качестве противовеса китайскому давлению Вьетнам прибегает к сотрудничеству с США. Так, заведующий кафедрой истории стран Дальнего Востока СПбГУ, директор Института Хо Ши Мина В.Н.Колотов пишет: «Нынешнее сближение Ханоя с Вашингтоном можно рассматривать как побочный контрпродуктивный результат китайской политики в ЮКМ» [10]. Так поступает и ряд других государств региона, что лишь усиливает американо-китайские противоречия.

В то время как претензии КНР, Тайваня и Вьетнама в Южно-Китайском море базируются на исторических основаниях, претензии **Филиппин** основываются на результатах исследований специалистов, проведённых ещё в 1956 г. Они пришли к заключению, что 8 островов, расположенных неподалеку от филиппинских берегов, вовсе не являются частью архипелага Спратли, а относятся географически к территории этого островного государства [11].

В 2015 г. Филиппины решили построить на островах Спратли отели, чтобы превратить их в туристическую зону. В связи с обострением отношений между двумя странами в 2016 г., Международный суд в Гааге заявил, что «Китай нарушил суверенные права Филиппин в их исключительной экономической зоне, вмешиваясь в филиппинский рыболовный промысел и разведку нефти, строя искусственные острова и не предотвращая попытки китайских рыбаков вести промысел в этой зоне, а в районе мыса Скарборо Китай создал серьезную опасность столкновения, когда его патрульные катера физически блокировали филиппинские рыболовные суда» [12].

На данный момент Манила имеет административный контроль над Титу - втором по величине природным массивом в архипелаге Спратли - и хочет укрепить свой суверенитет, построив новую инфраструктуру [13].

Требования **Малайзии** по своему обоснованию похожи на филиппинские. На основе исследований было выявлено, что 3 острова архипелага Спратли являются продолжением континентального шельфа Малайзии, а потому Куала-Лумпур занял их и построил на одном из них отель для привлечения туда туристов [14].

В 2013 г. Китай разместил судно береговой охраны у мыса Лукония, на который претендует Малайзия и который находится в её исключительной экономической зоне [14]. Малайзийские премьер-министры несколько раз поднимали этот вопрос в диалоге с китайскими представителями, и Пекин то выводил, то возвращал свое судно. В 2019 г. Министерство обороны Малайзии опубликовало свою первую «Белую книгу» по вопросам обороны. Среди главных угроз, с которыми в ближайшие годы столкнётся Куала-Лумпур, в документе указаны терроризм, вопросы кибербезопасности, а также обострение отношений с Китаем в Южно-Китайском море [15].

Индонезия, в свою очередь, позиционирует себя как страна, у которой нет территориальных споров в ЮКМ [16], однако её экономическая зона включает в себя остров Натуна, находящийся в непосредственной близости от 9-пунктирной линии, установленной Китаем. И хотя Пекин признаёт суверенитет Индонезии над этим островом [17], время от времени между странами происходят конфликты, поскольку китайские рыболовецкие суда заходят в исключительную экономическую зону Индонезии. Когда китайские рыбаки оказываются в непосредственной близости от Натуна, Джакарта выражает официальный протест. Однако в 2016 г. в результате очередного инцидента Индонезия направила в этот район 10 военных кораблей и 4 истребителя *F-16*. Президент Индонезии Джоко «Йокови» Видодо лично вылетал на остров, чтобы разобраться в ситуации.

На первой неделе 2020 г. вновь произошло противостояние китайских судов береговой охраны и индонезийских военно-морских кораблей. Как заявил бывший министр обороны Индонезии, «Натуна - это дверь, если дверь не охраняется, то воры войдут внутрь» [18].

В похожей ситуации находится и **Бруней**. Хотя власти этого государства и не выдвинули официальных претензий на острова, однако один риф архипелага входит в исключительную экономическую зону страны [19].

Интерес такого количества государств региона к островам в Южно-Китайском море объясняется, прежде всего, богатством островов природными ресурсами, а также их географическим расположением.

Парасельские о-ва и архипелаг Спратли привлекательны не только для рыболовства, но и для добычи полезных ископаемых, в т.ч. нефти и газа [20]. В середине 80-х гг. XX в. ученые, ссылаясь на результаты геологоразведочных данных, заявили, что на территории континентального шельфа, прилегающего к островам, обнаружены одни из крупнейших запасов нефти в Азии на сумму не менее $1 трлн.

Ни одна из стран, претендующая на острова в ЮКМ, не имеет своих крупных месторождений нефти и газа, а потому оба архипелага представляются для каждой из них важными территориями. На островах отсутствует постоянное население, но на некоторых из них расположены воинские части государств региона [21], а также рыбацкие постройки и сооружения для морской навигации. Более того, через Андаманское море, Малаккский пролив, Южно-Китайское море и Тайваньский пролив проходят важнейшие морские торговые пути с оборотом в $5 трлн в год [22]. Таким образом, этот регион является чрезвычайно важным логистическим узлом, нарушение баланса сил и обострение конфликта в котором может нанести существенный урон как мировой экономике в целом, так и благосостоянию стран АТР в частности [23].

Профессор, ведущий эксперт Центра АСЕАН при МГИМО(У) и эксперт Российского совета по международным делам Е.А.Канаев выделяет 3 уровня противоречий по данному вопросу.

Первый, низкий уровень, - непосредственно спор о суверенитете над Парасельскими островами и архипелагом Спратли, который развернулся между Вьетнамом, Тайванем, КНР и Филиппинами [24, p. 199].

Средний уровень - это спор между КНР и странами АСЕАН. Основой взаимоотношений между КНР и АСЕАН является Декларация поведения сторон (*DOC*) в Южно-Китайском море, а также разрабатываемый на её основе Кодекс поведения сторон в Южно-Китайском море (*COC*) [24, p. 199].

Министр иностранных дел КНР Ван И дал следующую характеристику Кодексу: «Декларация о действиях сторон в Южно-Китайском море уже сыграла свою роль в сохранении мира и стабильности в Южно-Китайском море, и поскольку мы договорились о разработке Кодекса поведения в Южно-Китайском море, конечно, должны добиться нового прогресса. Уверен в том, что будущий Кодекс поведения в Южно-Китайском море

станет более эффективным и более качественным региональным набором правил, которые соответствуют фактическим потребностям региона и имеют более существенные коннотации» [25]. В ходе разработки Кодекса представитель КНР выступал за сохранение Ст. 4 Декларации, закрепляющей принцип решения территориальных разногласий только государствами, непосредственно вовлечёнными в данный конфликт, а также Ст. 10, согласно которой он должен быть решен посредством консенсуса [26].

Высокий уровень относится к американо-китайскому противостоянию. Подходы США и КНР расходятся, главным образом, по трём вопросам: свобода судоходства, добыча шельфовых ископаемых и способ решения споров [23, pp. 204-205]. Именно этот срез оказывает наибольшее значение для политики региональных акторов и развития ситуации вокруг спорных территорий в ЮКМ, поскольку имеет далеко идущие последствия для всей Азии.

В обновлённой военной доктрине КНР, опубликованной в 2019 г., говорится, что «острова Южно-Китайского моря и острова Дяоюйдао (более известные как Сенкаку, но это японское наименование, не используемое в Китае. - *Прим. авторов*) являются неотъемлемой частью территории Китая.

Согласно доктрине, Китай осуществляет свой национальный суверенитет в целях создания инфраструктуры и развертывания необходимого оборонительного потенциала на островах и рифах в Южно-Китайском море, а также для проведения патрулирования в водах островов Дяоюйдао в Восточно-Китайском море. Китай привержен разрешению связанных споров путем переговоров с теми государствами, которые непосредственно вовлечены в процесс, на основе уважения исторических фактов и международного права. Китай твердо поддерживает свободу судоходства и пролета всеми странами в соответствии с международным правом и гарантирует безопасность морских линий связи (*SLOCs*)» [27].

Усиление китайских позиций в ЮКМ вызывает беспокойство в американском истеблишменте. 13 марта 2020 г. был опубликован обновлённый доклад Исследовательской службы Конгресса, посвящённый стратегическому соперничеству США и Китая в Южно-Китайском море [28]. В докладе американские эксперты пишут, что Китай, взяв под контроль море, может:

- контролировать рыбную ловлю и проведение разведки нефти и газа в ЮКМ;
- принуждать, запугивать или оказывать политическое давление на другие страны, граничащие с ЮКМ;
- ввести в действие зону китайской ПВО над ЮКМ;
- объявить блокаду Тайваня;
- распространить своё влияние в западной части Тихого океана.

Также они предостерегают, что контроль КНР над ЮКМ мешает Америке:

- осуществлять военное вмешательство в кризис или конфликт между Китаем и Тайванем;
- выполнять обязательства по договорам о защите с Японией, Филиппинами и Южной Кореей;
- использовать вооружённые силы в западной части Тихого океана для различных целей, включая поддержание региональной стабильности;
- предотвратить превращение Китая в регионального гегемона в восточной части Евразии.

Американские исследователи предлагают Конгрессу пересмотреть политику Трампа в ЮКМ, предостерегают от втягивания в прямой конфликт с КНР и просят конгрессменов ответить на ряд вопросов, в т.ч. - всё ли делают американские служащие для снижения риска войны в регионе, и есть ли одинаковое понимание у США и их союзников относительно взаимных военных обязательств.

Учитывая вышесказанное, следует рассмотреть, какова политика Дональда Трампа в ЮКМ на данный момент.

Согласно Стратегии национальной безопасности США, опубликованной в декабре 2017 г. [29], Соединенные Штаты стремятся продолжать сотрудничество с Китаем, однако, несмотря на это, Китай использует экономические стимулы и ограничения, «операции влияния» и угрозы силой, чтобы убедить другие государства считаться с интересами Китая. В Стратегии утверждается, что усилия Китая по созданию и милитаризации аванпостов в ЮКМ ставят под угрозу свободную торговлю в регионе, угрожают суверенитету других стран и подрывают региональную стабильность.

Американские эксперты делают акцент на том, что в Китае развернута кампания по быстрой модернизации вооруженных сил, целью которой является усиление позиций КНР, что позволит ограничить доступ США в Южно-Китайское море и развяжет руки Китаю [29]. Пекин преподносит свои интересы как взаимовыгодные, однако китайское доминирование угрожает суверенитету многих государств в Индо-Тихоокеанском регионе, в связи с чем государства всего региона призывают США помочь в поддержании регионального порядка.

В связи с необходимостью ограничить рост влияния КНР в регионе, президент Д.Трамп в рамках V саммита АСЕАН-США, проходивше-

го 13 ноября 2017 г. в Маниле (Филиппины), заявил о необходимости поддержать создание Индо-Тихоокеанского региона: «Я здесь для того, чтобы продвигать мир, содействовать безопасности и работать с вами, чтобы создать действительно свободный и открытый Индо-Тихоокеанский регион, где у нас есть суверенные нации, и мы процветаем, и все хотят процветать» [2].

В рамках формирования «Индо-Тихоокеанского региона» Соединённые Штаты сотрудничают со странами в нескольких сферах:

- помогают в укреплении потенциала стран в энергетическом секторе;
- продвигают общие подходы к кибербезопасности;
- создают возможности для малых и средних предприятий;
- поощряют женщин, молодых новаторов и предпринимателей [29].

В военной сфере США регулярно проводят совместные манёвры и учения со странами региона. В мае 2019 г. американский флот прошёл с индийскими, японскими и филиппинскими военно-морскими силами через Южно-Китайское море [30]. Китай, не решившись блокировать проход кораблей, ограничился протестами. В сентябре 2019 г. США провели первые морские учения США-АСЕАН для укрепления военных отношений и отработки обмена информацией между ВМС стран АСЕАН и США. Тогда же, в сентябре 2019 г. прошли 23 военно-морских учения флотов США, Япония и Индии [30].

* * *

Таким образом, необходимо отметить, что экспансионизм Китая вызывает опасения стран Азиатско-Тихоокеанского региона, которые для защиты своих интересов в регионе ищут поддержки у США. Американцы, стремясь укрепить свои позиции в Азии, используют это как предлог для давления на Пекин. Одним из главных шагов администрации Д.Трампа в этом направлении стало продвижение концепции «Индо-Тихоокеанского региона», состоящего из стран, сталкивающихся с необходимостью препятствовать политическому и экономическому усилению Китая.

Этот регион полукругом охватывает КНР, не позволяя ей утвердить единоличное влияние в Тихом океане. Соединённые Штаты не признают территориальные претензии КНР и считают Южно-Китайское море международными водами. Между тем, именно ЮКМ входит в зону приоритетных направлений китайской внешней политики, имеющее непосредственное геостратегическое значение для страны, а потому любые действия со стороны региональных акторов (а уж тем более внешних игроков) рассматриваются им как враждебные. При этом, стремясь позиционировать себя как мирная и ответственная держава, которая лишь восстанавливает историческую справедливость по отношению к китайскому народу, Китай утверждает, что его действия не носят агрессивный характер, т.к. территории находятся под китайским суверенитетом на легитимной основе.

Под предлогом того, что ЮКМ, как полагают в Пекине, является внутренним китайским морем, Китай активно отстаивает своё присутствие на Парасельских островах и островах Спратли, возводя на них военные объекты, создавая искусственные насыпные острова и блокируя хождение судов других стран. С другой стороны, Пекин старается не провоцировать американцев, которые всё ещё сильнее китайцев в военно-политическом и экономическом отношении, поэтому он ограничен в свободе действий и реагирует на американские действия исключительно дипломатическими протестами.

Но и Вашингтон осознает последствия открытого противодействия Китаю, а потому продолжает оказывать давление на Пекин невоенными средствами, показывая нелегитимность китайских действий в регионе и обеспечивая проход судов других стран через акваторию ЮКМ как через международные воды.

Учитывая всё вышесказанное, авторы приходят к выводу о том, что в среднесрочной перспективе Южно-Китайское море останется одним из ключевых регионов противостояния двух крупнейших мировых акторов - США и КНР.

Список литературы / References

1. Территориальные споры в Южно-Китайском море. *«Большая Восточная Азия»: мировая политика и региональные трансформации: научно-образовательный комплекс* / Под ред. Воскресенского А.Д. М., МГИМО-Университет, 2010. С. 162-163. (2010. Territorial disputes in the South China Sea. *"Greater East Asia": World Politics and Regional Transformations: a Scientific and Educational Complex* / Ed. A.D.Voskresensky. M.) (In Russ.)

2. Ramos R. Trump vows free and open Indo-Pacific region. *Anadolu Agency*. 14 November 2014. https://www.aa.com.tr/en/americas/trump-vows-free-and-open-indo-pacific-region/964636 (accessed 24.03.2020)

3. Мирный договор с Японией, подписанный в Сан-Франциско 8 сентября 1951 г. Гл. II, ст. 2, п. f. Российский государственный архив военно-морского флота. (Peace Treaty with Japan, signed at San Francisco on September 8, 1951. Ch. II, Art. 2, par. f. Russian State Archive of the Navy) (In Russ.). https://rgavmf.ru/sites/default/files/lib/sf_dogovor_1951_text.pdf (accessed 23.03.2020)

4. Island Features of the South China Sea. Asia Maritime Transparency Initiative. https://amti.csis.org/scs-features-map/ (accessed 01.04.2020)

5. Limits in the Seas. Bureau of Oceans and International Environmental and Scientific Affairs, United States Department of State, p. 3. https://2009-2017.state.gov/documents/organization/234936.pdf (accessed 01.04.2020)

6. US Navy: Beijing creating a 'great wall of sand' in South China Sea. *The Guardian*. 31 March 2015. https://www.theguardian.com/world/2015/mar/31/china-great-wall-sand-spratlys-us-navy (accessed 28.03.2020)

7. Beijing rejects tribunal's ruling in South China Sea case. *The Guardian*, 12 July 2016. https://www.theguardian.com/world/2016/jul/12/philippines-wins-south-china-sea-case-against-china (accessed 12.03.2020)

8. Vietnam calls for restraint in South China Sea after months of tensions with Beijing. *South China Morning Post*, 15 October 2019. https://www.scmp.com/news/china/diplomacy/article/3033086/vietnam-calls-restraint-south-china-sea-after-months-tensions (accessed 18.03.2020)

9. Vu K., Pearson J. Vietnam urges restraint amid maritime tensions with China. *Reuters,* 15 October 2019. https://www.reuters.com/article/us-vietnam-southchinasea/vietnam-urges-restraint-amid-maritime-tensions-with-china-idUSKBN1WU1CR (accessed 24.03.2020)

10. Колотов В.Н. Споры в ЮКМ и внутриполитическая ситуация во Вьетнаме. *Азия и Африка сегодня* 2019. № 7. С. 4. (Kolotov V.N. 2019. Disputes in the South China Sea and Internal Political Situation in Vietnam. *Asia and Africa today*. № 7) (In Russ.). https://asaf-today.ru/images/AA_nomers/2019/201907/Kolotov-Spory.pdf (accessed 29.03.2020)

11. Hill G., China and Philippines: The reasons why a battle for Zhongye (Pag-asa) Island seems unavoidable. *China News*, 13 January, 2014. https://chinanewsstories.com/2014/01/13/the-reasons-why-a-battle-for-zhongye-pag-asa-island-seems-unavoidable/ (accessed 28.03.2020)

12. Phillips T., Holmes O., Bowcott O. Beijing rejects tribunal's ruling in South China Sea case. *The Guardian*, 12 July 2016. https://www.theguardian.com/world/2016/jul/12/philippines-wins-south-china-sea-case-against-china (accessed 01.04.2020)

13. Philippines strengthens claim on this South China Sea island. *The Star*, 20 August 2019. https://www.thestar.com.my/lifestyle/travel/2019/08/20/claim-philippines-thitu/ (accessed 28.03.2020)

14. Chang F.K. A Faint Breeze of Change: Malaysia's Relations with China. Foreign Policy Research Institute. https://www.fpri.org/article/2020/01/a-faint-breeze-of-change-malaysias-relations-with-china/ (accessed 29.03.2020)

15. Parameswaran P. What to Make of Malaysia's New Defense White Paper Launch. *The Diplomat*, 04 December 2019. https://thediplomat.com/2019/12/what-to-make-of-malaysias-new-defense-white-paper/ (accessed 28.03.2020)

16. Suryadinata L. South China Sea: Is Jakarta no longer neutral? *The Strait Times*, 24 April 2014. https://www.straitstimes.com/opinion/south-china-sea-is-jakarta-no-longer-neutral (accessed 18.03.2020)

17. Yu M. Et tu, Jakarta? *The Washington Times,* 19 November 2015. https://www.washingtontimes.com/news/2015/nov/19/inside-china-china-concedes-natuna-islands-to-indo/ (accessed 21.03.2020)

18. Brummitt C., Rahadiana R. Indonesia Will Defend South China Sea Territory With F-16 Fighter Jets. *Bloomberg*, 1 April 2016. https://www.bloomberg.com/news/articles/2016-03-31/indonesia-to-deploy-f-16s-to-guard-its-south-china-sea-territory (accessed 31.03.2020)

19. Philippines objects to Malaysia, China claims on South China Sea. *GMA news online*, 11 March 2020. https://www.gmanetwork.com/news/news/nation/729286/philippines-objects-to-malaysia-china-claims-on-south-china-sea/story/ (accessed 01.04.2020)

20. East Asia/Southeast Asia: Spratly Islands. The World Factbook, Central Intelligence. https://www.cia.gov/library/publications/the-world-factbook/geos/pg.html (accessed 28.03.2020)

21. Алексеева Н. «Символичный характер»: зачем Китай размещает ракетные комплексы на спорных островах. *Russia Today*. 03.05.2018. (Alekseeva N. "Symbolical character": Why China Places Missile Systems on Disputed Islands. *Russia Today*. 03.05.2018) (In Russ.). https://russian.rt.com/world/article/509130-arkhipelag-spratli-kitay-rakety (accessed 29.03.2020)

22. Мосяков Д. На грани фола: политика Китая в Южно-Китайском море. *Индекс безопасности*. 2013. Т. 19, № 4 (107). (Mosyakov D. 2013. On the Verge of a Foul: China's Policy in the South China Sea. *Security Index*. V. 19, № 4) (In Russ.)

23. Storey I. Disputes in the South China Sea: Southeast Asia's Troubled Waters. Politique étrangère. Institut français des relations internationales (IFRI). Fall 2014, pp. 35-47.

24. Kanaev E.A. China's and the US' Approaches to the South China Sea Issue: Changing Patterns and Strategic Implications. *Security and Cooperation in the South China Sea*. M., Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences, 2014.

25. Ван И ответил на четыре вопроса, касающиеся Кодекса поведения в Южно-Китайском море. *Синьхуа Новости*. 01.08.2019. (Wang Yi answered four questions regarding the Code of Conduct for the South China Sea. *Xinhua News*. 01.08.2019) (In Russ.). http://russian.news.cn/2019-08/01/c_138275212.htm (accessed 01.04.2020)

26. Kanaev E.A. Fostering Cooperative Trends in the South China Sea: Russian Perspective. International Conference on East Sea Disputes. Ho Chi Minh City: Ton Duc Thang University, 2014. P. 22.

27. China's National Defense in the New Era. The State Council, the People's Republic of China. P. 7. http://english.www.gov.cn/archive/whitepaper/201907/24/content_WS5d3941ddc6d08408f502283d.html (accessed 18.03.2020)

28. U.S.-China Strategic Competition in South and East China Seas: Background and Issues for Congress. Congressional Research Service. https://fas.org/sgp/crs/row/R42784.pdf (accessed 01.04.2020)

29. National Security Strategy of the United States of America. The White House. P. 46. https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2017/12/NSS-Final-12-18-2017-0905.pdf (accessed 28.03.2020)

30. A Free and Open Indo-Pacific: Advancing a Shared Vision. The Department of State, United States of America. P. 6. https://www.state.gov/wp-content/uploads/2019/11/Free-and-Open-Indo-Pacific-4Nov2019.pdf (accessed 28.03.2020)

DOI: 10.31857/S032150750010108-0

ФОРМИРОВАНИЕ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО КАПИТАЛА В МАЛАЙЗИИ

© 2020 Д. КАМЫШНИКОВА

КАМЫШНИКОВА Дарья Николаевна, аспирантка, Институт стран Азии и Африки МГУ им. М.В.Ломоносова (dkamyshnikova@yandex.ru)

Резюме. *Малайзия более чем за шесть десятилетий независимого развития прошла сложный путь модернизации экономики. Проведенные реформы и благоприятная конъюнктура мирового рынка позволили ей перейти от аграрно-сырьевой структуры хозяйства к новому индустриальному укладу. Малайзии предстоит адаптироваться к текущей ситуации в глобальной экономике и найти дополнительные драйверы роста, важнейшим из которых является формирование человеческого капитала.*

Ключевые слова: *Малайзия,* человеческий капитал, знания, образование, экономический рост, производительность труда

FORMING OF HUMAN CAPITAL IN MALAYSIA

Daria N. KAMYSHNIKOVA, Post-graduate student, Institute of Asian and African countries, Moscow State University (dkamyshnikova@yandex.ru)

Abstract. *In more than six decades of independent development Malaysia has gone through the difficult path of modernization and industrialization of the economy. Properly implemented reforms and a favorable global situation allowed this country to transform itself from one-sided agrarian and raw material-based economy in the past to the so-called new industrial country. In order to develop further and achieve the status of the economically developed state, Malaysia should adapt to the current situation in the global economy and find additional drivers of growth, the most important of which is the development of human capital. The article is devoted to the consideration of the role of human capital as a key factor in the social and economic development of Malaysia.*

In the analysis it is shown that investments in education and human capital development have become a decisive factor in increasing productivity, ensuring the unique competencies and special competitive advantages of Malaysia, as well as allowing the development of high-tech industries with constant growth of value-added production indicators.

The experience of Malaysia has shown that in the context of transition to a new stage of development, it is necessary to strengthen income distribution between the three main ethnic groups which is necessary for building a modern and well-balanced economy. Nevertheless, at the current stage Malaysia has not yet reached the quality of human capital as high as in developed countries but has already managed to move forward along the path of education and quality improvement of work force in general.

Keywords: *Malaysia, human capital, knowledge, education, economic growth, labor productivity*

Среди развивающихся государств Малайзию можно выделить в качестве одного из успешных примеров стран, которым удалось превратиться из поставщика сырьевых товаров в экспортера обрабатывающей промышленности, добившись при этом существенного повышения уровня жизни населения и перейти в категорию стран с доходами выше среднего уровня, согласно классификации Всемирного банка (ВБ). Об этом свидетельствуют и относительно высокие и устойчивые темпы экономического развития Малайзии.

Среднегодовые темпы роста ВВП в 1970-2018 гг. составили 6,3% (среднемировые - 3,1%) и превышают уровень стран с доходом выше среднего (4,4%) [17]. Объем ВВП (в постоянных ценах 2010 г.) за этот период увеличился в 18 раз, что, в свою очередь, способствовало четырехкратному наращиванию вклада Малайзии в мировое производство (0,46% в 2018 г. по сравнению с 0,1% в 1970 г.) [18]. Произошла перестройка и в социальной сфере. Доходы домохозяйств выросли с $64 в 1970 г. до $1695 в 2019 г., или в 26 раз [7].

Успехи Малайзии были достигнуты благодаря ряду различных факторов. Среди социальных обстоятельств, способствующих процессу трансформации Малайзии, следует выделить повышенное внимание государства к развитию человеческого капитала на всех этапах независимого развития страны.

В первые десятилетия после обретения независимости в 1957 г. экономика Малайской Федерации (с 1963 г. - Малайзия) не претерпела существенных изменений по сравнению с колониальным периодом. Страна вступила на путь самостоятельного развития, обладая малочисленным национальным предпринимательским сектором, в основном китайским, и при почти полном отсутствии квалифицированных национальных кадров [6]. Одним из важнейших факторов конкурентоспособности экономики Малайзии на первом этапе становления хозяйства стала дешевизна и доступность рабочей силы, необходимые для формирования экспортных отраслей.

Для преодоления отсталости в экономике и снижения численности населения, живущего за чертой бедности, правительство Малайзии выбрало плановую стратегию экономического роста. В 1971 г. была разработана «новая экономическая

политика», направленная на всемерное ускорение промышленного развития и преодоление неравенства трех национальных общин, проживающих в Малайзии (малайцы, китайцы, индийцы) [4].

Ориентация на промышленное производство способствовала трансформации хозяйства. Из крупнейшего в мире производителя каучука и олова Малайзия превратилась в страну с диверсифицированной экономикой, ориентированной на экспорт, что повлияло на снижение доли занятых в сельском хозяйстве и добывающей промышленности с 48% в 1970 г. до примерно 19% в 2000 г. [4]. Начиная с 1970-х гг. основной сферой занятости стали отрасли индустриального сектора, в особенности, обрабатывающая промышленность: если в 1959 г. её вклад в ВВП составлял только 9%, то к 1970 г. он достиг 12%, а к 1985 г. - 35% [3].

Форсированное развитие промышленности вызвало ускоренный рост ВВП на душу населения: в 1960 г. этот показатель составлял всего $829 (по ППС), в 1970 г. - $1125, а в 1981 г. - $1796 [5], т.е. увеличился более чем в 2 раза. Таким образом, благодаря динамичному развитию индустриального сектора за 20 с небольшим лет Малайзии удалось достичь существенных изменений в социально-экономической сфере.

ФОРМИРОВАНИЕ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО КАПИТАЛА НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

Вследствие стремительного развития производства Малайзия перестала быть страной с избыточным предложением дешевой рабочей силы и, напротив, становится государством, в котором больше всего ценится образованное население.

В последнем, 11-м плане развития Малайзии (2016-2020 гг.)[1] в качестве приоритетной задачи была поставлена цель сформировать эффективную дифференцированную систему накопления знаний [16]. Если говорить о процентном соотношении расходов на образование к общему объему ВВП, особое внимание обращает на себя тот факт, что доля капиталовложений Малайзии заметно превышает показатели соседних стран региона, в отдельные периоды (2001-2003 гг.) достигая 7,5% [10].

Одним из наиболее распространенных индикаторов социальной среды и качества жизни стран является *Индекс человеческого развития* ООН (ИЧР) [2], который служит комплексным сравнительным показателем и используется для выявления отличий между развитыми, развивающимися и недостаточно развитыми государствами. Исходя из расчетов ООН, можно сделать вывод о наличии общей тенденции к повышению качества жизни в Малайзии, которая находится в группе с очень высоким ИЧР: в 2019 г. ее показатель составил 0,804 (61-е место из 189 рассмотренных стран) [25], в то время как еще в 2011 г. был 0,781 [24], а в 1990 г. не поднимался выше отметки 0,643 [23].

В рамках представленного ВБ в 2018 г. глобального проекта развития человеческого капитала впервые был опубликован новый интегральный показатель - *Индекс человеческого капитала* (ИЧК), позволяющий дать количественную оценку вклада здравоохранения и образования в производительность и уровень дохода следующего поколения граждан.

Расчет ИЧК включает в себя анализ по 5 компонентам: 1 - выживаемость; 2 - ожидаемая продолжительность обучения детей в школе, скорректированная на 3 - результаты тестирования по международным и региональным программам оценки образовательных достижений учащихся; 4 - распространенность низкорослости среди детей в возрасте до 5 лет; и 5 - доля лиц в возрасте 15 лет, которые доживут до 60 лет [22].

Согласно последним имеющимся исследованиям, производительность труда человека, родившегося в 2018 г. в Малайзии, по достижении совершеннолетия составит 62% от потенциального 100%-ного уровня, который возможен при условии получения полного образования и абсолютного здоровья. Это обеспечит стране место среди стран с ИЧК выше среднего (55-я позиция из 157 охваченных государств). Малайзия станет третьей после Сингапура (1-е место в мире) и Вьетнама (49-е) в регионе ЮВА (см. *диагр.*).

Сравнивая группы стран по этому индексу, выявляется закономерность: чем выше уровень доходов, тем выше показатель ИЧК. Повышение качества человеческого капитала является как условием, так и следствием экономического роста.

Несмотря на то, что по всем 5 компонентам ИЧК Малайзия еще не может конкурировать с лидирующими в рейтинге экономически развитыми центрами, в стране наблюдаются позитивные тенденции в состоянии образования и здоровья населения. Еще в 1970 г. смертность детей младше 5 лет на 1000 составляла 54 человека, в 2018 г. этот показатель снизился до 8 (практически в 7 раз) [19]. При этом если ребенок, родив-

[1] Генеральные (на 10 лет) и среднесрочные (на 5 лет) планы развития являются комплексной стратегией экономической трансформации, нацеленной на превращение Малайзии в страну с высоким уровнем доходов по классификации Всемирного банка (*прим. авт.*).

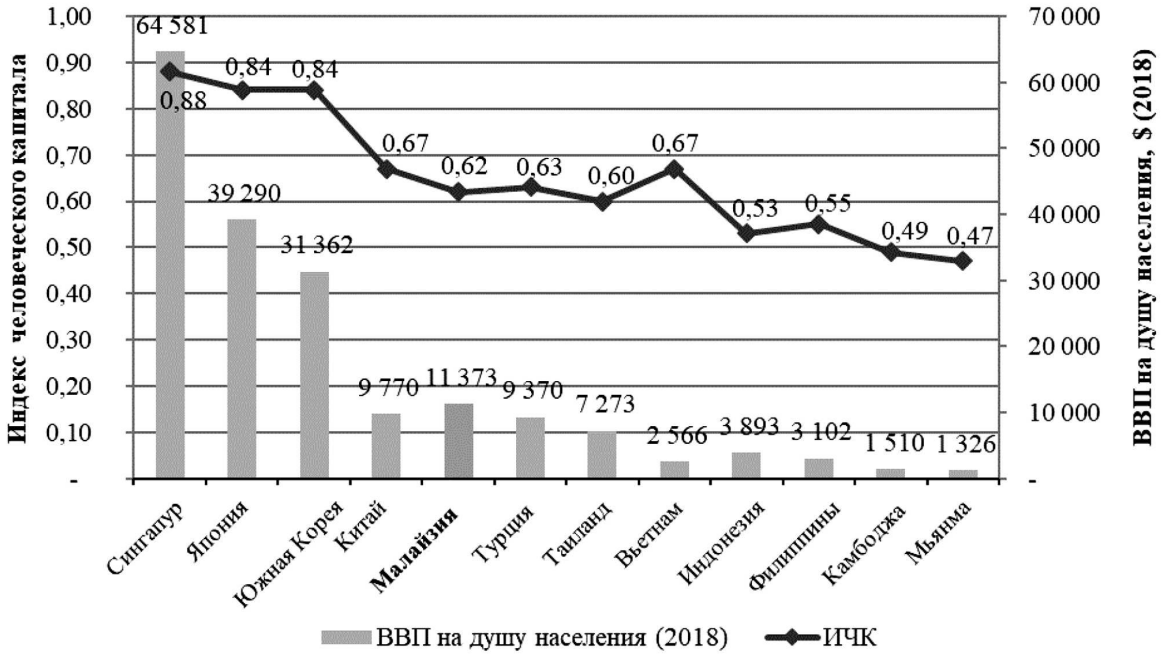

Диаграмма. Индекс человеческого капитала в отдельных странах, 2018 г.

Примечание: страны сгруппированы по уровню доходов по классификации ВБ. Уровень доходов определяется по показателю ВВП на душу населения.

Составлено по: The World Bank / World Data Bank / World Development Indicators. https://data.worldbank.org/indicator/NY.GDP.PCAP.CD?most_recent_value_desc=true (accessed 18.01.2020); [22].

шийся в Малайзии в 1970 г., мог рассчитывать прожить до 64 лет [20], то к 2019 г. продолжительность жизни увеличилась до 74,5 лет [9].

Важно отметить, что ожидаемая продолжительность жизни в Малайзии существенно различается по этническим группам: средние показатели китайского населения (77,3) на 4 года превышают ожидаемую продолжительность жизни *бумипутра*[2] (73,3) и на 5,5 лет индийского населения (71,8) [8]. Такое неравенство может говорить о все еще существующем диспаритете в уровне жизни, доходе и социальном обеспечении трех основных этнических общин этой страны.

Заметное улучшение прослеживается и в уровне образования. Малайзии удалось достичь значительного продвижения по распространению грамотности среди населения. Только за последние годы осуществлялись такие программы, как «Национальная миссия грамотности» и сопутствующая ей «Программа непрерывного обучения» [11]. Усилия государства выражаются в существенном улучшении результатов: с 69% грамотных среди населения старше 15 лет в 1980 г. до 88% в 2000 г. и до 94% в 2016 г. [21].

Интегральным по нескольким показателям является среднее ожидаемое число лет обучения для детей, начиная с 5 лет. Этот индикатор учитывает как степень охвата населения образованием, так и продолжительность учебы и позволяет составить общее представление о системе образования страны. Средняя ожидаемая продолжительность обучения для детей в возрасте от 5 лет в Малайзии с 1980 по 2000 гг. увеличилась с 5,6 лет до 8,8 [26], а в 2018 г. достигла уже 12,2 лет.

О значительных изменениях можно сделать вывод и на основании индекса образования, рассчитываемого в рамках ИЧР ООН. С 1990 по 2018 гг. Малайзии удалось повысить данный показатель в 1,5 раза - с 0,488 до 0,713, что соответствует 74-му месту в мире из 189 стран, располагаясь между Коста-Рикой (73-е) и Боснией и Герцеговиной (75-е место).

Основными причинами пока еще недостаточно высоких результатов Малайзии в сфере образования на фоне уровня экономически развитых стран могут служить следующие: во-первых, можно говорить о более позднем начале дошкольного обучения (6 лет) и, соответственно, недостаточном охвате образованием детей моложе 7 лет. Это приводит к существенному снижению показателей ожидаемой продолжительности обучения. Во-вторых, значимой причиной является отсутствие

[2] Бумипутра - наименование этнической группы малайцев, коренного населения Малайзии. В буквальном переводе с малайского означает «дети земли» (от санскритских слов *бхуми* - земля, *путра* - сын) (*прим. ред.*).

Таблица

Вклад факторов производства в темпы роста ВВП Малайзии, % (1991-2018 гг.)

Период (годы)	Прирост ВВП	Применяемый труд	Качество человеческого капитала*	Инновационный капитал	Неинновационный капитал	Совокупная факторная производительность
1991-1995	9,0	14	6	16	58	6
1996-2000	4,9	22	8	23	97	-50
2001-2005	5,3	18	10	26	32	14
2006-2010	3,9	13	11	29	51	-4
2011-2018	5,4	21	5	15	55	4

Примечание: * показатели качества труда основаны на квалификационном составе рабочей силы, определяемом уровнем их образования.

Составлено и рассчитано по: Malaysia Productivity Corporation. 25th Productivity Report. Selangor, p. 4; OECD Economic Survey Malaysia, July 2019. https://read.oecd-ilibrary.org/economics/oecd-economic-surveys-malaysia-2019_eaaa4190-en#page1 (accessed 10.01.2020)

обязательного среднего образования, в связи с чем степень охвата населения данной ступенью обучения значительно ниже развитых стран и составляло лишь 86% в 2018 г. [15]. В-третьих, несмотря на увеличение в 4 раза доли населения, получившего третичное образование[3] с 7% в 1990 г. до 42% в 2017 г. [26], коэффициент охвата высшим образование все еще невысок, в особенности в сельской местности и штатах Сабах и Саравак на о. Борнео, а также среди населения старше 45 лет.

Развитие человеческого капитала является одной из приоритетных задач для стимулирования производительности труда. Тем не менее, *применяемый труд*, согласно данным *таблицы*, попрежнему остается значительным фактором в стимулировании прироста ВВП, достигая в период с 2011 по 2018 гг. 21% от ВВП [12].

Количественное увеличение трудовых ресурсов происходит за счет активного включения в общественное производство сельского населения, что позволяет сдерживать оплату труда на низком уровне и обеспечивать высокую конкурентоспособность малайзийских товаров на мировом рынке. Так, согласно индексу глобальной конкурентоспособности, в 2018 г. Малайзия занимает 27-ю позицию среди 141 рассматриваемых стран [27].

При этом Малайзия продолжает зависеть в особенности от низкоквалифицированного *применяемого труда*, а также от иностранной рабочей силы [1]. Хотя рост численности квалифицированных рабочих (на 3,9% в год в течение 2016-2018 гг.) выше, чем работников с более низкой квалификацией (0,9%), их доля в общей занятости по-прежнему невелика и составляла 25% в 2019 г. [26]. В 11-м плане развития поставлена цель - довести этот уровень до 35%. Пока же совокупный вклад *качественного человеческого капитала* в ВВП остается ниже, чем средний показатель по странам ОЭСР (15,3%), не превышая 11% в 1991-2018 гг. (см. *табл.*).

Зависимость хозяйства Малайзии от количественных составляющих говорит о том, что экономический рост продолжает обеспечиваться такими экстенсивными факторами, как *применяемый труд*, а также накопление *неинновационного капитала*, который направляется, в основном, в сферу строительства.

Так, вклад реальных капиталовложений в прирост ВВП, т.е. капиталовложений, направленных на развитие и поддержку реальных объектов производства (например, закупку нового оборудования для предприятия), остается по-прежнему значительным, составив 55% в 2011-2018 гг. Наряду с этим, за исключением периода с 2011 по 2018 гг., наблюдалась позитивная, хоть и медленная и не вполне устойчивая, динамика в повышении *доли капиталовложений, направленных в инновационные сектора*: с 16% в 1991-1995 гг. до 29% в 2011-2018 гг. Это свидетельствует о тенденции усиления интенсивных составляющих экономического роста в стране (см. *табл.*).

[3] Третичное образование - обучение, продолжающее полное среднее образование с выпускным экзаменом. К третичному образованию относятся высшее и высшее профессиональное образование (*прим. ред.*).

Вместе с тем, уровень *совокупной факторной производительности* (СФП)[4] с 1991 по 2018 гг. продолжает испытывать значительные колебания, лишь в отдельные годы достигая положительных значений. Согласно целям, поставленным в 11-м плане, прирост СФП должен стать основным драйвером роста хозяйства Малайзии и к 2020 г. достигнуть прироста, как минимум, 3,7% в год, составив 92 300 малайзийских ринггитов ($22 575)[5].

В период 2014-2017 гг. Малайзии уже удалось достичь среднего прироста в 3,6%, повысив величину производительности с 73 087 ринггитов ($17 876) в 2014 г. до 81 268 рингг. ($19 877) в 2017 г. [12], что свидетельствует о постепенном, хотя и не вполне устойчивом, изменении соотношения экстенсивных и интенсивных факторов для развития экономики Малайзии. Вследствие чего предполагается, что вклад СФП в прирост ВВП увеличится с 4% в 2011-2018 гг. до 15% в 2019-2025 гг. [12]. Повышение роли СФП может говорить о постепенном переходе экономики Малайзии к отраслям с более высокой добавленной стоимостью и квалифицированным человеческим капиталом.

При этом в абсолютном значении почасовая производительность труда в расчете на одного занятого в стране, рассчитанная по ППС, возросла с 2012 по 2016 гг. в 1,6 раза, составив $31,5 [12], что превышает аналогичные показатели в других странах региона, кроме Сингапура и Брунея. Столь высокая эффективность труда в Малайзии обеспечивается, прежде всего, высокопроизводительной структурой производства, сложившейся там к началу XXI в. [1]. Согласно докладу Министерства международной торговли и промышленности, в 2019 г. самый высокий прирост производительности труда был зафиксирован в таких областях, как строительство (3,3%), добывающая промышленность (3,3%) и услуги (2,5%) [13]. Вклад этих отраслей в совокупную добавленную стоимость достигает: в добывающей промышленности - 8%, в строительстве - 23%, в сфере услуг - 54,5% [12].

Несмотря на то, что за период с 2013 по 2017 гг. рост заработной платы превышал темпы инфляции, составив в среднем 3,3% в год, он был ниже среднего прироста реального ВВП в этот период (5,3%), означая, что выгода трудящихся от экономического благополучия страны была меньше, чем у других экономических агентов. В результате чего доля оплаты труда работников в ВВП остается на достаточно низком уровне в 35% в 2017 г. с предполагаемым повышением до 38% к 2020 г. [14], что позволит повысить доходы населения. Наряду с этим, согласно официальной малайзийской статистики, с 2015 по 2018 гг. доходы домашних хозяйств ежегодно увеличиваются, в среднем, на 6,2% [7]. Тем не менее, для достижения поставленной в 11-м плане цели - повысить доходы домохозяйств за период с 2015 по 2020 гг. в 1,7 раза, темпы роста пока являются недостаточными [14].

В целом, можно говорить о том, что Малайзии удалось добиться существенного прогресса в выравнивании распределения доходов между домохозяйствами, измеряемое коэффициентом Джини, индекс которого с 0,513 в 1970 г. составил 0,446 в 1989 г. и 0,399 - в 2016 г. [7], а к 2020 г. планируется уровень в 0,384 [15]. Сглаживание неравенства с одновременным сокращением масштабов бедности было достигнуто путем устойчивого экономического роста. Доля населения, проживающего в абсолютной бедности, сократилась с 49,3% в 1970 г. до 0,4% - в 2018 г. [7].

* * *

Подводя итоги, необходимо отметить, что на разных этапах экономического развития в Малайзии ценились различные стороны человеческого потенциала. Если в период после обретения независимости основным конкурентным преимуществом страны являлась дешевизна рабочей силы, необходимая для развития трудоемких ориентированных на экспорт отраслей, то, начиная с 1970-х гг. по мере наращивания индустриального потенциала, государство стало нуждаться в более квалифицированном персонале и эффективной дифференцированной системе распространения и накопления знаний, необходимой для устойчивого развития современной национальной экономики.

[4] Совокупная факторная производительность (англ. total factor productivity) - экономическое понятие, обозначающее совокупность факторов, влияющих на выпуск продукции, за исключением затрат труда и капитала (*прим. ред.*).

[5] Рассчитано по текущему курсу $ к малайзийскому ринггиту на 02.03.2020 (*прим. авт.*).

Список литературы/ References

1. Бойцов В.В. Экономический рост в современной Малайзии: факторы и эффективность. *Страны Азии и Африки в XXI веке: экономическое развитие и научно-технический прогресс. К 90-летию В.Г. Растянникова.* Москва, ИВ РАН, 2018, с. 301. (Boytsov V.V. 2018. Economic growth in modern Malaysia: factors and efficiency. 2018. *Countries of Asia and Africa in the XXI century: economic development and scientific and technological progress. On the 90th anniversary of V.G.Rastyannikov.* M.) (In Russ.)

2. Гришин И. Человеческое развитие: количественное измерение и процессы в мировой системе. *Мировая экономика и международные отношения*. 2010, № 7, с. 102-114. (Grishin I. 2010. Human development: quantitative measurements and processes in the world system. *World Economy and International Relations*. № 7) (In Russ.)

3. Тюрин В.А. История Малайзии. Краткий очерк. Москва, Наука, 1978, с. 243. (Tyurin V.A. 1978. History of Malaysia. A brief sketch. M.) (In Russ.)

4. Тюрин В.А., Цыганов В.А. История Малайзии. XX век. М., ИВ РАН, 2010, с. 119. (Tyurin V.A., Tsyganov V.A. 2010. History of Malaysia. XXth century) (In Russ.)

5. Ravallion M. Ethnic Inequality and Poverty in Malaysia Since 1969. Nber working paper series. Cambridge. 2019, p. 3. https://doi.org/10.3386/w25640 (accessed 11.01.2020)

6. Samuel Bassey Okpostin, Abdul Halim Abdul Hamid, Ong Hway Boon. The changing phases of Malaysian economy, Selangor, 2005, p.120.

7. Department of Statistics Malaysia. Report of Household Income And Basic Amenities Survey 2016. https://www.dosm.gov.my/v1/index.php?r=column/cthemeByCat&cat=120&bul_id=RUZ5REwveU1ra1hGL21JWVlPRmU2Zz09&menu_id=amVoWU54UTl0a21NWmdhMjFMMWcyZz09 (accessed 11.01.2020)

8. Department of Statistics Malaysia. Abridged Life Tables Malaysia, 2017-2019. https://www.dosm.gov.my/v1/index.php?r=column/pdfPrev&id=YnV4S1FyVnNzUWJlQ3F5NHVMeFY3UT09 (accessed 18.01.2020)

9. Department of Statistics Malaysia. Employment Statistics 2019. https://www.dosm.gov.my/v1/index.php?r=column/cthemeByCat&cat=439&bul_id=akhuTkdhaTEvbzdTWUhIZnFKaktTZz09&menu_id=Tm8zcnRjdVRNWWlpWjRlbmtlaDk1UT09 (accessed 19.01.2020)

10. Department of Statistics Malaysia, Official Portal. Labour Force & Social Statistics. https://www.dosm.gov.my/v1/index.php?r=column/ctwoByCat&parent_id=123&menu_id=U3VPMldoYUxzVzFaYmNkWXZteGduZz09 (accessed 19.01.2020)

11. Malaysia Education Blueprint (Higher Education), 2015-2025. Putrajaya: Ministry of Education Malaysia. https://www.usm.my/index.php/my-usm/vice-chancellors-column/arkib-ucapan/298-malaysia-education-blueprint-2015-2025-higher-education-addressing-current-and-future-challenges-in-malaysian-higher-education-2 (accessed 08.07.2019)

12. Malaysia Productivity Corporation. 25th Productivity Report. Selangor, p. 4.

13. Ministry of International Trade and Industry. Malaysia's labour productivity continues to record positive growth in second quarter 2019. https://www.miti.gov.my/miti/resources/Media%20Release/Media_Release_Malaysia%E2%80%99s_Labour_Productivity_Continues_To_Record_Positive_Growth_In_Second_Quarter_2019.pdf (accessed 08.07.2019)

14. OECD Economic Survey Malaysia, July 2019, p. 16. http://www.oecd.org/economy/surveys/Malaysia-2019-OECD-economic-survey-overview.pdf (accessed 23.12.2019)

15. Official portal of Ministry of Finance Malaysia. Statistical Outlook 2019, p. 39. https://www.treasury.gov.my/pdf/economy/2019/st_sosioeconomic.pdf (accessed 08.01.2019)

16. The Eleventh Malaysia Plan 2016-2020. https://policy.asiapacificenergy.org/node/2508 (accessed 10.11.2019)

17. The World Bank. World Data Bank. World Development Indicators. GDP Growth (Annual %), https://data.worldbank.org/indicator/NY.GDP.MKTP.KD.ZG?end=2018&locations=MY&start=1980&view=chart (accessed 08.01.2020)

18. The World Bank. World Data Bank. World Development Indicators. GDP (constant 2010 US$). https://data.worldbank.org/indicator/NY.GDP.MKTP.KD (accessed 08.01.2020)

19. The World Bank. World Data Bank. World Development Indicators. Mortality rate (under 5 per 1,000). https://data.worldbank.org/indicator/SE.PRM.ENRR (accessed 18.01.2020)

20. The World Bank. World Data Bank. World Development Indicators. Expectancy at Birth (total years). https://data.worldbank.org/indicator/SP.DYN.LE00.IN?locations=MY (accessed 18.01.2020)

21. The World Bank. World Data Bank. World Development Indicators. Literacy rate, adult total (% of people ages 15 and above). https://data.worldbank.org/indicator/SE.ADT.LITR.ZS?locations=MY (accessed 10.04.2020)

22. The World Bank. The Human Capital Project. Washington, 2018, p. 32.

23. UNDP. Human Development Report. 1990, p. 111.

24. UNDP. Human Development Report. 2011, p. 128.

25. UNDP. Human Development Report. 2019, p. 300.

26. UNDP. Human Development Reports. Mean Years of Schooling. http://hdr.undp.org/en/content/mean-years-schooling-males-aged-25-years-and-above-years (accessed 18.01.2020)

27. World Economic Forum. The Competitiveness Report 2019, Geneva, p. 383.

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

DOI: 10.31857/S032150750010106-8

АФРИКА В ФОРМИРУЮЩЕЙСЯ МОДЕЛИ МИРОУСТРОЙСТВА

© 2020 С. ВОЛКОВ, Т. ДЕЙЧ

ВОЛКОВ Сергей Николаевич, к.э.н, ИАфр РАН (sergey.n.volkov@outlook.com)
ДЕЙЧ Татьяна Лазаревна, д.и.н., ИАфр РАН (tdeich@yandex.ru)

Резюме. *Формирование полицентричного мира поднимает вопрос о роли Африки в этом процессе. Некоторые тенденции очевидны. В их числе - стремление африканских государств к большей субъектности, в первую очередь, за счет развития африканской интеграции и освоения достижений четвертой промышленной революции. Эти тенденции и сопровождающие их процессы имеют место на фоне обостряющейся конкуренции международных акторов за усиление влияния в мире и Африке, что делает особо важным постоянный мониторинг указанных процессов.*
Ключевые слова: *Африка, экономика, геополитика, интеграция, сотрудничество, вызовы.*

AFRICA IN THE EMERGING MODEL OF THE WORLD ORDER

Sergei N. VOLKOV, PhD (Economics), Institute for African Studies, Russian Academy Sciences (sergey.n.volkov@outlook.com)
Tatiana L. DEYCH, Dr.Sc. (History), Institute for African Studies, Russian Academy Sciences (tdeich@yandex.ru)

Abstract. *A polycentric world formation raises a number of important questions for the scholars. The first of them is a role of African continent in this process. A common point of view on this issue has not been formulated yet, although some trends are becoming more obvious. Among them is the desire of African states for greater subjectivity, primarily through the development of African integration and the exploration of the fourth industrial revolution achievements.*

In February 2020, Institute for African Studies (Russian Academy of Sciences) informed about forthcoming on March 31 international conference «Africa in the conditions of a polycentric world formation". The wide range of issues were proposed for discussion, including the various aspects of African states home and foreign policies, their role and place in the new geopolitical conditions, and the African policies of the leading economically developed and developing countries. The problems submitted for consideration excited a keen interest of scholars from the various institutes of the Russian Academy of Science. 38 applications were submitted by those who wanted to participate in the conference. However, COVID-2019 pandemic has made its own adjustments to the implementation of many scientific activities in our country, including this conference. The measures taken by Russia to combat the spread of infection (COVID-2019) forced the organizers to hold it by correspondence with discussing the abstracts and reports submitted by participants.
Keywords: *Africa, economics, geopolitics. integration processes, developing countries, cooperation, aid, investment, challenges of globalization*

Обсуждение первого блока тем, касающихся глобальных проблем Африки и современных тенденций мировой экономики, открыло выступление д.и.н., проф. РУДН **Юртаева В.И.** «*Афро-Евразия: вызовы участия в формировании полицентричного мира*». Задавая вопрос, произойдет ли в XXI в. возвышение афро-азиатского мира как новой альтернативы существующему мировому порядку, докладчик отметил необходимость найти на пути к афро-евразийской интеграции ответы на вызовы, в числе которых: реорганизация глобального и международного контекста, пересмотр реализуемых и выработки новых стратегий, проблема неоднородности экономик стран Афро-Евразии.

В выступлении ст.н.с. ИАфр РАН **Неклессы А.И.** «*Постколониальность в контексте цивилизационного и регинального развития*» концепту глобализации был противопоставлен взгляд на глобальную перестройку как следствие кризиса институтов всемирной бюрократии, коллективистских идео-партийных тотальностей, прочих административных и социокультурных механизмов.

Об экономических тенденциях в странах Северной Африки доложил к.э.н., зав. Центром стран Северной Африки ИАфр РАН **Ткаченко А.А.** Он отметил, что политические потрясения 2011-2019 гг. в регионе Ближнего Востока и Северной Африки совпали с нарастающим влиянием таких мегатрендов, как глобализация, формирование единого мирового информационного пространства, активизация роли ключевых международных и региональных акторов. Перед странами региона остро стоит задача мобилизации ресурсов с целью купировать эти последствия.

Проблема цифровизации экономики стран Тропической Африки - тема доклада к.э.н., ст.н.с. ИВ РАН **Цветковой Н.Н.** Использование цифровых технологий пронизывает сегодня множество сфер экономики и жизни африканского общества, в их числе - «умный город», онлайн-образование, здравоохранение. Весьма актуально, в частности, в условиях пандемии COVID-19 использование

в Сенегале цифровых технологий в здравоохранении, определении местоположения заболевших с помощью *GPS*.

В ряду важных для Африки глобальных проблем, отметила **Гришина Н.Г.,** к.и.н., ст.н.с. ИАфр РАН, не последнее место занимает международное сотрудничество в борьбе с наркотрафиком. Возглавляет борьбу Интерпол, стремящийся силами государств-членов перекрыть каналы поступления наркотиков на «черный рынок», отсечь их производство от сбыта. Борьба с отмыванием денег и финансированием терроризма была рассмотрена магистрантом НИЯУ МИФИ **Эдвардом Нтеге** (Уганда) на примере Восточной Африки, где, подчеркнул он, организованная преступность недооценивается, несмотря на данные, говорящие о ее динамике, что требует более тесного партнерства между правоохранительными органами стран региона.

В связи с состоявшимся в октябре 2019 г. Саммитом и Экономическим форумом «Россия-Африка» в Сочи вед.н.с. ИАфр РАН, к.э.н. **Корендясов Е.Н.** подчеркнул инновационный характер подходов к выстраиванию архитектуры российско-африканских отношений на этой встрече. Чрезвычайно важным, по его мнению, было единство взглядов участников прошедших форумов в отношении необходимости взаимодействия в переформатировании институтов и инструментов глобального регулирования в сфере мировой торговли и мировой экономической системы в целом.

Вед.н.с. ИАфр РАН, д.полит.н. **Сидорова Г.М.** отметила тесное совпадение интересов России и африканских государств в развитии политического, экономического и военно-технического сотрудничества. Учитывая неравномерность развития стран континента, а также нестабильность военно-политической обстановки в ряде государств, отношения с африканскими партнерами строятся по-разному. В последнее время все ощутимее стало российское присутствие в государствах южнее Сахары.

Выступление ст.н.с. ИАфр РАН, к.психол.н. **Харитоновой Е.В.** было посвящено опыту *SWOT*-анализа российско-африканского сотрудничества. К его слабым сторонам она отнесла «паузу», названную «уходом» России из Африки, сбои в системе представлений российского бизнеса о работе с Африкой, недостаточную проработку системы государственной поддержки бизнеса, экономические проблемы России.

Морозенская Е.В., к.э.н., зав. Центром изучения проблем переходной экономики ИАфр РАН, свое выступление посвятила российско-африканскому сотрудничеству в сфере финансирования экономического развития стран континента, выделив среди ключевых проблем недостаточную развитость общеафриканского рынка, сохранение в африканских государствах высоких финансовых рисков, а также относительно небольшой пока объем российско-африканской торговли.

Волков С.Н., к.э.н., зав. Центром изучения российско-африканских отношений и внешней политики стран Африки ИАфр РАН, отметил, что экономическое партнерство России со странами Северной Африки имеет давние традиции и прочную основу. Безусловный лидер среди внешнеторговых контрагентов России в этом регионе - Египет, где реализуются 3 самых крупных российских экономических проекта в Африке, стоимость каждого из которых превышает $1 млрд.

Сотрудничеству в области информатики и телекоммуникаций было посвящено выступление к.э.н., ст.н.с. ИАфр РАН **Новиковой З.С.** Для российских телекоммуникационных компаний после насыщения ими внутреннего рынка Африканский континент по привлекательности оказался на 3-м месте после стран СНГ и Азии. Важным направлением работы российских компаний в этом регионе стало предоставление новых решений по оказанию облачных услуг для малого бизнеса, а также разработка программного обеспечения для ряда интеграционных объединений и международных организаций.

Сотрудничеству в области энергетики уделила внимание ст.н.с. ИАфр РАН **Калиниченко Л.Н.,** рассказав о проектах «Газпрома», «Лукойла», «Роснефти», «Росгеологии», «Транснефти» и ряда других компаний в Алжире, Анголе, Египте, Мозамбике, Нигерии и Экваториальной Гвинее. Были рассмотрены также перспективы взаимодействия в области возобновляемых источников энергии, включая солнечную и ветровую, а также атомную энергетику.

Наибольший интерес участников конференции вызвала секция «*Развитые страны и Африка*», в ней участвовали 11 докладчиков, в т.ч. 5 - по американо-африканским отношениям, что является косвенным подтверждением доминирующего пока влияния этой группы государств на определении роли и положения Африканского континента в мировой экономике и международных отношениях.

В своем докладе д.и.н., гл.н.с. ИАфр РАН **Урнов А.Ю.** проанализировал современную африканскую политику США, которая нашла отражение в провозглашённой в декабре 2018 г. «Новой африканской стратегии», где главным конкурентом США на континенте, помимо Китая, впервые была названа Россия. Лейтмотив новой стратегии - рационализация и экономия расходуемых в Африке средств. В сфере экономики новациями стали инициатива «Процветай Африка» и закон «О более эффективном использовании инвестиций на цели развития», предусматривающий создание «Международной финансовой корпорации развития США» с капиталом до $60 млрд. Главным исполнителем военной составляющей

«Новой стратегии» остается Африканское командование (АФРИКОМ).

Вопросы американского военного присутствия на континенте нашли отражение в выступлении к.и.н., ст.н.с. Института США и Канады РАН **Пархоменко В.К.,** посвященного роли созданного в 2007 г. АФРИКОМ, в зоне ответственности которого - территории всех стран Африки, кроме Египта. Мандат АФРИКОМ включает разработку стратегии проведения военных операций на континенте, а также помощь в подготовке вооруженных сил лояльных Вашингтону африканских правительств. Сегодня АФРИКОМ США имеет в своем распоряжении 7500 американских военнослужащих, а также 46 военных баз в Африке.

Студент МГИМО (У) МИД России **Степанов А.А.** затронул вопросы современного этапа сотрудничества США и стран Африки южнее Сахары в борьбе с терроризмом. В частности, он отметил, что, сохраняя заложенные при предыдущих администрациях направления политики США в регионе, администрация Трампа меняет общий подход к антитеррористической стратегии США в Африке. Противостояние террористической угрозе рассматривается как второстепенная задача по сравнению с задачей укрепления американского влияния в регионе и вытеснения ключевых конкурентов - Китая и России.

Концепции «Политически значимое лицо» (*PEP - Politically Exposed Person*) в структуре механизмов санкционного давления Запада на представителей африканских элит посвятил свое выступление член-корр. РАН, д.и.н., проф. **Фитуни Л.Л.** *PEP* определяется Целевой группой по финансовым мероприятиям (FATF) как лицо, которому «вверена или была вверена выдающаяся общественная функция». В отношении принадлежащих *PEP* собственности и контролируемых активов действуют особые процедуры. Эти меры, основанные на презумпции виновности представителей политических и иных элит, а также их окружения, обосновываются борьбой с коррупцией. Однако указанные меры одновременно становятся инструментом оказания влияния на политических лидеров, а через них и на политику управляемых ими стран.

Инновационное сотрудничество североамериканских и африканских компаний было рассмотрено в выступлении д.э.н., вед.н.с. Института проблем управления РАН **Матковской Я.С.,** которая отметила усиливающийся интерес инвесторов из США к Африканскому континенту. Вместе с тем, было отмечено растущее число прецедентов, когда уже не только североамериканские, но и африканские компании становятся инновационными донорами и демонстрируют практику, которая может восприниматься первыми как объект бенчмаркинга.

Обсуждение европейско-африканских отношений открыло выступление к.и.н., ст.н.с. ИАфр РАН **Кульковой О.С.,** остановившейся на основных приоритетах стратегического партнерства ЕС и Африки на нынешнем этапе. Европейский подход к этому партнерству, базирующийся на 5-ти ключевых направлениях: экологически устойчивых («зеленых») технологиях и доступе к энергии, цифровой трансформации, устойчивом экономическом росте и создании рабочих мест, мире и управлении, миграции и мобильности, - сформулирован в опубликованном в марте 2020 г. документе «К всеобъемлющей стратегии сотрудничества с Африкой».

Ивкина Н.В., к.и.н., ст. преподаватель кафедры теории международных отношений РУДН, доклад посвятила анализу истории саммитовой дипломатии ЕС-АС, рассмотрев трансформацию повестки дня всех 5 проведенных с 2000 г. саммитов, которая свидетельствует об углублении сотрудничества ЕС-АС и его постепенном переходе на новый уровень институциональных отношений.

Европейско-африканские отношения осуществляются не только в рамках региональных интеграционных объединений, но и на двусторонней основе. В частности, м.н.с. ИАфр РАН **Гаврилова Н.Г.** рассказала о торговых отношениях Нигерии со странами ЕС, доля которых в нигерийском товарообороте достигает 40%. При этом Нигерия постоянно имеет в торговле с ЕС положительное сальдо. Основными ее контрагентами по импорту из этой группы стран являются Нидерланды, Франция и Германия, а тремя основными покупателями нигерийской продукции - Нидерланды, Испания и Франция.

Внимание на конференции было уделено и анализу франко-африканских отношений. Аспиранты ИАфр **Туре А.М.** - затронула французское противодействие терроризму в Кот-д'Ивуаре; **Халитова А.Р.** - проанализировала политику Франции в странах Субсахарской Африки при правительстве Ф.Олланда, отметив, в частности, что основы этой политики были заложены во второй половине XX в. и в значительной степени обусловлены зависимостью от архитектуры неоколониализма, сформированной под влиянием идеологии голлизма. Концептуально африканская стратегия Франции в рассматриваемый период включала 3 ключевых элемента: следование принципу «Африка - африканцам» (минимальное вмешательство во внутренние дела африканских государств), использование силовых методов в борьбе с континентальными вызовами и угрозами, развитие экономической дипломатии.

Работу секции «*Развитые страны и Африка*» завершило выступление к.и.н., ассистента кафедры теории и истории международных отношений РУДН **Забеллы А.А.** «*Политика Японии в Африке*», в котором основное внимание было уделено заседаниям Токийской международной конференции по развитию Африки (ТИКАД). Всего было проведено 7 подобных встреч в 1993-2019 гг.

Причем, если до 2013 г. они проходили один раз в 5 лет на территории Японии, то затем стали проводиться с интервалом в 3 года попеременно в Японии и в Африке (последняя в 2016 г.). Главная причина активизации японо-африканского сотрудничества кроется в попытке противодействовать растущему влиянию Китая на Африканском континенте.

В числе обсуждавшихся на конференции проблем заметное место заняли вопросы *политики в Африке восходящих и других развивающихся стран*. Особое внимание привлекла африканская политика Китая, различные аспекты которой нашли отражение в трех выступлениях. Так, д.и.н., вед.н.с. ИАфр РАН **Дейч Т.Л.** дала оценку направлениям и тенденциям современного этапа китайско-африканских отношений. Китай, столкнувшись с инфекцией COVID-2019, вопреки трудностям в экономике, продолжает курс на расширение сотрудничества со странами континента. Финансирование африканских проектов в рамках китайской инициативы «Один пояс - один путь» стало поводом для обвинений Пекина в создании «долговых ловушек». Однако данные свидетельствуют о том, что сотрудничество с Китаем способствует повышению экономического потенциала стран континента, созданию Африкой промышленной базы, развитию человеческого капитала.

Темой выступления аспирантки ИДВ РАН **Сербиной Е.М.** стала африканская стратегия двух ведущих банков Китая: Государственного банка развития (ГБРК) и Экспортно-импортного банка. С 2006 по 2018 гг. ГБРК создал Китайско-африканский фонд развития, предоставил странам Африки кредиты в объеме $50 млрд и привлек инвестиции от китайских компаний на $23 млрд. К середине 2019 г. объем кредитов Эксимбанка 46 африканским странам превысил $87 млрд.

О роли южноафриканских *хуацяо* в сотрудничестве КНР и ЮАР говорилось в выступлении н.с. ИАфр РАН **Фитуни О.Л.** Численность китайской диаспоры в ЮАР составляет от 350 до 400 тыс. человек. Пекин поддерживает расширение экономической базы диаспоры, создание ею деловых, профессиональных, культурных ассоциаций. Китайские организации ЮАР оказали поддержку КНР в период эпидемии COVID-19.

Как и Китай, членом БРИКС - объединения, наращивающего активные связи с Африкой, является Бразилия, Политика этой страны на Африканском континенте была рассмотрена в докладах проф. РУДН **Борзовой А.Ю.** и д.э.н., вед.н.с. ИАфр РАН **Сапунцова А.Л.**

Как отметила **Борзова А.Ю.,** африканский вектор во внешней политике Бразилии становится крайне важным с началом XXI в. С 2005 г. Бразилия участвует в качестве наблюдателя в важнейших мероприятиях Африканского Союза и имеет с ним договор о техническом сотрудничестве. Развитию межконтинентального взаимодействия содействует саммит «Южная Америка - Африка» (*ASA*). Диалоговый форум *IBSA*, созданный для координации действий, реализует ряд проектов в странах группы. Взаимодействию между Бразилией и Африкой содействует некоммерческая организация Бразильско-африканский институт.

Сапунцов А.Л. рассказал о роли многонациональных предприятий (МНП) Бразилии. В Африку инвестируют крупные бразильские МНП: *Petrobras* (добыча нефти), *Vale* (горнорудная промышленность), *CEMEX* (выпуск строительных материалов), а также *QueirozGalvго, Odebrecht, Andrade Gutierrez* и *Camargo Corrка* (строительство, инжиниринговые услуги).

Один из крупнейших инвесторов в Африку - Объединенные Арабские Эмираты (ОАЕ), о политике которых в Африке говорил к.полит.н., зав. Центром социологических и политологических исследований ИАфр РАН **Костелянец С.В.** В 2016 г. Эмираты оказались на 2-м после Китая месте в мире по объему инвестиций в Африку, а в 2018 г. - на 5-м месте по объему торговли с африканскими странами (после ЕС, Китая, Индии и США). Сочетание использования «мягкой» и «жесткой силы» усиливает позиции ОАЭ на континенте и зачастую обеспечивает Эмиратам дополнительные конкурентные преимущества.

Заметную активность проявляет в Африке и Турция, политике которой в Ливии был посвящен доклад ассистента кафедры теории и истории международных отношений РУДН **Агазаде Мирмехти Мирками оглы** «*Ливийский кризис и национальные интересы Турции*». Турция активно проводит геологоразведку на шельфе Средиземного моря, где ведут поисково-разведочные работы и добывают энергетические ресурсы также Кипр, Израиль, Греция и Египет. Докладчик считает главной причиной ливийского кризиса соперничество за энергоресурсы в Средиземном море.

Последний блок обсуждаемых на конференции проблем содержал выступления на тему *внешней политики отдельных африканских стран и межафриканских отношений*.

Дискуссию открыли доклады, посвященные весьма злободневной проблеме для стран континента - африканской интеграции. Как отметила к.э.н., н.с. ИАфр РАН **Константинова О.В.,** интеграционные процессы охватили весь мир, и Африка не стала исключением. Важнейшими событиями последних лет стало принятие «Повестки - 2063» (2013 г.) и Соглашения об Африканской континентальной зоне свободной торговли (2018 г.). Успехов в региональной интеграции достигли Восточноафриканское сообщество (ВАС), Сообщество развития Юга Африки (САДК), Экономическое сообщество государств Западной Африки (ЭКОВАС) и Общий рынок Восточной и Южной Африки (КОМЕСА). Однако в осуще-

ствлении региональной интеграции, сохраняется ряд серьезных проблем, пока ожидающих решения.

Интеграции в электроэнергетике Африки посвятила свое выступление к.э.н., ст.н.с. ИАфр РАН **Шарова А.Ю.** Как было ею отмечено, в Африке в разные годы было создано 5 энергетических пулов: Восточноафриканский (*EAPP*); Центральноафриканский (*CAPP*); Южноафриканский (*SAPP*); Западноафриканский (*WAPP*); энергетические пулы и Магрибский комитет по электричеству (*COMELEC*).

Указанные энергетические объединения сильно различаются с точки зрения масштаба, степени интеграции, механизмов управления и эффективности. Северный и южный рынки являются относительно развитыми, восточный и западный демонстрируют высокие темпы развития, центральный - наименее развит. Развитие энергетических рынков АЮС идет медленными темпами в силу ряда проблем, которые Африке предстоит решать.

Одна из стран, чья внешняя политика стала предметом анализа, - Ангола.

Как отметил ст.н.с. ИАфр РАН **Ненашев С.В.,** геополитическое положение Анголы на перекрестке Центральной и Южной Африки, окружение этой бывшей колонии Португалии франкоязычными и англоязычными государствами континента предопределили ее региональную политику. Содержание последней менялось в зависимости от целей и задач правительства и внутриполитической ситуации в стране. Правительство Анголы уделяло большое внимание участию страны в САДК и Экономическом сообществе государств Центральной Африки (ЭСГЦА); оно стало одним из инициаторов создания в 2001 г. Комиссии стран Гвинейского залива. В последнее десятилетие Ангола заняла место региональной державы, что способствовало повышению ее рейтинга в международном сообществе.

Взаимоотношениям одной из ведущих стран континента - Нигерии - с соседней Экваториальной Гвинеей было посвящено выступление к.и.н., зав. Центром изучения стран Тропической Африки ИАфр РАН **Денисовой Т.С.** Две страны считаются близкими соседями, но отношения между ними иногда обострялись до такой степени, что едва не приводили к вооруженным столкновениям. Перемены в отношениях между Нигерией и Экваториальной Гвинеей произошли после свержения Нгуэмы 3 августа 1979 г. В настоящее время двустороннее сотрудничество активно развивается в различных сферах: сельском хозяйстве, морских перевозках, мелкой промышленности, нефтедобыче и др.; Нигерия и Экваториальная Гвинея работают вместе над стабилизацией нефтяного рынка в рамках ОПЕК.

Санкционно-регуляторные инструменты торговой политики Нигерии в ЭКОВАС нашли освещение в выступлении м.н.с. ИАфр РАН **Заноской Е.Н.** Нигерия в разное время играла активную роль, а в некоторых случаях инициировала использование ЭКОВАС санкционных инструментов в отношении ряда государств и/или представителей политических элит субрегиона в случае несоблюдения ими демократических процедур, участия в военных преступлениях и т.д. Эти действия способствовали укреплению конкурентных позиций Нигерии в субрегионе. Помимо санкционных, Абуджа использует регуляторные инструменты укрепления своих конкурентных позиций, но одновременно применяет меры протекционистской политики, повышая ввозные пошлины, вводя запреты на ввоз определенных видов продукции.

Два выступления были посвящены внешнеполитическим проблемам одной из ведущих стран Африки - Южно-Африканской Республики.

Как отметил студент МГИМО (У) МИД России **Панин Н.А.,** во внешней политике ЮАР при президенте Н.Манделе особое внимание получили вопросы поддержки демократии и соблюдения прав человека. С приходом в 1999 г. к власти президента Т.Мбеки основой ее стала идея «Африканского ренессанса». Президент Дж.Зума сделал акцент на роли восточного вектора внешней политики, подписанная им Пекинская декларация провозгласила всеобъемлющее стратегическое партнёрство с Китаем. Пришедший к власти в 2019 г. С.Рамафоса объявил о возвращении к курсу Н.Манделы во внешней политике.

Верташов Ю.Д., м.н.с. ИАфр РАН, отметил, что после краха режима апартеида некоторые экономические показатели ЮАР улучшились, однако в стране продолжает сохраняться ряд серьезных социально-экономических проблем, таких как безработица, неравномерное распределение доходов и др. В этой связи ЮАР получает дополнительный стимул для решения основных социальных проблем благодаря участию в БРИКС, осуществляющем совместные действия по решению социальных проблем, искоренению бедности и обеспечению инклюзивного экономического роста стран-членов объединения.

Еще одной африканской страной, чья внешняя политика была проанализирована на конференции, стал Мадагаскар в докладе специалиста по этой стране ст.н.с. Института Африки РАН **Шленской С.М.**

* * *

Анализ выступлений на тему роли и места Африки в условиях формирования новой модели мироустройства показал большой интерес научной общественности к этой проблеме. Ввиду широты затронутой темы были рассмотрены далеко не все ее аспекты. Однако даже краткий обзор выступлений позволяет говорить о ее значимости, которая, несомненно, будет расти по мере роста значимости Африки в современном мире.

РЕЦЕНЗИИ

DOI: 10.31857/S032150750010110-3

АМБЕДКАР - ВЕЛИКИЙ НЕПРИКАСАЕМЫЙ ИНДИИ

© 2020 Л. ЧЕРЕШНЕВА

ЧЕРЕШНЕВА Лариса Александровна, доктор исторических наук, Липецкий государственный педагогический университет имени П.П.Семенова-Тян-Шанского (larisa-chereshneva@rambler.ru)

Ключевые слова: *Индия, Бхимрао Рамджи Амбедкар, конституция, неприкасаемые (далиты)*

AMBEDKAR - THE GREAT UNTOUCHABLE OF INDIA

Larisa A. CHERESHNEVA, Dr.Sc. (History), Semyonov-Tan-Shanskiy Lipetsk State Pedagogical University (LSPU) (larisa-chereshneva@rambler.ru)

Keywords: *India, Bhimrao Ramji Ambedkar, Constitution, untouchables*

Review of the book: ***E.S. Yurlova*. B.R.Ambedkar. Life, Creativity, Legacy. Creator of the Constitution of India. Fighter for Freedom of the Untouchables** / Ed. T.L. Shaumyan. Moscow: Institute of Oriental Studies of RAS, 2020. 292 p. (In Russ.)

Книга *Е.С.Юрловой* **«Б.Р.Амбедкар. Жизнь, творчество, наследие. Создатель конституции Индии. Борец за свободу неприкасаемых»** (Отв. ред. Т.Л.Шаумян. М., ИВ РАН, 2020. 292 с.).

В отечественной индологии существует определенный дефицит научных работ, посвященных выдающимся фигурам индийского освободительного движения и государственного становления независимой Индии. Это относится и к ряду представителей долгое время правившей партии Индийский национальный конгресс (ИНК), и к деятелям конфессиональных и кастовых[1] объединений - таким, как Бхимрао Рамджи Амбедкар.

В этой связи совершенно очевидны научная востребованность и актуальность монографического исследования ведущего научного сотрудника Института востоковедения РАН, кандидата исторических наук Е.С.Юрловой.

Автор монографии в своей аннотации к книге указывает на то, что вклад Амбедкара в создание конституции и его борьба против неприкасаемости долгое время находились «в тени» по политическим мотивам. «Даже его имя не упоминалось в политических дискуссиях. Однако с конца 1980-х гг. к наследию Амбедкара стали обращаться разные политические круги в Индии и за ее рубежами. В последующие годы этот интерес многократно усилился. Об Амбедкаре - творце конституции и борце за свободу неприкасаемых[2] “вспомнили” и стали поднимать его на пьедестал славы».

Бхимрао Рамджи Амбедкар (1891-1956) - один из главных создателей конституции независимой Индии. Эта его политическая ипостась и другие значимые сферы деятельности требовали системного прочтения и привлечения широкого корпуса документов. Книга Е.С.Юрловой - научный ответ индолога на эту потребность отечественного востоковедения.

Книга обеспечена обширным кругом документов: работами и речами самого Амбедкара, государственными официальными актами, выступлениями премьер-министров Индии - Морарджи Десаи (1977-1979) и Вишванатх Пратап Сингха (1989-1990), президента Индии Пранаба Мукхерджи (2012-2017), документами ИНК и организаций далитов[3].

Е.С.Юрлова задействовала также мемуары первого премьер-министра Индии Джавахарлала Неру (1889-1964), лидера освободительного движения Индии от британского владычества Мохандаса Карамчанда Ганди (1869-1948), деятеля «неприкасаемых» Рам Джагдживана (1908-1986), британца Беверли Николаса, который в качестве корреспондента прожил в Индии с 1939 по 1945 гг.

[1] В Древней Индии с возникновением индуизма сложилась варновая система. Варна (буквально «цвет», «качество») - понятие, обозначающее основные страты индусского общества, такие как: брахманы - высшая варна жрецов, учёных индусов; кшатрии - воины, в т.ч. цари-кшатрии; вайшьи - земледельцы, торговцы, ремесленники; шудры - низшая варна слуг, наемных работников. Внутри стратовых границ каждой из варн образовались многочисленные касты - замкнутые эндогамные группы людей, социальные ячейки, соответствующие варновому роду занятий. Их члены в индуизме именовались кастовыми индусами (*прим. авт.*).

[2] Неприкасаемые - индийские пария, изгои, слои общества, выполнявшие тяжелую и грязную физическую работу. Находились вне кастовой системы. По древним религиозным законам индуизма их прикосновение оскверняло ритуальную чистоту кастовых индусов (*прим. авт.*).

[3] Б.Р.Амбедкар ввел иное наименование неприкасаемых - далиты, или угнетенные (*прим. авт.*).

и встречался с Амбедкаром в 1944 г., и многих других. Широко использована индийская публицистика и пресса.

В 1-й главе - «Семья Амбедкара. Поездка в США. Его библиотека» - автор исследует истоки политических, социальных, этнорелигиозных и кастовых, этико-философских взглядов Амбедкара. На становлении и эволюции его взглядов сказались исторические события эпохи: Первая мировая война, Октябрьская революция 1917 г. в России, Великая депрессия конца 1920-х - начала 1930-х гг. на Западе, фашизм и Вторая мировая война, национально-освободительное движение в его родной Индии, обретение ею независимости и раздел страны в 1947 г.

Е.С.Юрлова исследует американский опыт ее героя, обучавшегося в США, и погружает читателя в разноплановый мир книг Амбедкара, акцентируя внимание на изучении им политических доктрин, включая марксизм, социализм и других (с. 45-46).

Во 2-й главе - «Далекие и близкие предшественники Амбедкара» - Е.С.Юрлова рассматривает институт неприкасаемости, его трансформацию в далитов, т.н. угнетенные классы или зарегистрированные касты. Автор детально характеризует род занятий, географию проживания, процентное соотношение исследуемых ею категорий населения в регионах независимой Индии. Сведения о том, что «почти половина далитов проживают в пяти штатах хиндиязычного пояса» (с. 55), демонстрируют реальную актуальность проблемы социальной справедливости в условиях соприкосновения традиции и модернизации восточных обществ XX-XXI вв.

Научную ценность представляет авторская детализация внутренней структуры института неприкасаемых, обозначение и характеристика малоизвестных их категорий - «неприближаемые» и «невидимые». Исследована позиция ИНК в вопросе о положении неприкасаемых, в т.ч. деятельность Махатмы Ганди, называвшего их «детьми бога» - хариджанами, и выступавшего за равноправие со всеми слоями общества.

Особое место отведено началу политической активности Амбедкара и его резкой оппозиции Ганди даже в вопросе о наименовании «хариджаны», издревле использовавшегося в Индии как название детей храмовых танцовщиц-девадаси. Подчеркнуто, что именно Амбедкар предложил называть неприкасаемых далитами - угнетенными. По оценке Е.С.Юрловой, победа точки зрения Амбедкара утвердилась, когда в 1990 г. правительство Индии приняло решение использовать термин «зарегистрированные касты» вместо «хариджан» в официальных документах. Слово «далит» закрепилось в качестве общепризнанного термина в быту и общественной жизни для обозначения бывших неприкасаемых (с. 57).

В 3-й главе - «Борьба против дискриминации далитов в Индии и афроамериканцев в США» - проанализированы позиции Ганди и Амбедкара по проблеме расовой дискриминации. Глава посвящена также Мартину Лютеру Кингу-младшему, индийским далитам и институту рабства в Америке. Новизна подхода автора заключается в компаративном анализе положения далитов в Индии и «черных» в США, протестных движений в обеих странах. Е.С.Юрлова подчеркивает: «При поддержке государства они из прежде покорных и угнетенных полурабов стали превращаться в независимых, самостоятельных людей. Этот процесс пока еще не охватил большую часть огромной массы далитов. Но он набирает силу» (с. 153).

4-я глава - «Амбедкар - отец конституции Индии» - касается его центральной роли в истории страны. Автор указывает, что «западные формы и методы демократии, по мнению Амбедкара, нельзя было полностью применить к Индии, поскольку они не могли адекватно учесть социальные противоречия индийского общества, основанного на дифференцированном неравенстве... в котором социальный статус человека определялся его правом по рождению и не зависел от способностей» (с. 159). Выявлена и иная теза Амбедкара: «условием успешного функционирования демократических институтов должно быть устранение социально-экономического неравенства... не должно быть класса, обладающего всеми привилегиями, и класса, имеющего только одни обязанности» (с. 160).

В главе оценен вклад Амбедкара как члена Специальной комиссии в создание конституции Республики Индия. В Основном законе индийский политик во многом закрепил свои представления о демократии, не оставил места для института неприкасаемости, социальной дискриминации, насильственных революций, равно как и массовых выступлений в форме гражданского неповиновения и несотрудничества. Амбедкар предупредил о неприемлемости авторитарного правления харизматических личностей, т.к. это служит «прямым путем к диктатуре» (с. 168).

Во многом благодаря позиции Амбедкара конституция Республики Индия была выработана индийцами без прямого постороннего вмешательства (с. 173). Борец с социальным и конфессиональным неравенством, он, переживший трагедию раздела страны 1947 г., как и подавляющее большинство индийских лидеров, обоснованно был противником права регионов на самоопределение, грозящего рисками новых катаклизмов, и закрепил это в конституции.

5-я глава - «Необуддизм - учение Амбедкара о нравственности» - дает новое знание о практически не изученной в отечественной индологии сфере деятельности лидера неприкасаемых. Автор аргументированно доказывает, что его учение - дхамма, «охарактеризованное как “ангажированный буддизм”, “целенаправленный буддизм”, поставило самого Амбедкара в разряд Будды (т.е. просветленного). Его критика социально-кастового строя, борьба за достоинство простого человека, утверждение высоких религиозно-этических норм стали сутью дхаммы. Просветительские организации, ассоциации и политические образования,

действующие на основе этого учения, можно отнести к институтам амбедкаризма» (с. 186).

Е.С.Юрлова раскрывает тезис Амбедкара о нравственности как категории не только этической, но, «прежде всего, социальной» (с. 189). Автор заключает, что «Будда и его дхамма» (труд Амбедкара, впервые опубликованный после его смерти в 1957 г. - *прим. авт.*) был нацелен на «решение социального конфликта между неприкасаемыми и "чистыми" индусами путем избавления кастовых низов от социального гнета» (с. 192). Поддерживаю вывод автора о том, что посредством учения Амбедкара «индусские парии, традиционно ощущавшие неравенство и социальную несправедливость, стремились смыть с себя клеймо неприкасаемости» (*там же*).

Согласно Е.С.Юрловой, сопоставляя учение Будды и Карла Маркса, Амбедкар выражал сомнение в том, что марксизм сможет разрешить проблемы кастовой дискриминации. Поддерживаю автора во мнении о том, что, поставив вопрос о соотношении касты и класса в индийских условиях, Амбедкар увидел: «страдания людей происходят не только от экономической эксплуатации, но и от социального угнетения, от тирании общества» (с. 196). По Е.С.Юрловой, осудив насилие и диктатуру, Амбедкар объявил буддизм «противоядием коммунизму», имея в виду и их созвучность в поисках равенства людей, и их различие в методах достижения цели. Согласна с автором и в его оценке амбедкаровского анализа этой сложной дихотомии: «Буддизм означал для Амбедкара не просто новую идентичность для далитов, а наиболее эгалитарную, рациональную и этическую тенденцию в индийской истории» (с. 201).

На материалах трудов Амбедкара Е.С.Юрлова доказала тезис о том, что «"дифференцированное неравенство" варновой системы совершенно уникально по сравнению с "обыкновенным неравенством" классовой системы, и именно этим Амбедкар объяснил причину того, что в истории Индии не было революции против брахманизма» (с. 208). Новаторским для отечественной науки стал детальный анализ критики Амбедкаром «Законов Ману» и учения Ницше как вариаций на тему «философии супермена», брахмана или сверхчеловека, с их уничижением простого человека.

Большой интерес для исследователя гандистской эпохи представляет раздел о сопоставлении взглядов Амбедкара и Махатмы. Е.С.Юрлова указывает, что, приравняв касту к варне, Ганди заявил, что индуизм не санкционирует неприкасаемость (с. 233). Амбедкар же, напротив, находил это «приравнивание» некорректным и утверждал, что «общество, основанное на варне или касте, - есть общество несправедливых отношений» (*там же*).

Заключительная, 6-я глава, - «Наследие Амбедкара» - посвящена современному положению далитов в Индии, их движениям в Махараштре и других центрах. Автор показывает, что после смерти Амбедкара наибольший вклад в развитие борьбы далитов за равноправие внесло новое поколение городских далитов, состоявшее, в основном, из государственных служащих и представителей свободных профессий (юристов, преподавателей, журналистов, литераторов) и превратившееся в ядро, которое генерировало идеи о дальнейших путях развития этого социального слоя (с. 242).

Е.С.Юрлова использует дефиниции «далитская интеллигенция», «далитский средний класс», показывающие определенную динамику в развитии этой страты общества после эпохи Амбедкара. Обоснованы выводы автора о том, что, «зародившись на языке маратхи, литература далитов получила развитие на других региональных языках и стала главной опорой далитского движения» (с. 243) и что в 1990-е гг. наметилось изменение в настроении далитских авторов - с «литературы горя и горемык» на описание жизнеутверждающих начал в развитии далитского вопроса (с. 248).

Исследованные автором протестные движения далитов в Махараштре и штате Уттар-Прадеш подвели Е.С.Юрлову к заключению о том, что без достаточной экономической мощи, необходимой для борьбы за власть и свои права, они не могут пока достичь всеобъемлющего успеха. Однако «многочисленная группа далитов и племен - это четверть населения Индии, и в будущем будет играть все бóльшую роль в политической жизни страны» (с. 252-253).

В качестве замечания могу отметить, что в 1-й главе, посвященной началу жизненного пути Бхимрао Рамджи Амбедкара, целесообразно было бы разъяснить этапы его биографии, касающиеся учебы в школе и в привилегированных высших учебных заведениях за границей. Например, тот факт, что при поступлении в школу, закрытую для неприкасаемых, учитель-брахман дал ему свое имя «Амбедкар» и внес его в документы школы (с. 37).

Вызывает повышенный интерес и то обстоятельство, что правитель княжества Бароды Саяджирао Гаеквад III лично финансировал учебу Амбедкара в колледже Бомбейского университета, по окончании которого предоставил ему место в правительстве княжества и затем спонсировал его обучение в Колумбийском университете США (с. 38). Е.С.Юрлова во 2-й главе дает подробную характеристику уникальной личности Саяджирао Гаеквада III (с. 59-61), но при первом упоминании этих фактов было бы уместным пояснить мотивы князя оказывать помощь неприкасаемому.

Работа Е.С.Юрловой представляет собой оригинальное исследование, основанное на современных методологических принципах и подходах к анализу документов, и обладает несомненной новизной. Монография вносит весомый вклад в развитие отечественной индологии, может использоваться в высшей школе для преподавания истории Востока, Индии, всеобщей истории и международных отношений, философии и религиоведения на профильных востоковедческих и исторических факультетах университетов.

ГАУГН-ПРЕСС

«ГАУГН-ПРЕСС» осуществляет свою деятельность на базе Государственного академического университета гуманитарных наук (ГАУГН) и научно-исследовательских институтов Российской академии наук социогуманитарного профиля в рамках их сетевого взаимодействия.

КЛЮЧЕВЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ

- формирование учебно-методических комплексов
- развитие научной периодики
- внедрение новых стандартов научной коммуникации

ПРИНЦИПЫ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

- интеграция науки и образования
- модульный характер актуализации гуманитарного знания
- сетевое взаимодействие научных и методических центров

НАУЧНАЯ И УЧЕБНАЯ ЛИТЕРАТУРА

СЕТЕВАЯ ПЕРИОДИКА

По вопросам приобретения научной и учебной литературы, печатных изданий журналов Российской академии наук, а также оформления подписки на сетевую периодику обращаться по адресу **press@gaugn.ru**

ВОСТОЧНЫЙ ФАКУЛЬТЕТ ГАУГН

НА БАЗЕ ИНСТИТУТА ВОСТОКОВЕДЕНИЯ РАН

БАКАЛАВРИАТ
Востоковедение и африканистика

МАГИСТРАТУРА
Экспертно-аналитическое востоковедение

АСПИРАНТУРА
Обучение в Институте востоковедения РАН

Обучение на восточном факультете предполагает сочетание классического востоковедного образования с углубленным изучением теории международных отношений, политологии, а также философии, религии и общественной мысли Востока.

Основа востоковедного образования — профессиональное овладение восточным и английским языком. **Основные языки — арабский, китайский, корейский и японский.**

Обучение проходит в малочисленных языковых группах, что гарантирует индивидуальный подход к каждому студенту и создает комфортную атмосферу для эффективного усвоения материала.

Изучение обширного комплекса исторических, философских, религиоведческих, политологических и культурологических дисциплин готовит выпускника к исследовательской, переводческой и практической деятельности во всех сферах взаимодействия со странами и народами Азии и Африки.

5 ПРИЧИН ПОСТУПИТЬ В ГАУГН

ВЫДАЮЩИЕСЯ ПРЕПОДАВАТЕЛИ

Ученые из научно-исследовательских институтов РАН, включая академиков, член-корреспондентов, докторов и кандидатов наук.

ИНДИВИДУАЛЬНЫЙ ПОДХОД

Мы не набираем на курс более 35 человек. Преподаватель общается с каждым индивидуально, помогает в выборе вектора профессионального развития.

МЕЖДУНАРОДНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО

Некоторые лекции читают приглашенные специалисты из других стран. Большое внимание уделяется языковой подготовке.

УДОБСТВО

Факультеты находятся в Москве в непосредственной близости от метро. Обучение в магистратуре и аспирантуре в основном проходит в вечернее время. Подать документы можно онлайн.

СТУДЕНЧЕСКАЯ ЖИЗНЬ

Студенты ГАУГН могут участвовать во многочисленных студенческих клубах («Что? Где? Когда?», Клуб политического анализа, Китайский разговорный клуб и др.).